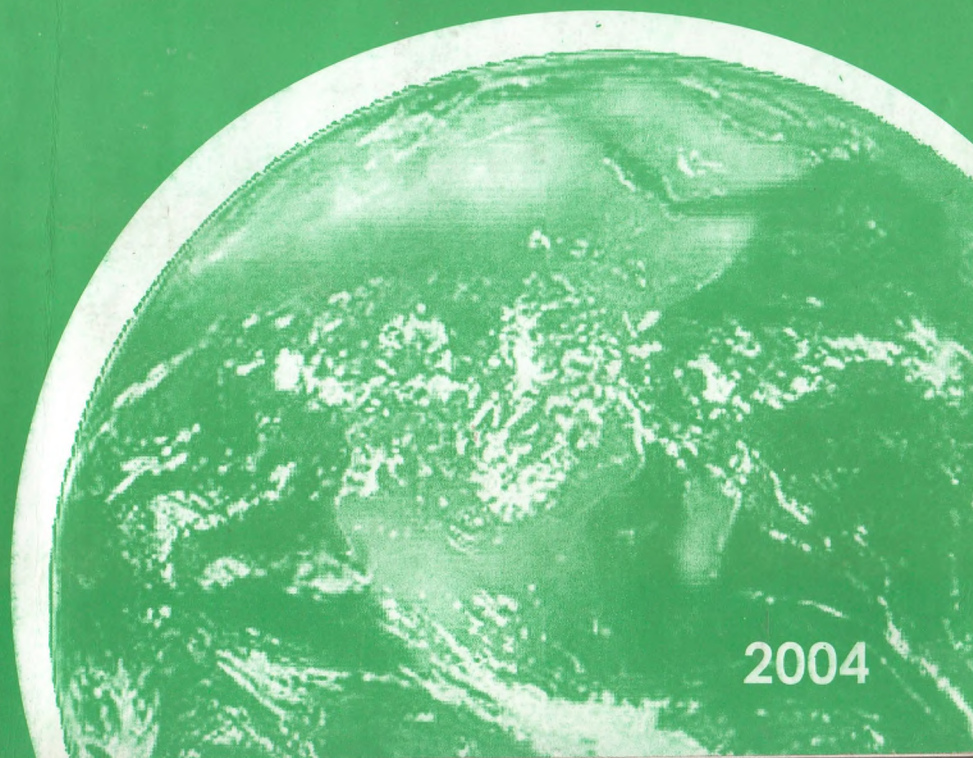

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

VI Международная
научно-практическая конференция

Часть II

2004

МАЛАЯ АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА
НИИ ДЕМОГРАФИИ ВКУ им. С. АМАНЖОЛОВА
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

**VI Международная
научно-практическая конференция
(г. Усть-Каменогорск, 27-28 ноября 2004 г.)**

сборник научных трудов

Часть I I

**Усть-Каменогорск
2005**

ББК 60.54

Э 91

Под редакцией: Алексеенко А.Н.

Краснобаевой Н.Л.

Тарасовой Е.В.

Владимирова В.Н.

**Э 91 Этнодемографические процессы в Казахстане
и сопредельных территориях: VI Межд. науч.-
практич. конф. Усть-Каменогорск, 27-28 ноября
2004 г. – сборник научных трудов, Часть II, Усть-
Каменогорск, 2005. – 236 с.**

ISBN 9965-9682-1-7

В сборнике представлены научные труды, включенные в программу VI Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». В них рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, этнологии, истории и географии населения Казахстана, России, Украины, Беларуси. Выявлен круг проблем, свойственных этнодемографическому развитию государств и отдельных регионов, широко представлены различные точки зрения.

**Э 0703000000
00 (05) - 05**

ББК 60.54

© Малая Ассамблея народов
Восточного Казахстана, 2005

К.С. Калиева

Алтайский Государственный Университет, г. Барнаул
Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

История населения - это история общества. Изменения в численности населения, его возрастном составе, брачной и семейной структурах, а также демографические процессы, которые обуславливают эти изменения, отражают сложные, противоречивые, иногда и трагические события в жизни стран и населяющих их народов.

Для получения данных о населении в демографии и социологии используется система различных источников информации, дополняющих друг друга: текущий статистический учет социально-демографических событий, осуществляемый непрерывно, текущие регистры (списки, картотеки) населения, выборочные и специальные социальные исследования. Самым крупномасштабным и многоцелевым источником информации о населении является его перепись. К середине XIX века, когда во многих странах мира уже проводились переписи, приближенные к их современному пониманию, в науке были даны и первые определения переписей населения как масштабных государственных учетных операций, охватывающих все население страны или ее отдельных территорий.

Различные формы учета населения существовали еще в древности. Учеты населения проводились в Древней Греции, Вавилоне, Месопотамии, Древнем Египте, Риме, Китае и Японии. Они преследовали главным образом фискальные и военные цели и охватывали, как правило, только мужское население, которое могло участвовать в военных действиях и платить налоги [3].

Учет податного и воинского контингента имелся у древних предков казахов - уйсуней, канглы и кипчаков. Согласно китайским источникам, уйсунь во II веке до нашей эры при численности 630 тыс. жителей из 120 тыс. кибинок могли выставить 188800 воинов, канглы (кангюй) при численности 600 тыс. человек из 120 тыс. кибинок имели 120 тыс. боеспособных воинов. В кипчацком государстве имелось свыше 100 тыс. воинов. В раннесредневековых государствах численность населения достигала приблизительно 1 млн. 600 тыс. человек. Средневековые кипчаки, составляющие этническую основу Золотой Орды, вели учет податного населения феодально-раздробленной территории бывшей Киевской Руси. К 1456-1465

годам, в период образования Казахского ханства султанами Керем и Жанибеком, число собравшихся около них (людей) достигло 200 тыс. человек. Число подданных хана Касыма (1523 г.), современники определяли миллионом человек [4].

Начало переписи населения в Казахстане было положено во второй половине XIX века, со времени, когда его территория входила в пределы нескольких краев, губерний, областей Российской империи, когда в городах, связанных с Казахстаном, были образованы местные статистические комитеты [1].

Но учитывая такой важный принцип переписей населения, как «безотносительность целей переписей населения к каким либо конкретным интересам государства (налогообложение, сведения о численности молодежи призывного возраста и др.)», начальную историю переписей населения Казахстана можно будет начинать не с 70-х годов XIX века, а с XVIII века, со времени включения в состав Российской империи некоторых территорий Казахстана. В то время в России сведения о населении собирали при проведении ревизий, учетов крестьян, мещан, купцов, входивших в податные сословия населения страны. Таких ревизий в Российской империи было проведено десять: в 1719 г., 1744-1745 гг., 1763 г., 1782 г., 1795 г., 1811 г., 1833 г., 1850 г., 1857 г. [3].

Конкретная история переписей населения в рамках Казахстана, началась с 1 марта 1870 года, с однодневной переписи города Верного. До 1897 г. (Первой Всероссийской переписи населения) локальные переписи были проведены и в других городах и территориях Казахстана [1].

Первая практика проведения переписей в Казахстане насчитывает, как минимум, восемь местных переписей населения, состоявшихся на территории Казахстана в 70-90-х гг. XIX в. К ним добавляются три сельскохозяйственные переписи, проведенные в стране в 1916-1920 гг., три промышленные (1918, 1920, 1923 гг.).

Руководящего и объединяющего в единый центр государственного статистического органа в Казахстане не было вплоть до 1920 года. Несмотря на то, что 25 июля 1918 года Председателем СНК РСФСР В.И. Лениным был подписан декрет об образовании ЦСУ РСФСР, вплоть до 1920 года на территории Казахстана продолжали функционировать разрозненные по различным административно-территориальным единицам статкомитеты, которые также были переподчинены непосредственно ЦСУ РСФСР [4].

10 июля 1919 года декретом СНК РСФСР был учрежден Военно-революционный комитет по управлению Киргизским (Казахс-

ким) краем, куда вошли только Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская области и часть Астраханской губернии. В связи с этим было образовано статистическое управление при указанном Кирревкоме на правах его отдела [4].

Первая советская перепись населения была произведена в августе 1920 года под эгидой отдела переписей и текущей статистики Высшего Совета народного хозяйства РСФСР. Эта перепись проходила в условиях гражданской войны и военного коммунизма. Из-за военных действий лишь 72 % населения страны, равно как и Казахстана, были охвачены переписью [4].

Данная перепись отмечалась рядом особенностей: во-первых, она носила характер демографическо-профессиональной, т.к. в ее программе значительное внимание было уделено профессионально-производственным вопросам; во-вторых, впервые с аналогичными переписями других государств переписной формуляр содержал вопрос не только о родном языке, но и о национальной принадлежности [6].

Первоначальные итоги переписи по отдельным губерниям, уездам, волостям и городским поселениям были опубликованы в пяти выпусках, изданных в 1920-1921 годах. Более полные данные по данной переписи в виде отдельного сборника были опубликованы позднее, в 1928 году [4].

Одновременно с всеобщей переписью в сентябре-октябре 1920 года производилась сельскохозяйственная перепись с целью получения дополнительных сведений об изменениях в сельском хозяйстве, происшедших после Октябрьской революции. И эта перепись в силу указанных объективных и субъективных причин не смогла охватить всю территорию страны и, соответственно, не смогла располагать полными сведениями.

В переписи в основном затрагивались два раздела: 1) фиксация всех сельхозпредприятий: хозяйств, входящих в крестьянские общества; коммун; артелей; совхозов и прочих хозяйств; 2) подворная перепись, которая отмечала сельскохозяйственное население, полевые и приусадебные посевы под культурами, поголовье скота по видам, полу и возрасту, сельскохозяйственный инвентарь, промышленные и торговые заведения, промысловые и подсобные занятия населения и др. [4].

В ходе проведения первой всеобщей советской переписи на базе территории, находившейся под управлением Кирревкома согласно декрета СНК РСФСР от 26 августа 1920 года, была образована Киргизская (Казахская) Автономная Социалистическая Респуб-

лика в состав РСФСР, столицей которой стал г. Оренбург [5]. В связи с образованием Киргизской (Казахской) АССР ее Правительство (СНК) своим постановлением от 8 ноября 1920 года утвердило «Положение о государственной статистике в Казахской АССР», а статотдел Кирревкома был преобразован в Статистическое управление Казахской АССР и первым его управляющим был утвержден И.П. Крутилин. Согласно этого положения указанное Статуправление было определено высшими статистическим органом в Казахской АССР [4].

На статистическое управление Казахской АССР возлагалась общее руководство учетом и статистикой, организация общегосударственных статистических работ, утверждение планов и программ статистических обследований, ведение демографической и моральной статистики, а также статистики здравоохранения и санитарии, труда, промышленности и сельского хозяйства, распределения и потребления, выпуск ежегодников и других периодических изданий, сборников и обзоров по отдельным вопросам из экономической и социальной жизни республики. Местные органы Статуправления Казахской АССР были представлены губернскими и уездными статистическими бюро, а также добровольными корреспондентами по статистике на местах.

Статистические органы Казахстана уделяли особое внимание подготовке и проведению Всероссийской переписи населения, городской торговой переписи, изучению дела народного образования и ликвидации неграмотности среди взрослого населения, бюджетному исследованию крестьянских хозяйств, исчислению хлебных ресурсов и численности скота по возрастным группам, регистрации и изучению сельского хозяйства в его текущей, повседневной изменчивости (состояние урожайности и валового сбора зерновых и кормовых культур), обеспеченности населения хлебом, учету численности и состава рабочих и служащих и их заработную платы, учету рыночных цен по главным торговым пунктам республики, обследованию состояния питания сельского и городского населения, подготовке и проведению Всероссийского земельного обследования 1924 года, обработке данных по естественному и механическому движению населения, составлению карт Казахстана и отдельных его регионов, диаграмм и картограмм по отдельным экономическим показателям [4]. 5 марта 1923 года была проведена первая городская перепись населения, которая была призвана также произвести учет промышленных и торговых учреждений. Население распределено по полу, главным возрастным группам, само-

стопительности и занятости. Понятно, что начало новой экономической политике необходимо было возобновить тотальный учет больших и малых предприятий как государственных, так и частных коммерческих учреждений. Последние не спешили платить налоги и пополнять государственный бюджет. Эта перепись проводилась в пору укрепления Советской власти и имела полный географический охват территории СССР, в том числе Казахстана. Большую роль в разработке материалов этой переписи сыграл заведующий отделом демографии ЦСУ В. Михайловский [4].

После образования 17 июня 1923 года Центрального Статистического управления при Совете Народных Комиссаров СССР (ЦСУ СССР) на правах народного комиссариата, всю работу по программно-методологическому руководству важнейшими статистическими работами и постановке статистического учета в СССР взял в свои руки ЦСУ СССР, что положило начало введению единого для всей страны статистического учета и отчетности на основе единых принципов, единой методологии и организации. Статистические органы Казахстана выполняли возложенные центром все виды статистических работ, как текущего характера, так и исследовательского и аналитического направления. На первый план в их деятельности выдвинулись статистические исследования земли и сельского хозяйства, необходимые для решения проблемы перевода кочевников в оседлость, систематические исследования хозяйств местного населения. Эти работы зачастую выполнялись экспедиционным способом изучения объектов исследования.

Так, в 1924-1925 гг., по поручению Казкрайкома ВКП (б), изучением дел в казахском ауле занималась экспедиция во главе с УД Джандосовым, которая сумела собрать богатейший статистический материал. В 1926 году работу продолжили экспедиционные исследования казахского аула, которые проводились под руководством Статуправления Казахской АССР и с привлечением квалифицированных кадров статотделов губерний и уездов [4].

В декабре 1924 года в результате национально-территориального размежевания республик Средней Азии в состав Казахской АССР вошли находившиеся до этого в составе Туркестанской республики казахские районы (Сыр-Дарьинская и Жетысуйская области) и статорганы этих регионов были также переданы в ведение Статуправления Казахской АССР. На составе населения, его численности и соотношении этносов также отразились сперва включение, а затем выход из состава республики Оренбургской губернии. В 1925 году в связи с передачей Оренбургской губернии Российской феде-

рации столица Казахстана из Оренбурга была переведена в Кызыл-Орду [5].

Следующие переписи населения в Казахстане проводились в рамках Советского Союза в 1926, 1937, 1939, 1959, 1979, 1989 гг.

Начиная с 1925 года (в течение двух лет до начала переписи) интенсивно стали обсуждаться проблемы, связанные с подготовкой и проведением переписи населения. С середины 20-х годов ЦСУ Казахской АССР вступает в полосу коренной реорганизации. В январе 1925 года в г. Оренбурге прошла первая республиканская статистическая конференция, которая, наряду с важнейшими вопросами по организации, методологии и теории статистики, рассмотрела вопрос о совершенствовании структуры Статуправления КазАССР и его органов. В 1927 году прошла реорганизация статистических органов Казахской АССР, а в 1928 году, в связи с изменениями в Казахстане административно-территориального деления, губстатотделы были переименованы в окружные статотделы, а в соответствии с утвержденным от 23 июня 1928 года ЦИКом и СНК КазАССР новым положением об органах государственной статистики, Статуправлению были даны права Наркомата Казахской АССР и его называли «Казахское Статистическое управление» [4].

Статорганы Казахстана подготовили и провели по состоянию на 17 декабря 1926 года вторую Всероссийскую перепись населения, которая, как и первая перепись на 28 августа 1920 года, проводилась методом опроса в городах в течение 7 дней, в сельской местности - 14 дней. Переписями в основном занимался отдел демографии КазЦСУ. Кадры состояли в основном из работников прежних отделов статистики, переселенческих, уездных и губернских статистических бюро. Вторая казахстанская статистическая конференция в 1927 году в резолюции по докладу заведомо переписи КазЦСУ Н. Крутилина отметила, что охват переписи населения является полным. Перепись 17 декабря 1926 года стала всенародным делом. ЦК ВКП (б), партийные органы на местах в первоочередном порядке удовлетворяли нужды статистики. ВЦИК и СНК СССР приняли постановление от 3 сентября 1926 года «О производстве в 1926 году Всесоюзной переписи населения», которое возложило на СНК автономных республик обязанность в содействии переписи на подведомственных территориях. Представители местных статорганов включались в состав Президиума соответствующих исполкомов Советов. СНК КазАССР от 3 сентября 1925 года постановил: «Наркозему и его местным губернским органам подлежит предоставлять в использование ЦСУ губстатбюро все плано-

вые и картографические материалы». ЦСУ КазАССР испытывало содействие со стороны Наркомфина и НКВД. Важным моментом подготовительного периода переписи 1926 года являлась подготовка карт и инструментария переписи. Первоочередной задачей был сбор и составление географических, схематических и прочих карт и нанесение на них населенных пунктов. Серьезную трудность представляло выяснение административной принадлежности аулов. Для этой цели были использованы материалы крупных архивов Ленинграда, военно-топографического отдела, высшего геодезического управления, а также архив комиссариата путей сообщения в Москве. Картографирование проводилось во время сельскохозяйственной переписи летом 1926 года, затем в период самой переписи населения. План подготовки и проведения Всесоюзной переписи в Казахстане в его самом общем виде был готов уже в январе 1925 года. В докладе Ю.М. Ивановой «О подготовительных работах к производству Всесоюзной переписи населения 1926 года» говорилось о двух этапах работы: 1) исполнение работ технического характера, при которых в переписных комиссиях участвуют только штабной статистический персонал; 2) обсуждение программ, планов и проведение в жизнь подготовительных мероприятий организационного характера. Перепись проходила в тяжелых условиях зимы 1926-1927 гг. Были мобилизованы все наличные силы статистики, учителей школ и интернатов, части служащих Наркомзема, Наркомфина, НКВД и исполкомов местных Советов. По имеющимся спискам аулов-кстау (зимовья), родословным таблицам, двухверстным схематическим картам населенных пунктов и радиусов кочевий был начат переписной, обязательный обход каждого хозяйства: « В русских и прочих неказахских хозяйствах ни в коем случае не прибегать к созыву сходо́в, обязательен обход населения аулов - кстау - для казахского населения» [2].

В декабре 1935 года с преобразованием КазАССР в союзную республику появляется Управление народнохозяйственного учета Казахской ССР (бывшее УНХУ Госплана). Под руководством этого управления была проведена «расстрелянная перепись» 1937 г.

Материалы переписи населения 1937 года были признаны дефективными, и в 1939 году была проведена новая перепись населения. Политизация и идеологизация программ переписей населения 30-х годов резко снизили методологический и методический уровни [4].

В январе 1959 г. была проведена первая послевоенная перепись. Материалы данной переписи пересчитаны по административ-

но-территориальным границам на 1 января 1960 г. [4].

Очередная всесоюзная перепись населения прошла в январе 1970 г., по оценкам ученых, которая по организационным, методическим и издательским параметрам превзошла предыдущие переписи и сравнима только с результатами переписи 1926 г. [4].

Программа переписи населения 1979 г. была расширена для оперативной обработки материалов переписи. При проведении данной переписи использовалась ЭВМ и запись на магнитную ленту [4].

Последнюю перепись населения СССР провели в январе 1989 г., программа переписи, методика производства переписи соответствовала рекомендациям ООН [4].

Опыт российских и советских переписей использовался при проведении первой самостоятельной переписи населения в Казахстане в 1999 г.

Учетные операции населения в Казахстане имеют несколько этапов развития. В процессе проведения таких операций вырабатывались методологические принципы, методика проведения опросов, унификация формы записей, централизация всех работ. В ходе проведения переписей населения выявлялись проблемы и вопросы, которые находили решения и ответы в следующих масштабных опросах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870-1917 гг.).- Алма-Ата, 1981
2. Галиев А.Б. Из истории организации переписи населения 1926 года в Казахстане // Вопросы социалистического строительства в Казахстане.- Алма-Ата, 1977.- с. 97-101
3. Киселева Г.П., Кваша А.Я. О чем рассказывают переписи населения.- М., 1983.- с. 22-23
4. История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. Алматы, Агенство РК по статистике. 1998.
5. От Пекина до Астаны: история переносов столиц.- Алматы: Институт развития Казахстана, 2001.-
6. ЦДНИ ВКО ф.583, оп.1, д.18-20
7. ЦДНИ ВКО ф.583, оп.2, д.11, л.8

В.В.Крайнов

Белорусский Государственный Педагогический Университет имени М. Танка,
Республика Беларусь, г. Минск

АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Миграция всегда играла важную роль в жизни белорусского общества. Однако особо остро это явление стало ощутимым в последние десятилетия, что было обусловлено множеством объективных причин. Главными, из которых являются реформы различных сфер жизнедеятельности белорусского общества. Данные реформы в большинстве своем явились результатом распада СССР. Не стоит сбрасывать со счетов и аварию на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г., которая явилась причиной экологической катастрофы на территории Беларуси и обусловила появление нового, на тот момент, для республики вида миграции – экологическая миграция.

Распад СССР, экономический и политический кризис, эскалация военных конфликтов на территории ряда бывших республик Советского Союза в 1990 г.г. обусловили широкое распространение репатриационных миграционных потоков, вызвали появление массовых потоков беженцев и переселенцев. К тому же вторая половина 1990 г.г. была отмечена изменением в тенденциях основных миграционных потоков. В эти годы «общий объем всех внутриреспубликанских миграционных потоков начал увеличиваться, возросла их интенсивность и результативность. Для внешней миграции, при продолжающемся снижении ее общего оборота, стал характерен рост результативности»[1].

Внутренняя миграция между городом и селом

Территориальные перемещения населения являются одним из важнейших источников удовлетворения потребностей экономики регионов.

В целом население Беларуси не выделяется среди других стран высокой интенсивностью миграции – в течение второй половины 1990-х годов во внутриреспубликанских перемещениях участвовало 172,0 (1995 г.) до 203,0 (1998 г.) тыс. человек, что составляет 2% и менее всего населения страны. В 2001 – 2002 гг. их объемы находились в тех же пределах.

На протяжении длительного периода времени во внутриреспубликанских перемещениях доминировал миграционный поток из села в город, что является отражением процессов, характерных для

современного мира – переход от сельского к городскому обществу.

В связи со значительным истощением демографического потенциала села масштабы сельской миграции к настоящему времени сократились. Так, если в 1975 г. на каждую тысячу жителей приходилось 36,8 переселений в города, то в 2001 г. они составили 21,1, а в 2002 г. – 21,5. В течение 2001 – 2002 гг. в результате миграционного обмена численность сельского уменьшилась на 27,2 тыс. человек [2].

Необходимо также отметить, что в 1992 г. произошли большие перемены в сельской миграции, которая в последние десятилетия имела отрицательный миграционный прирост, в этот же год он сменился на положительный и составил +14,2 тыс. чел. Однако уже начиная с 1994 г. миграционный прирост на селе вновь имел отрицательный показатель. Миграционный прирост сельского населения тогда складывался из двух составляющих: внутриреспубликанские потоки и международные.

Что касается городских поселений республики, то здесь с конца 1980-х гг. отмечается резкий спад миграционного прироста (1988 г. – +70,8 тыс. чел., 1989 г. – +58,0, 1991 г. – +29,3, 1992 г. – 40,0, 1993 г. – +27,9, 1994 г. – +7,6, 1995 г. – +7,7 тыс. чел.) [3]. Данный спад явился следствием целого ряда причин. Во-первых это обострение социально-экономической обстановки в стране и как следствие появление таких негативных фактов как массовая безработица и сложности трудоустройства населения в городах, отсутствие средств на приобретение жилья, рост стоимости частного жилья и т.д. К тому же в эти годы в городах отмечался недостаток продовольственных продуктов, в сельской местности же «худо-бедно», но можно было прокормить семью. Был отмечен также отток городского населения за пределы республики, в дальнейшем зарубежье. Именно городское население республики составляет основной объем эмигрантов выезжающих за пределы Беларуси. Однако уже с середины 1990-х гг. отмечается рост чистой миграции в города (1996 г. – 16,0 тыс. чел., 1997 г. – 28,2, 1998 г. – 38,5, 1999 г. – 34,7 тыс. чел.) [4]. Рост городского населения Беларуси происходит за счет миграции населения из сельской местности республики, из городов и сельской местности других государств СНГ и Балтии. Хотя, начиная с 2000 г. вновь отмечается сокращение чистой миграции в города (2000 г. – 25,2 тыс. чел., 2001 г. – 23,2, 2002 г. – 18,6 тыс. чел.) [5]. Рост внутренней миграции происходит как за счет внутренней, так и за счет внешней миграции. Необходимо отметить, что быстрее всех городов растет г. Минск, который аккумулирует межобластные миг-

рационные потоки. Все области в миграционном обмене с г. Минском имеют отрицательное сальдо миграции.

Сальдо внутриреспубликанской миграции из села в город постоянно оставалось отрицательным, имея тенденцию, то к снижению, то к росту показателей. Так начиная с 1995 г. наблюдался рост отрицательного сальдо миграции, а с 2000 г. – снижение отрицательного сальдо миграции.

Нынешнее снижение оттока из села, как отмечалось выше, в значительной степени обусловлено сужением демографической базы сельской местности, т.е. сокращением численности населения в активных миграционных возрастах. Наиболее активным в миграционном отношении является население в возрасте 15 – 19 лет, а наиболее пассивным – население в возрасте старше 60 лет.

Миграция населения между Беларусью и странами СНГ и Балтии

Беларусь, как и в предыдущие годы, всегда имела и имеет положительное сальдо миграции со всеми странами СНГ и Балтии. В целом миграционный оборот Республики Беларусь с этими странами постоянно снижается. Если в 1991 г. в страны СНГ и Балтии из республики выбыло 61,5 тыс. человек и 95,8 тыс. человек прибыло, т.е. чистый прирост составил 34,3 тыс. человек, то в 2002 г. выбыло 8,5 тыс. человек, а прибыло 17,5 тыс. человек, чистый прирост составил 8,9 тыс. человек. По сравнению с прошлыми годами наблюдается снижение результативности миграционного потока. В 2002 г. из Беларуси выехало на 0,3 тыс. человек больше, а въехало на 4,3 тыс. человек меньше чем в 2001 г. Сальдо миграции по сравнению с 2001 г. снизилось на 4,6 тыс. человек.

Стимуляции и активизации миграционных потоков способствовали такие причины, как опасения потери гражданства той страны, на территории которой люди собирались жить, воссоединение с родственниками, межнациональные и межрелигиозные конфликты приведшие к военным конфликтам.

Сегодня же эти причины постепенно теряют свою актуальность, которую они имели в прошлые годы. Так прибывшие из стран СНГ и Балтии в республику Беларусь в 1999 г. указали три основные причины своего приезда: приезд к родственникам (37,6 %), приезд на работу (22,0 %) и возвращение к прежнему месту жительства (13,7 %). Остальные 25,7 %, приехавшие в республику, назвали такие причины, как приезд на учебу (6,9 %), получение, обмен, дарение или покупка жилья (5,8 %), возвращение военнос-

лужащих (0,9 %) и др. [6]

За 12 лет (1991 - 2002) наибольшее сальдо миграции отмечено из России (112,6 тыс. человек) и стран Балтии (44,2 тыс. человек). За эти 12 последних лет довольно большой приток был из Казахстана – 36,0, Украины – 34,8, из республик Средней Азии 21,7 тыс. человек. Среди прибывающих в республику довольно много беженцев из «горячих» точек бывшего СССР.

В 1990 гг. не последнее место в составе миграционных потоков занимали резмигранты. Большинство резмигрантов прибывших в Беларусь составляют лица выехавшие в прошлые годы. Среди всех зарегистрированных иммигрантов 40 – 50 % составляли лица титульной белорусской национальности. В Беларусь вернулись не только лица титульной белорусской национальности, но и лица других национальностей, которые также проживают на территории республики – русские, украинцы, поляки, евреи. Наибольшее число репатриантов прибывало из стран Балтии (более 50 %).

Не менее интенсивный резмиграционный поток белорусов был отмечен из стран Закавказья. Однако не все белорусы, выбывшие из этих стран, вернулись в Беларусь, значительная их часть осела в России и на Украине.

Среди потока иммигрантов из России значительное число тех, кто жил и работал на Севере и в Сибири. В большинстве случаев за ними сохранялось право на жилье в Беларуси. Однако в 1994 г. был отмечен отток населения из республики в Россию, где уровень жизни в то время был относительно выше, чем в Беларуси. В Россию в 1994 г. выехало 39,3 тыс. человек, а вернулось только 28,6 тыс. человек, сальдо миграции составило – 10,7 тыс. человек [7].

Эмиграция населения Республики Беларусь за пределы стран СНГ и Балтии

Эмиграционную активность населения Республики Беларусь обуславливают различные причины. Это и резкое ухудшение социально-экономической ситуации в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в республике, это и широкомасштабные перемены, произошедшие в политической сфере, результатом чего явилась либерализация жизни в стране и изменение законодательства в области регулирования миграционных процессов, в сторону упрощения процедуры выезда за пределы республики, был разрушен так называемый «железный занавес».

Массовый отток населения республики за границу берет свое начало с 1989 г. По данным МВД Республики Беларусь в 1989 г. за

пределы республики в другие страны на постоянное место жительства выехало 14,7 тыс. человек, а уже через год этот показатель вырос почти в 2,5 раза и в 1990 г. составил 34,1 тыс. человек. В последующие годы было отмечено снижение этого показателя и относительная стабилизация.

В 1989 – 1990 гг. поток эмигрантов из республики состоял в основном из лиц еврейской национальности. В начале 1990-х гг. доля евреев среди выехавших превышала 80 %, в последние годы сократилась до 30 %.

Государствами традиционной эмиграции являются Израиль, США, Канада, Польша и Австралия. Однако направление и состав эмиграции под влиянием различных причин не остается постоянным. Так, если в 1990 г. 97,0 % всех выезжающих на постоянное место жительства направлялось в Израиль, то в 1995 г. – 42,2 %, в 1999 г. – 29,2 %, в 2002 г. – 9,7 % от всего потока эмигрантов. В США в 1990 г. выехало всего 1,5 % всех эмигрантов, в 1992 г. доля выехавших в США составила уже 57,5 %, в 1995 г. она сократилась до 24,7 %, а в 2002 г. она составила 10,7 %. Отмечается рост доли эмигрантов в Германию. В 1990 г. туда выехало 0,2 % всех эмигрантов, в 1995 г. – 6,3 %, в 1999 г. – 7,7 %, в 2002 г. – 10,5 %.

Хотелось бы также обратить внимание на тот факт, что часть граждан Беларуси выезжающих за рубеж получают там статус беженцев и лиц ищущих убежище. Так к концу 2002 года, 6400 граждан Беларуси получили убежище более чем в 20 странах мира. Наибольшее число беженцев из Беларуси находится в США (4120 человек) и Германии (2970 человек).

Число граждан Беларуси ищущих убежище в зарубежных странах в последние годы имеет тенденции роста. Так с начала 1990-х гг. 18200 граждан Республики Беларусь подали заявку на получение статуса беженца в странах старого зарубежья. В 2002 г. число белорусских граждан получивших статус беженцев достигло пика и составило 3600 человек, а в 2003 г. – 3500 человек.

За период 1992-2003 гг., Германия получила наибольшее число лиц ищущих убежище из Республики Беларусь – 5200 человек, Швеция – 2400, Бельгия – 2200, Чехия – 1300, Норвегия – 1200 и Швейцария – 1000 человек.

В 2002 г., 3400 лиц ищущих убежища из Республики Беларусь подали заявку на получение статуса беженца. Из них, 1100 человекам было отказано в статусе беженца без получения удовлетворительного решения. 2300 человек получили такое решение, из них 250 человекам был присвоен статус беженца (11%), а 45 –

гуманитарный статус (2%).

Вынужденная миграция

В 1990 – е годы в республике приобрела массовый характер проблема вынужденной миграции. Вынужденные переселенцы (беженцы) мигрируют под влиянием угрожающих или дискриминирующих обстоятельств. За 1992 – 1995 годы государственной миграционной службой было зарегистрировано почти 29 тыс. лиц из стран СНГ и Балтии, претендующих на статус беженца и ищущих убежище. В последующие годы число беженцев и лиц ищущих убежище значительно сократилось. Так за 1998 – 2000 годы Комитетом по миграции при Министерстве труда в общей сложности было зарегистрировано 1193 человека данной категории. Конечно эта цифра явно занижена, так как она характеризует только тех лиц, которые обратились в территориальные миграционные службы с просьбой о регистрации их в качестве беженцев и об оказании им помощи. Значительная часть лиц, ищущих убежище, не проходит регистрацию и находится на территории республики на нелегальном положении.

Большой объем иммиграции в республику обусловлен открытостью государственных границ Беларуси, ее геополитическим положением, отсутствием межнациональных конфликтов, а также отсутствием устоявшегося миграционного законодательства и опыта государственного регулирования миграционных процессов.

Помимо беженцев из стран СНГ и Балтии, в Беларуси увеличивается число беженцев из стран «старого зарубежья». Это в основном граждане Афганистана, Африканских стран, бывшей Югославии и других государств.

В сфере регулирования миграционных процессов и в частности в решении проблем связанных с беженцами и лицами, ищущими убежища государственным миграционным органам Беларуси большую помощь оказывает Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Правительство Беларуси стремится к тесному сотрудничеству с УВКБ ООН в рамках процесса развития национальной системы предоставления убежища и интегрирования Беларуси в международную систему защиты беженцев.

По данным МВД, на конец 2002 года в Беларуси проживали 16 894 лица без гражданства. Представительство УВКБ ООН распространило среди белорусских органов власти комментарии, представленные штаб-квартирой УВКБ ООН относительно проекта нового закона «О гражданстве». Новая редакция закона о гражданстве

не содержит положений предыдущего закона, которые вызывали озабоченность УВКБ ООН (процедурные препятствия в получении гражданства беженцами и лицами, ищущими убежище).

Несмотря на явно достигнутый прогресс, система предоставления убежища в Беларуси по-прежнему находится на ранней стадии своего развития и является неустойчивой. Процедура определения статуса беженцев (ПОСБ) стала применяться в масштабе всей страны только в конце 1998 года, но несмотря на то, что количество признанных беженцев в Беларуси постоянно увеличивалось в последние четыре года (57 человек получили статус беженца в 2002 году; общее число таких лиц на конец 2002 года достигло 656 человек), затруднения доступа к процедуре ПОСБ по-прежнему остаются проблемой с точки зрения защиты прав беженцев. К тому же общая ситуация усугубляется еще и тем, что ненадлежащим образом налажено трансграничное субрегиональное сотрудничество и широким применением концепции «безопасной третьей страны» в отношении основных стран транзита (Россия и Украина).

Незаконная миграция

На сегодняшний момент в Республике Беларусь довольно остро стоит проблема незаконной миграции. С данной проблемой Беларусь столкнулась в начале 1990 гг. и с каждым годом эта проблема постоянно обостряется. По оценкам правоохранительных органов в Беларуси находится около 150 тыс. (по ряду оценок до 300 тыс.) незаконных мигрантов [8]. Основная часть незаконных мигрантов прибывает из стран Юго-Восточной и Юго-Западной Азии, а также из стран Ближнего, Среднего Востока и Африки – Шри-Ланка, Индия, Пакистан, Бангладеш, Вьетнам, Китай, Афганистан, Палестина, Ирак и т.д. Незаконные мигранты прибывают в республику, используя каналы туризма, транзитного проезда, безвизового въезда по служебным и частным делам, а также с прямыми нарушениями правил въезда. К тому же довольно часто незаконные мигранты прибывают в республику под видом беженцев. Многие из этих мигрантов рассматривают Беларусь как транзитную территорию с целью дальнейшей эмиграции в страны Западной Европы. По результатам опроса задержанных незаконных мигрантов, конечной целью их миграции являются преимущественно такие государства, как Германия (65 %), США и Канада (15 %), Франция (9 %), Бельгия (6 %), Голландия (5 %) и другие страны [9].

Сроки пребывания незаконных мигрантов на территории Беларуси различны. В большинстве своем они зависят от финансо-

вых возможностей мигрантов и от лиц, которые занимаются незаконной транспортировкой мигрантов через государственную границу республики.

Проблему усугубляет еще и тот факт, что отсутствует контролируемые государственные границы на восточном и южном направлениях с Россией и Украиной. По этой причине Беларусь оказалась удобным транспортным коридором для транзита незаконных мигрантов. По экспертным оценкам российских и украинских правоохранительных органов на территории этих государств находится от 500 тыс. до 1 млн. человек, основной целью которых является незаконный транзит через территорию Беларуси в сопредельные государства Европы.

Данная ситуация ведет к тому, что в Беларуси, где скапливается большое количество незаконных мигрантов, растет число задержанных на границе, а также число правонарушений, совершаемых иностранными гражданами из числа мигрантов.

Задержанные незаконные мигранты депортируются в те страны, из которых они прибыли, т.е. в основном обратно в Россию и Украину, откуда порой те же самые мигранты возвращаются в республику с целью пересечения границы. Что же касается депортации, то это довольно дорогостоящее мероприятие, на которое выделяются бюджетные средства и порой их не всегда достаточно. По этой причине правоохранительные органы иногда закрывают глаза на факты нелегального пересечения границы. И все же, не смотря на это, ведется довольно большая работа государственных органов по пресечению незаконной миграции.

Международная трудовая миграция

С проблемой международной трудовой миграции Республика Беларусь столкнулась в начале 1990-х гг. Это было связано с либерализацией политических и экономических отношений в республике. Именно в это время в Беларуси появляется множество фирм-посредников, которые занимались трудоустройством граждан республики за рубежом. Сейчас таких фирм в целом по республике насчитывается более сотни. Однако, не смотря на наличие такого числа фирм-посредников, все же большинство местного населения и иностранных граждан, которые участвуют в трудовой миграции, не пользуются услугами этих фирм, а решают проблемы с выездом и трудоустройством самостоятельно. Тем не менее, объемы регистрируемой трудовой миграции, как в прочем и нерегистрируемой, с каждым годом растут. Так, если в 1995 г. по трудовым договорам

выехало на работу за рубеж 1692 человека, то в 2002 г. их число увеличилось в 2,3 раза и составило 4011 человек. Что касается трудящихся-мигрантов, въехавших в республику на основе заключенных договоров и контрактов, то максимум их был отмечен в 1998 г. – 2969 человек, что в 13,2 раза больше чем в 1995 г. После 1998 г. наблюдается спад числа въезжающих и уже в 2002 г. их число составило 1046 человек. Однако и сейчас доля иностранцев, работающих на основе договоров и контрактов, в общей численности занятых в Беларуси характеризуется незначительной величиной и составляет менее 1 %. Очевиден и тот факт, что экспорт рабочей силы превосходит импорт.

С каждым годом расширяется и география экспорта и импорта рабочей силы. В настоящее время в республике по договорам и контрактам работают мигранты из 32 стран (в 1995 г. – из 21 страны), а жители Беларуси выезжали в 17 стран мира (в 1995 г. – в 7 стран). В Республику Беларусь в основном прибывают трудящиеся-мигранты из стран СНГ и Балтии. Трудящиеся-эмигранты выезжают в основном в США и Российскую Федерацию.

Подавляющее число трудящихся-иммигрантов занято на работах, связанных с применением преимущественно физического труда (80,5 % от общего числа приехавших на работу в 2003 году). В числе трудящихся-эмигрантов, также преобладают занятые на работах, связанных с применением преимущественно физического труда (94,8 % от общей численности выехавших на работу за рубеж в 2003 году).

Наиболее активные трудовые мигранты – это молодежь. Так в 2003 г. 78,5 % от общего числа выехавших на работу за рубеж составили люди в возрасте до 24 лет.

В современных социально-экономических условиях Республика Беларусь является потенциальным экспортером рабочей силы. Уже сегодня число трудящихся-эмигрантов выезжающих по договорам и контрактам составляет 30,0 % от общего числа эмигрантов и в дальнейшем прогнозируется рост этого показателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шахотько Л.П. Миграционные процессы в Республике Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 5. – С. 16 – 25.
2. Ткаченко С.С. Современные тенденции внутренней миграции населения Беларуси // Беларусь: 10 лет после Каирской конференции по народонаселению и развитию: Материалы республиканской научно-практической конференции, Минск, 27 – 29 ноября 2003 г. / Фонд ООН в

- области народонаселения (ЮНФПА) Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Минск, 2003. – С. 121 – 123.
3. Шахотко Л.П. Население Республики Беларусь в конце XX века. – Мн.: НИИ Статистики и Анализа, 1996. – 251 с
 4. Шахотко Л.П. Миграционные процессы в Республике Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. - № 5. – С. 16 – 25.
 5. Сводные отчеты Министерства статистики Республики Беларусь областных и Минского городского управления статистики об основных итогах миграции населения за 2000 – 2002 гг.
 6. Шахотко Л.П. Миграционные процессы в Республике Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. - № 5. – С. 16 – 25.
 7. Шахотко Л.П. Население Республики Беларусь в конце XX века. – Мн.: НИИ Статистики и Анализа, 1996. – 251 с.
 8. Шахотко Л.П. Нелегальная миграция в Республике Беларусь // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству: Материалы конференции 8-9 сентября 2000 г., Санкт-Петербург. – Москва, 2001. – С. 119 – 130.
 9. Там же.

Н.Л. Краснобаева

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г.Усть-Каменогорск

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Достоинством Переписи 1897 года как источника стало использование материалов, с помощью которых можно проанализировать основные направления и размеры внутренней миграции населения России и Казахстана и его различных групп по сословному признаку.

Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел разработал сведения о категориях неместных уроженцев. В целом по месту рождения население Казахстана делилось на четыре установленные переписью группы: уроженцев местных, уроженцев других уездов той же губернии, уроженцев других губерний, уроженцев других государств.

В период проведения переписи 1897 года постоянными жителями считались лица, для которых данный населенный пункт или территория представляет место обычного проживания в настоящее вре-

мия (то есть большую часть года), вне зависимости от прописки. Временно проживающими считались лица, находившиеся на момент переписи в данном населенном пункте, но постоянно проживающие в другом месте [1].

Сведения о неместных уроженцах имеются в изданном в 1905 году первом томе «Общего свода по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения произведенной 28 января 1897 года»: в таблицах VI «Распределение населения по сословным группам и месту рождения», VII «Распределение неместных уроженцев по месту рождения». Целый ряд материалов был взят из губернских сводных таблиц, по которым можно детально охарактеризовать распределение жителей страны по месту рождения и характер переселений.

Во второй половине XIX века наблюдается довольно интенсивное миграционное движение, связанное с переселениями в Казахстан.

Таблица 1

**Баланс миграций населения Казахстана
по данным переписи 1897 года [2]**

Губернии	Налич. Насел.	Число неместных уроженцев		Число нем. Уроженцев Без урож. Ин. гос. *	Число Урожен **	Прилив (+) Отлив (-)	Число временно Пребыв. в месте пер.	
		всего	% к нал. нас.				всего	***
Акмолинская	682608	145292	21,3	143963	26233	+117730	5357	3,7
Тургайская	453416	31568	7,0	31178	5514	+25664	1559	4,9
Итого	1136024	176860	15,6	175141	31747	+143394	6916	3,9
Семиреченская	987863	94076	9,5	49348	5376	+43972	4038	4,3
Сыр-Дарьинская	1478398	47776	3,2	43359	8588	+34771	1661	3,5
Итого	2466261	141852	5,7	92707	13964	+78743	5699	4,0
Семипалатинская	684590	30994	4,5	30489	27631	+2858	3259	10,5
Уральская	645121	61637	9,6	60648	10366	+50282	7411	12,0
Итого	4931996	411343	8,3	358985	83708	+275277	23285	5,7

Широко употребляемым в материалах переписи 1897 года термин «переселение» обозначал массовое движение сельского населения из аграрно- перенаселенных губерний в восточные и южные районы.

В переселенческой политике правительства можно выделить несколько этапов:

1. 1861-1880-е гг. когда крестьянские переселения запрещались;

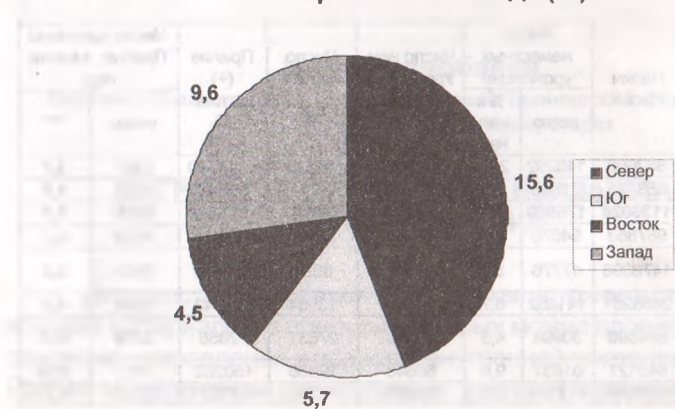
2. 1880-е – 1906 г., когда переселения разрешались, но не поощрялись;

3. 1906 г., когда правительство официально организует переселения [3].

Для оценки материалов Переписи 1897 года, особое значение приобретают два первых этапа переселений. В частности, здесь большую роль сыграли «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли», утвержденные в 1881 году и закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и порядке переселения лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время»[4]

Качественного учета переселений за исследуемый период не велось, поэтому значительное место в распределении наличного населения занимает информация Переписи 1897 года, где на основании данных о неместных уроженцах можно проанализировать особенности формирования населения Казахстана и главные направления миграции.

Диаграмма 1
Число неместных уроженцев по регионам Казахстана по Переписи 1897 года (%)

Всего в пяти губерниях Казахстана в 1897 году на 4931996 наличного населения приходилось 411343 неместных уроженцев (8,3%). При этом около 52 тысяч человек родились за пределами Казахстана. [5]

На основании данных о неместных уроженцах можно наметить главные направления внутренней и внешней миграции в Казахстане. Их можно подразделить на крупные (с числом неместных уроженцев свыше 25 тысяч человек), средние (от 10 тысяч до 25

тысяч человек) и мелкие (от 5 тысяч до 10 тысяч человек).[6]

Для территории Казахстана основным является среднее направление миграции, которое включает перераспределение пришлого населения (миграция из Сибирских губерний) внутри Казахстана и отлив его в губернии Западной Сибири. Ярким примером является Север Казахстана, большую часть населения которого составляли местные уроженцы - 83,2%, при чем значительно меньше их в городах - 4,3%. На долю переехавших в регион из других уездов приходилось - 1,3%, уроженцев других губерний - 15,5%.

В составе неместного населения особенно высок процент уроженцев других губерний - 32,2% от общего числа городского населения, в Тургайской области он достигал - 65,5%.

В числе пришлого населения преобладали уроженцы следующих губерний: Самарской (27423), Вятской (5027), Казанской (2431), Курской (2153) Саратовской (6515), Харьковской (3529), Черниговской (10666), Тобольской (18415). В целом, родившихся в губерниях Европейской России - 80,2% от всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний - 0,4%, Кавказа- 0,8%, Сибири- 14,1%, Средней Азии - 3,6%.[7] (Таблица 2)

Особое место в Казахстане занимает Акмолинская область, принявшая наибольшее количество пришлого населения, в числе которого преобладали уроженцы следующих губерний: Полтавской (21763), Самарской (19184), Черниговской (10666), Пермской (8744), Воронежской (5027), Вятской (1240), Казанской (1271), Пензенской (1126), Таврической (1454). Из Сибирской только две - Тобольская (18415) и Томская, лежащая на границе (7538). Родившихся в губерниях Европейской России - 52 % всего числа неместных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний - 0,5%, Кавказа - 0,4%, Сибири - 36,3%, Средней Азии - 9,3%, Великого Княжества Финляндского - 0,02%, иностранных государств- 0,8% и не указавших места рождения - 0,7%.[8]

Следует подчеркнуть, что распределение неместных уроженцев по уездам губерний Казахстана так же имело ряд особенностей. В Акмолинской губернии Омский, Кокчетавский и Петропавловский уезды включали наибольшее число уроженцев других губерний и государств в числе наличного населения. Наименьшее количество Акмолинский уезд (8,2%).

Для Юга Казахстана население по месту рождения распределялось следующим образом: местные уроженцы (93,6%), при этом в городах - 72,2% (данный показатель является самым высоким по Казахстану).

На долю переехавших в область из других уездов приходилось 0,7%, тогда как уроженцев других губерний было 3,8%. Они в городах губернии составляли 18,5%, в уездах 2,1%.

Таблица 2

Основные направления миграции пришлого населения по переписи 1897 года

В какую губернию	Откуда (губернии)	Абс.число неместных урож.			Мигр. баланс
		муж	жен	всего	
Акмолинская	Полтавская	11562	10201	21763	21746
	Самарская	10049	9135	19184	19072
	Черниговская	5606	5060	10666	10655
	Тобольская	9243	9172	18415	8233
	Пермская	4733	4011	8744	7973
	Саратовская	3425	3090	6515	6488
	Пензенская	2789	2537	5326	5310
	Воронежская	2639	2388	5027	5007
Тургайская	Самарская	4179	4060	8239	8199
Уральская	Астраханская	7437	6509	13946	13065
	Самарская	8207	7082	15289	12111
	Казанская	3360	2325	5685	5593
Семиреченская	Воронежская	5746	5437	11183	11158

Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. Т.81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. С.24-27; Т.87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. С.18-21; Т. 88. Уральская область. Санкт-Петербург, 1905. С.22-25; т.85. Семиреченская область, Санкт-Петербург, 1905.С.24-27.

В числе пришлого населения наибольшее число составляли уроженцы следующих губерний: Воронежской (15099), Оренбургской (4424), Ферганской (3972), Пермской (3631), Саратовской (3095), Самарской (2240), Пензенской (1150) и Казанской (786). Из Сибирской только две – Приморской (5544), Тобольской (4139), 2633 человек из Бухары, 421 человек из Хивы

В целом, родившиеся в губерниях Европейской России составляют 28,4% всего числа неместных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,2%, Кавказа - 0,3%, Сибири - 10,7%, Средней Азии - 13,0%.

Особенностью юга Казахстана стало наличие на его территории значительного числа уроженцев Китая, которые в общей численности пришлого населения областей составили 45,7%. Данная

часть населения проживала в сельской местности (71,7%), в городе (28,3%) [9]

Таблица 3

**Распределение неместных уроженцев по уездам
по данным Переписи 1897 года**

Регион	Губерния	Уезд	Налич- насе- ние уезда	Число урожен. других губерний и государств	
				Абсл.	% к на- личн. Насел.
Север	Акмолинская	Кокчетавский	155461	45040	29,0
		Петропавловский	155137	41443	26,7
		Омский	100539	35595	35,4
	Тургайская	Акмолинский	185058	15180	8,2
Запад	Уральская	Кустанайский	152556	24967	16,4
		Уральский	293619	43590	14,8
		Калмыковский	169673	10952	6,5
Юг	Семиреченская	Верненский	223883	34174	15,3
		Джаркенский	122636	21940	17,9
		Пишпекский	176577	14556	8,2
		Лепсинский	180829	10280	5,7
	Сыр-Дарьинская	Ташкенский	448493	25067	5,6
Восток	Семипалатинская	Семипалатинский	156801	13108	8,4
		Усть-Каменогорский	103575	10037	9,7

На Востоке Казахстана местные уроженцы составляют 93,7% населения региона, для городов данный процент ниже - 49,4%. Переехало в область из других уездов - 1,79%, из других губерний - 4,49%, в городах их число было 33,6%, в уездах 1,97%.

В Семипалатинскую область в период с 1870-1897 года приток жителей был незначителен, большинство пришлого населения были уроженцами таких губерний: Воронежской (1949), Вятской (1240), Казанской (1271), Пензенской (1126), Таврической (1454). Из Сибирский только две – Тобольская (3483), Томская (7538). В губерниях Европейской России родилось 52,03% всего числа не местных уроженцев, уроженцы Привислинских губерний – 0,45%, Кавказа - 0,40%, Сибири- 36,25%, Средней Азии- 9,32%, Великого Княжества Финляндского – 0,02%, иностранных государств- 0,79% и не указавших места рождения – 0,74%. (Таблица 3)

В Западном Казахстане местные уроженцы составляли 86,3%, в городах их численность была - 57,3%. Уроженцев других уездов той же губернии на западе Казахстана насчитывалось - 4,16%, уроженцев других губерний - 9,54%, уроженцев других государств -

0,01%.

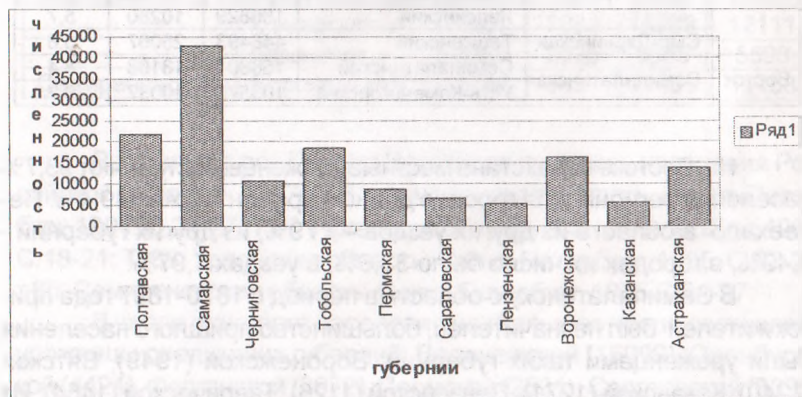
Значительный процент переселенцев в Уральской губернии был из Европейской России (93,4%), особенно из Астраханской, Казанской и Самарской губерний.[10]

Таким образом, подавляющее большинство неместных уроженцев переселилось в Северный регион Казахстана. Основным контингент переселенцев составляли выходцы из Полтавской, Самарской, Черниговской, Тобольской, Пермской, Саратовской, Пензенской, Воронежской, Астраханской и Казанской губерний Европейской России.

Во второй половине XIX века наблюдается довольно интенсивное миграционное движение не только в Казахстан, но и обратные потоки в Российские регионы. Так, из Акмолинской губернии в Тобольскую переселились 10182 человека, из Семипалатинской в Томскую губернию – 18841 человек.[11]

Диаграмма 2

Основные направления миграции неместного населения по переписи 1897 года

Данные о соотношении мужчин и женщин среди переселенцев показывают, что в тех случаях, когда миграции населения соединяли соседние губернии (% был их невысок), число женщин могло превышать число мужчин. Возможно, переходя на постоянное место жительства в новую семью, женщина становилась неместной уроженкой. Однако, как правило, ввиду большей подвижности мужского населения число мужчин среди переселенцев несколько превышало число женщин. Это характерно для направлений, которые связывают отдаленные территории и различные губернии.

Анализ данных переписи позволяет сделать вывод о том, что

особенностью Казахстана стало размещение пришлого населения в сельских регионах. Формируется новое земледельческое население в полусвоенных или неосвоенных областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г.Г. Меликян. М., БРЭ, 1994. – С. 64, С. 340
2. Число неместных уроженцев без уроженцев иностранных государств, Полоцкого княжества Финляндского и не указавших точно место рождения.
3. Число уроженцев каждой губернии, находившихся за ее пределами в момент переписи.
4. % к неместным уроженцам.
5. Алюксеев Н.В., Алексеев А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. С. 111
6. Полное Собрание законов Российской империи - 3 (ПСЗ-3). – Т. IX., № 6198, СПб. 1876
7. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. С.2-3; Т.87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. С.2-3; Т.84. Семипалатинская область, Санкт-Петербург, 1905. С.2-3; Т.85. Семиреченская область, Санкт-Петербург, 1905. С.2-3; Т.86. Сыр-Дарьинская область, Санкт-Петербург, 1905. С.2-3; Т. 88. Уральская область. Санкт-Петербург, 1905. С.2-3
8. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 года и паспортной статистики. - Москва, Наука, 1978. С.28
9. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. С.24-27; Т.87. Тургайская область, Санкт-Петербург, 1904. С.18-21.
10. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.81. Акмолинская область, Санкт-Петербург, 1904. С.24-27
11. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.85. Семиреченская область, Санкт-Петербург, 1905. С.24-27; Т.86. Сыр-Дарьинская область, Санкт-Петербург, 1905. С. 24-27
12. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 88. Уральская область. Санкт-Петербург, 1905. С. 22-25
13. Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (Численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1981. С. 68

Н.А. Ладзина, С.А. Нургалиева

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОПРОВОЖДЕНИЯ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В ПЕРИОД АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ОРАЛМАНОВ ОБУЧЕНИЮ
В ВУЗАХ КАЗАХСТАНА**

Принятая государственная политика поддержки соотечественников за рубежом и большой поток приезжающих на постоянное место жительства этнических казахов потребовали решения ряда проблем связанных с адаптацией переселенцев к новым условиям.

Одним из аспектов проблемы адаптации является адаптация оралманов к казахстанской модели образования, в том числе в вузах области. Ежегодно на подготовительное отделение Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова зачисляют 80 слушателей-оралманов.

Проблема адаптации студентов к условиям обучения в высшей школе представляет собой одну из важных общетеоретических проблем, исследуемую в настоящее время на психофизиологическом [3,14], индивидуально-психологическом [16,5], социально-психологическом [1,4] уровнях, и до настоящего времени является традиционным предметом дискуссий. Актуальность проблемы определяется задачами оптимизации процесса адаптации студентов-оралманов к учебной деятельности в условиях перестройки системы высшего образования [1,2,4,12,16].

Ускорение процессов адаптации оралманов к новому для них образу жизни и деятельности, исследование психологических особенностей психических состояний, возникающих в учебной деятельности на начальном этапе обучения, а также выявление психолого-педагогических условий оптимизации данного процесса являются чрезвычайно важными задачами. От того, как долго по времени и по различным затратам происходит процесс адаптации, зависят текущие и предстоящие успехи студентов-оралманов, процесс их профессионального становления [14, 4, 6].

Специфика процесса адаптации в вузах определяется различием в методах обучения и в его организации в средней и высшей школах, которое порождает своеобразный отрицательный эффект, называемый в педагогике дидактическим барьером между преподавателем и студентом. Новая дидактическая обстановка во многом

обобщивает приобретенные в школе способы усвоения материала.

Оралманам не достает различных навыков и умений, которые необходимы в вузе для успешного овладения программой. Попытки компенсировать это усидчивостью не всегда приводят к успеху. Проходит немало времени, прежде чем студент-оралман приспособится к требованиям обучения в вузе. Отсюда зачастую возникают существенные различия в деятельности, особенно ее результатах, при обучении одного и того же человека в школе и вузе. Отсюда и низкая успеваемость, большой "отсев" по результатам сессий. Кроме этого, слабая преемственность между средней и высшей школой, своеобразие методики и организации учебного процесса в вузе, большой объем информации, отсутствие навыков самостоятельной работы вызывают большое эмоциональное напряжение [5, 8], что приводит к разочарованию в выборе будущей профессии.

Поскольку все эти трудности вызываются "дидактическим барьером", можно заключить, что одной из причин низких темпов адаптации студентов-оралманов является несогласованность в педагогическом взаимодействии между преподавателем и студентом-оралманом при организации способов учения. Трудности адаптации - это не что иное, как трудности совмещения усилий преподавателя и студента за счет организации способов учения.

Взаимодействие преподавателя и студента в процессе обучения долгое время рассматривалось как система, в которой управляющие функции принадлежат преподавателю, что задерживало формирование активной позиции студента в учебном процессе [11, 5].

Новые социальные функции и образовательные задачи высшей школы должны строиться на новых принципах субъект-субъектного взаимодействия в учебной деятельности:

- выработки индивидуальной стратегии овладения знаниями;
- дифференцированного подхода к обучению;
- минимизации психологического травмирования студента из-за недостатка знаний;
- лично-ориентированной модели педагогического взаимодействия;
- учета национально-психологических и культурологических особенностей.

При этом важными задачами становятся создание условий психолого-педагогического сопровождения студентов-оралманов в рамках взаимного уважения автономии каждого из субъектов общения; в образовании единого психологического пространства для успешного достижения конечного результата обучения. При лично-ориенти-

рованном обучении происходит совместная с преподавателем выработка и постановка целей и задач, определяющая стратегию и тактику как совместной с преподавателем работы, так и самообучения студента-оралмана.

Такой подход к организации учебно-педагогической деятельности может быть осуществлен только при условии использования инновационных способов организации учебного процесса и форм педагогического контроля.

Одним из возможных вариантов реализации данной идеи может явиться внедрение в практику адаптивной педагогики [9], совмещенной с технологией модульного обучения и рейтинговой системой оценки знаний студентов-оралманов [10, 17].

К ведущим принципам модульного обучения относятся принципы модульности, структуризация обучения на обособленные элементы, динамичности, деятельности, гибкости, осознанной перспективы, разносторонности методического консультирования и паритетности.

Модульная система организации учебно-воспитательного процесса имеет отличия принципиального характера от традиционной системы. Содержание образования представляется в этом случае в виде законченных самостоятельных модулей, одновременно являющихся банком информации и методическим руководством по его применению (последнее особенно важно в период адаптации).

К целям модульного обучения относят:

- комфортный темп работы обучаемого;
- определение своих возможностей;
- гибкое построение содержания обучения;
- интеграцию различных его видов и форм;
- достижение высокого уровня конечных результатов;
- рефлекссию на каждом этапе организации и управления учебным процессом.

Анализ традиционного управления и рефлексивного управления доказывает эффективность последнего, так как оно связано с такими факторами влияния на развитие личности, при которых формируется осознанный мотив на целенаправленную деятельность. Учет личностно-ориентированного подхода при рефлексивном обучении и управлении приобретает первостепенное значение.

Для выявления наиболее эффективных способов организации учебного процесса, а также, чтобы исключить случайность выводов о положительном влиянии использования организационно-педагогических условий, способствующих успешной адаптации студентов-орал-

менов на начальном этапе обучения, нами с 2001 по 2004 г. проводились педагогические наблюдения. Основными вопросами наблюдений были: особенности процесса адаптации к условиям обучения в вузе, возможность прогнозирования успешности адаптации на основе учета объективных и субъективных факторов данного процесса. В исследовании приняли участие более 250 студентов. Были созданы контрольные и экспериментальные группы. С использованием одинакового набора методик

Использовался метод поперечных срезов: в начале осеннего семестра, в конце летнего семестра и в конце второго курса перед выпускным экзаменом. Применялись общепринятые методики: 16 - ФЛО (форма С), СМЛЛ, методика Дж. Роттера - определение уровня Локуса контроля [19]. Особое внимание уделялось соблюдению стандартных условий исследования (групповой способ, один и тот же исследователь, учебное время).

В студенческих группах были апробированы два методических подхода к преподаванию дисциплины "русский язык"

Суть первой методики заключалась в следующем: в основу был положен традиционный метод преподавания; использовался набор фиксированных домашних заданий, самостоятельных, контрольных работ, при этом на аудиторных занятиях студентам-оралманам предоставлялась самостоятельность при разработке способов выполнения тех или иных видов работ.

Методика использовала задания, способствующие развитию навыков коммуникации.

Отличительными положениями второй методики преподавания, базирующейся на личностно-ориентированном подходе, являлись:

- создание учебной ситуации взаиморазвития, обусловленной ценностными и когнитивными факторами;
- применение модульной технологии педагогического контроля (МТПК) с использованием сетевого планирования;
- использовании индивидуально-психологических особенностей студентов и уровня знаний по предмету, что выражалось в мотивации студентов к стремлению понять, образно представить и через понимание выполнить задания с нежестким использованием и варьированием изученного материала;
- подбор и распределение материала по уровням сложности в зависимости от индивидуального уровня знаний так, чтобы студент чувствовал свой прогресс.

При оценке успеваемости студентов принимались во внимание результаты экзаменационных сессий и учебных аттестаций.

Обработка результатов позволила выявить ряд закономерностей. Студенты-оралманы, прошедшие курс обучения по русскому языку по 2-ой методике (экспериментальная группа) имели увеличение "отл." и "хор." оценок на экзаменах. В контрольной группе отмечалась обратная зависимость количество: "отличных" и "хороших" оценок, полученных студентами на экзамене, уменьшилось, а количество "удовлетворительных" увеличилось.

Кроме показателей учебной успешности, в экспериментальной группе произошли изменения в личностной сфере, что на наш взгляд, является очень важным.

Известно, что основной дидактической задачей на младших курсах является оптимизация перехода студентов-оралманов к новой системе обучения (школа-ВУЗ). Тем самым содержание работы в начальный период обучения должно обеспечивать формирование личности будущего специалиста. Успешному решению задач начального периода обучения способствуют, отмеченные в процессе обследования и наблюдения, особенности структуры личности студентов: высокая работоспособность, самооценка и приспособляемость; наличие взаимосвязи социальной желательности с дисциплинированностью, чувством ответственности. Причем все перечисленные особенности имели ярко выраженную динамику увеличения в экспериментальной группе. Так, у студентов-оралманов экспериментальной группы достоверно снижались показатели по шкале ригидность, замкнутость.

Наибольшие изменения в процессе обучения по второй методике отмечались в группе показателей, относящихся к сфере интеллекта: увеличивается способность к ассоциативному мышлению и творческой активности; развивается интуиция, позволяющая решать профессиональные задачи; возрастает интеллектуальная и, особенно, творческая продуктивность.

Сравнительный анализ результатов традиционного и личностно-ориентированного обучения убеждает в эффективности последнего. Его положительное влияние на успеваемость и изменение в структуре личности студентов объясняется следующим.

Применение личностно-ориентированного обучения значительно активизировало образовательную и воспитательную функции педагогического контроля. Факт наличия сетевого плана, графика оперативного учета организовывал и направлял учебную деятельность студентов, побуждал их к более активному отношению к занятиям, формировал стремление учиться в полную силу.

Показателями такого отношения явились большое количество студентов, желающих выполнять задания нетрадиционными спосо-

бами, участвовать в деловых играх, значительное сокращение числа пропусков без уважительных причин, желающих в дальнейшем совершенствоваться в языке. Наличие модульной технологии педагогического контроля создало нужный мотивационный стимул и активизировало учебно-познавательную деятельность студентов.

Оказалось, что в этом случае наилучшим образом для оценки успешности обучения студентов подходит рейтинговая система оценивания. Она обеспечивала: регулярный контроль процесса обучения в целом, тем самым ориентируя студента на систематическую работу в течение всего срока обучения; мотивацию успешной работы студента за счет введения элементов состязательности на основе данных рейтинга; оперативную обработку результатов и своевременную корректировку хода учебного процесса.

Получение срочной информации обеспечивалось за счет внедрения в учебный процесс графика оперативного учета. Постоянно находясь перед глазами всей группы, график играет важную роль психологического стимула.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что успешная реализация процесса "вхождения" студентов-оралманов в систему вузовской жизни становится оптимально действенной, если представляет собой развивающуюся, динамично функционирующую целостную систему, которая включает в себя учет всех структурных компонентов данного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Д.А. О понятии адаптация. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе.// Человек и общество: Ученые записки XIII:Л.: ЛГУ, 1973.- с.62-69.
2. Бабанский Ю.К. Оптимизация учебно-познавательного процесса: Методические основы. М.:Просвещение, 1982 - 192 с.
3. Белоус В.В. Психологические симптомы комплексы и инварианты темперамента: Автореф. ...дис. доктора психол. наук. М.: 1982, - 41 с.
4. Бодалев А.А. Акмеология как научная дисциплина. - М.: Российская Академия Управления, 1993. - 47 с.
5. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Метод. Пособие - М.: Высшая школа, 1991. с.103-126
6. Вершовский В.Г. Образование взрослых: стимулы и мотивы. М.: 1987.с184
7. Вяткин Б.А. Влияние психического напряжения на деятельность в спорте и управление им от особенностей личности: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. - М.: 1984. - 41 с
8. Габай Т.В. Учебная деятельность и ее средства. - М.: 1988, - 46 с.
9. Границкая А.С. Научить думать и действовать. /Адаптивная система

- обучения в школе. - М.: Просвещение, 1991, - 175 с
10. Кията Г.А. Рейтинговая система оценки знаний студентов на уроках спецдисциплин// Применение современных технологий обучения студентов в средних специальных учебных заведениях. М.:1997. С.141-148
 11. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.,1990, - 117 С.
 12. Кормилицын А.П. Социально-педагогическая адаптация иностранных студентов в процессе профессиональной подготовки. Автореф-дис. канд. пед. наук. - М., 1997. - 24 С.
 13. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука.- 1983.-240 с
 14. Психологические и психофизиологические особенности студентов/ Под ред. Пейсахова Н.М. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. - 261 с
 15. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция технологии: Волгоград. Перемена, 1994. - 175 с
 16. Сластенин В.А. Интегративные тенденции в системе психолого-педагогической подготовки учителя// Приобщение к педагогической профессии: Практика, концепции, новые структуры. - Воронеж, 1992. с.6-9
 17. Третьяков П.И., Сенновский И.Б. Технология модульного обучения: Практико-ориентированная монография / Под ред. П.И.Третьякова. М. Новая школа. 1997. - 352 с.
 18. Яницкий М.С. Основные психологические механизмы адаптации студентов к учебной деятельности: Автореф. дис. канд. психол. наук: Иркутск, 1995. - 24 с.

П.В. Михнова

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г.Усть-Каменогорск

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА)

Искусство, как целенаправленная творческая деятельность человека, отражает жизнь через те или иные аллегории, символы. С течением времени меняется мировоззрение, ценностные ориентиры. Архитектура относится к пространственным видам искусства, отличительной чертой которых является то, что их произведения (здания и сооружения) существуют в пространстве и воспринимаются зрением. Архитектура как вид искусства выражает эстетические идеалы своего времени через форму, пластику, орнамент в том или ином ма-

териале. Именно в архитектуре можно наблюдать творения зодчих разных эпох одновременно. Из всех видов искусств архитектура является самым наглядным для изучения, так как является еще и материальной составляющей для обеспечения условий жизни, работы и отдыха человека. Попадая впервые в город, именно архитектурно-историческое наследие рассказывает об особенностях этого города, его людях. Чем старше город, тем больше культурных слоев отражает его архитектура и архитектурная среда. Таким образом, архитектура это не только защита от внешних факторов, вид пространственных искусств, но и информация о населении города.

Отражение в архитектуре социально-демографических характеристик населения анализируется на примере городов северо-восточного Казахстана (Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар, Петропавловск).

В начале XVIII в. Россия расширяла свои сибирские территории в южном направлении, для чего на границах возводились военные оборонительные укрепления. С начала XVIII в. в столице Сибири – Тобольске снаряжались экспедиции, положившие начало исследованию и освоению Сибири и территории нынешнего Казахстана. Целью их был поиск золота и рудных месторождений, открытие и изучение торговых путей в Индию и Китай, освоение территорий по Иртышу, а также обеспечение безопасности перевозки соли с Ямышевского озера. Трехтысячный отряд был направлен вверх по Иртышу, чтобы закрепиться вдоль реки.

Военные экспедиции И. Д. Бухгольца, Ф. Метигорова, П. Ступина, П. Сиерского, В. Чередова положили начало строительства крепостей по реке Иртыш: Ямышевской (1715), Железинской (1717), Колбасунской (1717). В промежутках между крепостями были возведены форпосты Ачаирский, Черлаковский, Осморыжский, Чернорецкий, Коряковский (1720), Семиярский. Вместе с крепостями Омской (1716), Семипалатинской (1718), Усть-Каменогорской (1720) они составили основу Иртышской военной линии. Административным центром ее стала Ямышевская крепость.

Позднее, для связи пяти Иртышских крепостей (Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской) установили семь промежуточных форпостов. С их постройкой было положено начало Иртышской линии, оградившей от нападения джунгар поселения в Барабинской степи и возникшие Колывано-Воскресенские заводы. Когда джунгарское государство распалось и уже не существовало опасности набегов с его стороны, укрепления превратились в обыкновенные поселки. И только Омская, Семипалатинская,

Усть-Каменогорская крепости и Коряковский форпост выросли в крупные экономические и административные центры.

Восприятие любого архитектурного объекта можно разделить на 3 уровня в зависимости от точки стояния наблюдаемого. Соответственно этому можно анализировать отражение социально-демографических характеристик населения в архитектуре.

Уровень первый - панорамный. В визуальный кадр попадает несколько архитектурных объектов. Представление об архитектуре города складывается только по силуэту. При основании города одними из первых построек и визуальными доминантами были культовые сооружения. Их расположение диктовало дальнейшее планировочное развитие города и его архитектурно-художественный образ. Силуэты храмов различимы уже на уровне панорамного восприятия города и определяют господствующую религию, а значит преобладающий этнос. Как правило, количество храмов обусловлено количеством людей, исповедующих ту или иную веру. Наиболее характерный архитектурный образ из всех культовых сооружений имеют мечети и православные храмы. Именно они и составляли основной процент культовых сооружений на севере Казахстана.

Первоначальное население городов представляло собой выходцев из Сибири, в основном сибирские казаки. Много было и ссыльных. В 1762 г. был издан указ, который приглашал русских староверов, бежавших в Польшу от религиозных преследований, вернуться на родину. Для переселения им предлагались места на Алтае. Поселенцы были в основном православные христиане, поэтому первые культовые сооружения в крепостях были православные храмы.

В дореволюционном Усть-Каменогорске существовало 5 православных храмов: 1. Покровский Собор трехпрестольной церкви Божьей Матери, Иоанна Крестителя, Николая Чудотворца, построенный в 1888г. на средства купца П.М. Михайлова; 2. Троицкая крепостная церковь трехпрестольная, 1789-1809 гг., на средства инженерного ведомства которая и сейчас функционирует на Стрелке; 3. трехсвятительская церковь, во имя Святых Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, 1906г., на средства Усть-Каменогорского церковно-приходского попечительства; 4. храм в честь чудотворца Николая на средства купца Зиновия Сутормина в поселке Верхубинский (Согра), который относился к Томской губернии. 1913 г) и одна мечеть.

При рассмотрении развертки г. Усть-Каменогорска с несохранившейся застройкой, наиболее яркой доминантой являлся каменный Покровский Собор. Начало его возведения заложено церковью Пре-

св.мат. Богородицы, построенной в 1882-1885 гг., а в 1888г. к ней были пристроены два крыла, в результате чего и образовался трехпрестольный Покровский Храм.

Главное сооружение Семипалатинской крепости - Знаменский кафедральный собор (1777-1782). На территории Казахстана было много караков из Оренбурга, Сибири, и в 1857-1860 гг. в Семипалатинске строился храм Воскресения Христова - казачья церковь. В 1882 -1890 гг. построены церковь Александра Невского на средства семипалатинского купца Ф. П. Плещеева. В самом центре города на добровольные пожертвования горожан в 1899 -1901 гг. (закладка состоялась чуть раньше) возвели Никольскую церковь. После закрытия старейшего семипалатинского храма - Знаменского - статус собора перешел к ней. На левом берегу реки Иртыш, недалеко от Киргизской православной миссии (впоследствии - топографический техникум, сейчас - храм и женский монастырь при нем) в 1895 г. была заложена Благовещенская церковь, Благовещенский собор заречной слободы, Никольская церковь в Озерках (1912г.), храм Петра и Павла (1913г.) Были в городе и так называемые домовые церкви - при Киргизской православной миссии, тюрьме (в память иконы «Всех Скорбящих Радость»), мужской гимназии (в честь Сергия Радонежского), учительской семинарии (во имя Святого Иннокентия Иркутского).

В 1903 г. на Святом Ключе возникла монастырская община. Через девять лет она была преобразована в Знаменский женский монастырь, где проживало в трудах и молитвах до ста православных сестер-монахинь во главе с матерью Екатериной - настоятельницей строгой, но справедливой. При монастыре постоянно жили девочки-сироты. Юные воспитанницы учились грамоте и приобретали навыки ремесел. Национальность при этом совершенно не имела значения. Во главу угла прежде всего ставилось милосердие.

Семипалатинск – единственный город в Казахстане, где сохранилась еврейская синагога старинной постройки. На улице Бейсеитова, бывшей Белинской (до 1938 г. она называлась Дальней) находился первый еврейский молитвенный дом. Примерно с 40-х годов XX в. в этом доме располагался туберкулезный диспансер; сейчас – банк. При реконструкции из уважения к культовой постройке нынешние владельцы здания постарались почти полностью восстановить ее первоначальный вид. В здании была ниша для Арон Койдеша и лестница, которая вела на балкон для молящихся женщин. Сегодня здание представляет собой кирпичную постройку в два этажа с полукруглым выступом апсиды. Единственное, что смущает – его голубой купол. Деталь для синагоги не типичная. Возможно, на архитекторов повлияло,

что Семипалатинская синагога строилась в тех местах, где преобладали мусульманские мечети.

На углу улиц Ибраева и Казбагарова находилась вторая семипалатинская синагога.

Это двухъярусное здание красного кирпича с четырехскатной металлической кровлей. Все фасады украшены плоскими пилястрами, которые завершаются декоративными башенками разных размеров. Карниз декорирован кирпичным рисунком. Цоколь и ярусы отделены друг от друга тягами. С западной стороны расположен центральный вход. Входная дверь деревянная, двустворчатая, резная. Над дверями декоративные фигурные проемы. Окна в два яруса: нижние – более крупного размера с небольшой дугой в верхней части; верхние повторяют форму нижних, но они значительно меньше. С востока к зданию примыкает полукруглая апсида с арочными окнами. В царской России нельзя было сооружать синагогу рядом с православным храмом. Поэтому место было выбрано не случайно. С давних пор в этом районе города, именовавшемся среди горожан «еврейским рядом», селилась основная масса еврейского населения. История второй семипалатинской синагоги во времена советской власти типична практически для всех культовых построек, будь то православный храм, мусульманская мечеть или еврейская синагога. У всех была одна участь, один приговор – уничтожить!

В 1858 - 1862 гг. построена двухминаретная мечеть на средства местных купцов Сулейменова, Абдышева, Рафикова и Халитова. Не менее изящна мечеть, построенная по проекту стамбульского архитектора Габдуллы эфенди. Деньги на ее постройку дал купец Мусин. Мечети северо-восточного Казахстана отличаются от мечетей Средней Азии тем, что испытали мощное воздействие татарских традиций культовой архитектуры. До наших дней сохранились некоторые мечети XIX в.

По данным историка-краеведа Виктора Кашляка, за один только 1929 год в Семипалатинском округе (бывшая губерния) было закрыто и частично уничтожено 70 церквей и мечетей.

В Петропавловске Каменная Покровская церковь была заложена в 1803 г. Летом 1865 г., там, где сегодня находится областной театр драмы им. Н.Погодина, была заложена православная церковь - Вознесенский кафедральный собор. Вознесенский собор и Соборная площадь раскинулись между улицами: Пушкинской, Вознесенской (ныне Революционной) и Вознесенским проспектом. Деньги на строительство собора пожертвовала почетная гражданка Петропавловска, вдова купца второй гильдии, Мария Глазкова. «Кладбищенская

Великопетровская церковь бесприходная, однопрестольная, в честь всех святых построена в 1890 - 1894 гг. усердием петропавловского купца Степана Исидоровича Хлебникова и жены его Анны Дмитриевны.

В 1795 г. с соизволения императрицы Екатерины II в форштадт крепости св. Павла выстроена киргизом Касимовым первая мечеть в «киргизской степи», как свидетельствует «Краткий исторический очерк Петропавловска Акмолинской области» Л.А. Кузнецова, выпущенный в 1913 г. К концу 19 в. в Петропавловске было уже семь мечетей. Магометанскую веру исповедовало почти 30% населения, в основном татары, которые по численности (25%) занимали второе место после русских - 72,8%. Следом шли, соответственно, евреи, поляки, немцы.

В конце прошлого века купцом 1-й кильзии Валитом Янгуразовым была строена мечеть с минаретом, были и кирпичные надворные постройки, в том числе и кирпичное здание мектеп-медресе, ныне снесенное. В начале XX в. Валит умер, захоронен на старом мусульманском кладбище. Был у Валита Янгуразова и деревянный дом, на месте которого его сын Халит с помощью классного подрядчика построил вот этот двухэтажный красавец-особняк, что до сих пор обращает внимание горожан.

Рядом с историческим памятником, на пересечении улиц Кирова-Ульянова, находится мечеть. Ее называют Халитовской мечетью. Халитовская мечеть - это прямоугольное здание, имеющее в южной части полукруглый выступ с купольным сводом - михрабом, богато декорированным аттиком, многообломным карнизом. Кварталы на пересечении улиц Кирова-Ульянова-Горького-Карима Сутюшева в центре Петропавловска в прошлом веке носили название «татарской слободы» и относились к верхнему форштадту. В старом названии вышеназванных улиц - тоже история. В 1991 году решением горсовета здание мечети было возвращено Петропавловской мусульманской общине.

В начале 1901 г. в Павлодаре насчитывалось более тысячи домов, две церкви, мечеть. К 1917 г. в Павлодаре действовали Свято-Троицкий собор и Воскресенская кладбищенская церковь, строился Владимирский собор, обещавший стать самым величественным из храмов Павлодарского Прииртышья. Практически во всех населённых пунктах Павлодарского уезда имелись православные церкви или молитвенные дома.

В 1999 г. в г. Павлодаре открылся Благовещенский кафедральный собор. Своей красотой и грациозностью храм необычайно украсил собой пейзаж прибрежного района города, преобразив его

светом куполов и жизнерадостностью облика. Благовещенский кафедральный собор стал вторым храмом в Павлодаре. До недавнего времени Христо-Рождественский храм оставался единственным не только в городе, но и в области.

За годы независимости в республике произошли кардинальные изменения в социально-экономической, политической и духовной сферах. Изменился демографический состав населения, преобладающим по численности этносом является в настоящее время казахский. Изменилась и религиозная ситуация. Так, если на 1 января 1989 г. в республике было около 700 религиозных объединений, принадлежавших к 30 конфессиям, то на 1 января 2003 г. действует уже свыше 5 тысяч общин, принадлежащих к 62 конфессиям (из них более 3000 мусульманских общин и около 2000 общин других конфессий). При этом от общего числа верующих мусульмане составляют около 70%, православные - 28%, католики - 1%, протестанты - 0,5%, другие - 0,5%. Большинство общин по своему составу многонациональны, хотя имеются и мононациональные (казахские, еврейские, чеченские, уйгурские, дунганские, азербайджанские, армянская, украинская, корейская и др.). Изменение религиозной обстановки определялось главным образом общей демократизацией общества, крахом коммунистической идеологии. Немаловажную роль сыграло и играет и геополитическое положение Казахстана. Евразийское положение Казахстана обуславливает его принадлежность как к миру Ислама, так и Христианства.

Второй уровень – фасад. Предполагается восприятие на расстоянии 10-20 метров. Хорошо видны форма оконных и дверных проемов, пластика аттиков и карнизов, пропорции.

Типология старинной архитектуры информирует об основных сферах деятельности людей, о сословиях. Первоначально города возникли как крепости и форпосты, в дальнейшем преобладающей стала торгово-промышленная функция. В XIX в. Усть-Каменогорск стал важным перевалочным пунктом в торговле с Синьцзянем, Кашмиром, Тибетом. Через Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Зайсан осуществлялась русско-монгольская торговля.

В сословной структуре населения дореволюционной России, колониальной окраиной которой являлся Казахстан, особое место принадлежало купеческому сословию, которое объединяло представителей всех видов предпринимательской деятельности. Вплоть до конца XIX в. занятие торговлей или иным промыслом в сколько-нибудь крупном масштабе законодательно соединялось и ассоциировалось с купечеством. Основная масса купечества располагалась в местах

компактного проживания населения, в городах областного и уездного значения, а также в населенных пунктах вблизи транспортных артерий. Купцы были среди тех, кто постоянно посещал храмы и мечети, и, наоборот, эта их набожность была основой купеческой честности и добросовестности, особо ценившейся в предпринимательской среде. Часто оптовики отпускали купцам, занимающимся розничной торговлей, товары под честное слово, и эти устные обязательства были крепче некоторых нынешних договоров, скрепленных семью печатями. Купцы были грамотными, читали книги и периодику, как правило, владели двумя-тремя языками, ибо успех торговой и предпринимательской деятельности в уезде, где подавляющая часть населения не знала русского языка, зависел от знания местного языка.

Большую часть исторических зданий составляют торговые дома, ряды, лавки, склады. Длинные торговые ряды сохранены в Павлодаре и Семипалатинске. Много в Семипалатинске старых ворот с металлическими элементами, что является следствием проводимой торговли. В Усть-Каменогорске и Петропавловске чаще встречаются отходные торговые дома или жилые дома купцов, распространенные в архитектуре западной Сибири.

В Усть-Каменогорске в районе улиц Кирова и Горького располагались лучшие дома золотопромышленников, рыбопромышленников, купцов, а также их магазины и торговые лавки. Здесь впервые в городе были проложены каменные и деревянные тротуары.

Старинные купеческие дома, оставшиеся в наследие Петропавловску, кажутся единственными и неповторимыми. Дореволюционный Петропавловск является типичным городом купцов и скотопромышленников. В облике его резко выделялись купеческо-чиновничий центр, застроенный кирпичными зданиями магазинов, гостиниц, уездных учреждений, купеческих и чиновничьих особняков, с мощным Вознесенским проспектом, а убогие окраины - Рабочая и Солдатская слободки, поселок железнодорожников, утопавшие в грязи, лишенные всякого благоустройства.

Торговые дома во всех городах имеют характерные черты, свойственные региону Западной Сибири. Это небольшая этажность - (1-2 этажа), прямоугольные или полуциркульные окна, аттики, профилированные карнизы, «купеческий стиль»-фигурная кладка кирпича на карнизе и аттике.

Третий уровень - детали, орнамент. Национальный мотив в архитектуре можно проследить на разных уровнях визуального восприятия, в том числе изучая детали и орнаментику. В 1914 г. в Усть-Каменогорске построен магазин купца Кожевникова, где прода-

вались стеклянные и фарфоровые изделия (этнографический музей). Здание интересно своим пластическим орнаментом, который выполняли пленные чехи, о чем свидетельствуют надписи на медальонах. Виноградная лоза, украшающая стены фасада, подтверждает одну из ярких черт чешской культуры – виноградарство. По стиливым особенностям объект можно отнести к периоду раннего модерна с элементами рококо. При строительстве жилого дома Кожевникова в орнаменте принимали участие пленные австро-венгры, что также отражено в богатой орнаментике. В жилых домах Семипалатинска и Павлодара встречается мусульманский орнамент.

Кроме визуального восприятия архитектурных объектов информацию о проживавших народах можно получить и из названий исторических зданий или улиц.

В городах Прииртышья располагались крупные татарские диаспоры. Принципиально архитектура русских и татарских домов не отличается, но это прослеживается в фамилиях купцов и названиях улиц. Внешний вид соответствовал распространенному купеческому или кирпичному стилю.

Тюрколог с мировым именем В.В. Радлов (1837 - 1918 гг.) отмечал, что иртышские татары являются смесью вытесненных сюда уже много столетий назад татарских племен. Частью переселившихся в XV и XVI вв. из южных ханств Средней Азии, численно преобладавших поволжских татар, частью переселившихся позднее. Среди причин, способствовавших переселению татар Поволжья в Южную Сибирь, выделяют следующие. С одной стороны - активная русификаторская политика правительства, выразившаяся в насильственной этнической и конфессиональной ассимиляции инородцев России. С другой - правительство своими распоряжениями поощряло рост числа жителей пограничных районов империи. Украшением татарской слободы и города в целом являлись мечети.

В восьмидесятых годах XIX в. в Семипалатинской области, как и во всей России, создавались попечительские организации и общества. В начале XX в. в Семипалатинске действовало более 70 благотворительных обществ. И самое активное участие в их деятельности принимали татары. Не случайно их имена остались в истории города. Были и улицы, носившие их фамилии. К примеру, улица Рафикова в Семипалатинске, улица Карима Сутюшева в Петропавловске. В Семипалатинске и Усть-Каменогорске был мечетский переулок, в Петропавловске и Семипалатинске «татарская слобода» или «татарский край».

Большинство татар были купцами и промышленниками и жили

и для татар. Это были самые зажиточные районы. Татары не только богатейшие, но и предприимчивые люди. С их именами связано развитие промышленности в Семипалатинском Прииртышье. Купец Е. Рафиков занимался мыловаренным производством. Стараниями купца 2-й гильдии К. Абдышева в Семипалатинске налажено салотопливное производство. Вся произведенная продукция сбывалась в городе и ближайшем округе. В 1890 г. в Семипалатинске построена первая механизированная (паровая) мельница - детище С. Мусина, основателя купеческой династии Мусиных. Мусины, владевшие магазинами в Зайсане, Аягузе, Усть-Каменогорске, оказывали серьезное влияние на цены самой крупной в России Макарьевской ярмарки. Мусины стояли и у истоков Иртышского речного флота.

В Петропавловске, в центре улицы Конституции (бывшего Вознесенского проспекта), стоят 3 дома, принадлежавшие ранее купцу Шамсутдинову. Самый красивый - двухэтажный особняк, где находилась долгое время центральная аптека, а сейчас - ряд магазинов. На торце этого здания, бывшего торгового дома Шамсутдинова, была нарисована огромная бочка, которую почему-то долго закрашивали: и годы революции и после реклама не пользовалась почетом. Рядом с аптекой - двухэтажное здание, где жила семья Шамсутдинова, и 3-е здание по улице Амангельды - здесь долгое время находился облупо. Все строения добротные. На второй этаж самого большого из них подет крутая лестница. У второго жилого дома, как во всех татарских домах, было 2 лестницы - мужская и женская. Женщины не должны были встречаться с мужчинами. Такие дома еще сохранились в «татарском крае» - так называлась часть города от улицы Конституции (Ленина) до Кировского переезда. Лучшие одно- и двухэтажные каменные дома принадлежат русским и татарским купцам. Самый центр делится большой улицей еще на две части - юго-западную и северо-восточную. Первая преимущественно населена татарами, вторая - русскими, хотя и здесь встречаются татарские дома. К центру с востока примыкает Солдатская слободка, а с запада - Татарская. Солдатская слободка заселена почти исключительно русскими.

В Усть-Каменогорске на сегодняшний день осталось несколько жилых домов семьи Валитовых, дом купца Рафикова. Сейчас в доме Валитова расположен институт геологии им. Сатпаева.

Таким образом, изучая архитектурное наследие города на разных уровнях восприятия, анализирую названия торговых домов и улиц можно делать выводы о национальном и сословном составе города. Архитектура - источник информации, который лишь дополняет статистические данные историков, краеведов. Но часто именно какое-либо

здание является отправной точкой для дальнейшего детального изучения.

Архитектура советского периода одинакова во всех городах СНГ - это типовые жилые дома, дворцы культуры в стиле сталинского ампира, типовые школы и детские сады. Невозможно изучать социально-демографические характеристики по типовым зданиям. И современная архитектура ориентирована на интернациональный стиль, где образ диктуется современными материалами, технологиями, экономическими факторами. В новых социально-экономических условиях особенно актуально как можно бережней относиться к архитектурно-историческому наследию, которое кроме атмосферы старого города содержит много ценной информации.

Н.В. Мкртчян

Лаборатория анализа и прогнозирования миграции ИМП РАН, г. Москва

ИММИГРАЦИЯ В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ

Изменение этнического состава населения России в межпереписной период (1989-2002 гг.)

Об изменении этнического состава населения России позволяют судить данные всероссийской переписи населения 2002 года. Уже появились работы, в которых дается его анализ [1], развеяны некоторые «мифы» и легенды (например, о миллионе азербайджанцев в Москве, нескольких миллионах китайцев и т.п.), и высказаны первые сомнения относительно полной корректности переписных данных.

Есть несколько позиций, по которым точность отражения этнического портрета населения России может быть подвергнута сомнению. Помимо широко обсуждаемых еще до переписи вопросов о «татарском» вопросе, и некоторых вопросах смены идентичностей, подробнее остановимся на следующих.

Прежде всего, вопрос точности счета населения в отдельных субъектах юга России (Чеченской республике, Республиках Дагестан и Кабардино-Балкарии), о которых мы уже писали [2], в результате которого, по нашей оценке, население этих республик и их соседей, а, соответственно, России в целом, по переписи было пре-

удвоичено почти на 1 миллион человек. И этот миллион, естественно, имеет национальность. Не случайно именно народы этих республик продемонстрировали, если верить данным переписи, удивительно высокий прирост (см. таблицу 1). Он был выше, чем в предыдущий межпереписной период, даже с учетом его увеличения на 3,75 года (ведь между переписями 1989 и 2002 года прошло 13,75 лет).

Таблица 1

**Рост численности отдельных народов Северного Кавказа
в межпереписные периоды 1979-1989 и 1989-2002 гг., %**

Народы	1979-1989	1979-1989 с пересчетом на более длительный межпереписной период	1989-2002
Чеченцы	126,2	136,1	151,3
Аварцы	124,1	133,2	149,7
Осетины	114,3	119,6	128,0
Кабардинцы	121,1	129,0	134,7
Даргинцы	126,6	135,7	144,4
Кумыки	122,7	131,3	152,4
Лезгины	126,8	136,9	160,0
Ингуши	129,6	140,6	192,0
Карачаевцы	119,5	126,8	127,8
Адыгейцы	114,6	120,1	104,6
Лакцы	116,2	122,3	147,3
Табасараны	127,4	137,7	140,8
Балкарцы	126,7	136,7	138,4
Ногайцы	125,7	135,3	129,0
Черкесы	113,9	119,1	119,2
Абазины	114,5	120,0	115,0

• Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 04-02-00090а.

Источник: расчеты автора на основании опубликованных данных переписей населения 1989 и 2002 гг.

Напомним, что именно в последний межпереписной период произошло сильное сокращение рождаемости всего населения России, рост смертности, что отмечали данные текущего учета населения (в отношении учета событий естественного движения населения — весьма точного). Не обошло оно и северокавказские республики. На прирост численности этих народов за счет международной миграции рассчитывать также не стоит: за исключением осетин, массовой миграции из стран ближнего зарубежья в 90-е годы не отмечалось. Это касается и ранее депортированных народов — чеченцев, ингушей, балкарцев, которые к этому времени уже завершили свое возвращение на историческую родину.

За счет чего могли быть получены такие результаты? Попробуем ответить на этот вопрос на примере чеченцев, численность которых в России за межпереписной период увеличилась на 51,3%. Прежде всего, это возможность двойного учета внутриперемещенных лиц. Видимо, при переписи, руководство на местах которой осуществлялось региональными властями, был взят курс на учет («приписку») внутриперемещенных лиц к населению республики. Это легко было сделать по данным сельсоветов, где-то, если это было возможно – по данным паспортных столов. Но это же население было переписано и в соседних регионах. Так, в Ингушетии, по данным переписи, численность чеченцев составила 95,4 тыс. человек, в Дагестане – 87,9 тыс. человек (по переписи 1989 года, в Дагестане численность чеченцев составляла 58,7 тыс. человек, т.е. здесь без учета временно перемещенных лиц тоже не обошлось). Еще около 200 тыс. человек были перемещены в пределах республики (численность их на начало 2002 года составляла 198 тыс. человек [3], на июль 2004 г. – 210 тыс. человек [4]) и был велик соблазн переписать их по месту нового и старого жительства. Массовой смены этнической самоидентификации в пользу этих народов тоже вряд ли могло произойти.

Причина завышения численности населения Чечни и ряда других регионов России, по мнению В. Елагина (министр, в ту пору курирующий в правительстве РФ вопросы восстановления социально-экономической сферы Чеченской республики) в том, что «многие поселковые и районные власти заинтересованы в завышении численности своего населения», поскольку все социальные проблемы рассчитываются именно по этим данным [5]. Об этом же пишет А. Черкасов (Мемориал) [6]: по его словам, припискам способствовали три фактора: 1) жители увеличивали число живущих в доме, страхуясь на случай зачисток; 2) правительство заинтересовано в завышении населения, чтобы обосновать завышенные запросы федеральным властям; 3) федеральный центр нуждался в иллюстрации стабилизации обстановки и аргументах для того, чтобы поскорее провести там выборы. Подробно «невязки» и проблемы переписи в Чеченской республике описаны П.М. Поляном [7].

Учитывая, что народы Чечни, Ингушетии, Дагестана и Кабардино-Балкарии, наряду с народами других республик Северного Кавказа, по прежнему характеризуются относительно высокими показателями рождаемости, рост численности населения у них в последний межпереписной период, несомненно, имел место. Видимо, он мог составить порядка 25%, что соответствует данным по динамике численности карачаевцев, и выше, чем у черкесов, абазин и адыгей

ции. В таком случае полученный по переписи «избыточный» прирост населения для только 15 народов мог составить 875 тысяч человек. По этим расчетам, численность чеченцев, например, могла быть переоценена переписью на 238,5 тыс. человек, аварцев – на 134,5 тыс., ингушей – на 144,2 тыс.

Второе важное соображение, требующее определенных допущений – это решение вопроса, кто же скрывается за 1460,8 тыс. лиц, не указавших национальности в переписном листе. Это довольно большая часть населения, в переписи 1989 года число лиц «другой национальности и не указавших национальность» составляло всего 18,8 тыс. человек [8]. Такое большое число ответов могло быть получено, на наш взгляд, в двух ситуациях: когда опрашиваемый намеренно не сообщал переписчику свою национальность, или когда переписчики не имели возможности получить сведений о национальности от самих опрашиваемых. Если вернуться к истории проведения переписи, на память приходят сообщения о массовых случаях переписи населения по данным ДЭЗов и паспортных столов в Москве и других крупных городах. Так, по словам Главного федерального инспектора по городу Москве Центрального федерального округа Игоря Абылгазиева «2% москвичей отказались от переписи заранее, а 5% не пришли на переписные пункты и отказались принять переписчиков. Эти 7% были посчитаны по короткой схеме - пол, месяц, год рождения - заочно, через домоуправления и паспортные столы» [9]. Именно в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях доля лиц, не указавших национальность, наиболее высока (в Москве – 4,0%, в Санкт-Петербурге – 7,9%).

Кто же они, эти «уклонисты» от переписи? Вероятнее всего, это те жители, которые либо не дождались переписчиков, либо не находились в квартирах во время ее проведения, проживая в другом жилье (второе-третье жилье в крупных городах сейчас имеют довольно много людей). Они могли быть переписаны дважды [10]: в месте фактического проживания – по всем правилам переписи и в месте прописки – по «короткой схеме». Оснований утверждать, что эти люди имели отличную от всего населения того или иного региона, города, этническую принадлежности, у нас нет. Поэтому в целях определения их национального состава считаем возможным распределить этих лиц, «не указавших национальность» в соответствии со структурой указавших национальность в том или ином регионе (т.е. не имеющие национальности в Москве распределятся в тех же пропорциях, что и москвичи, указавшие национальность). Данные по России в целом получаем суммированием данных по отдельным регионам.

По указанной методике, среди не указавших национальность русских было 85,7%, украинцев – 2,3%, татар – 1,5%, армян – 0,7%, азербайджанцев и евреев – по 0,5%.

Корректировка данных переписи в России с вариантом возможного двойного учета некоторых народов Кавказа и распределения лиц, не указавших национальность, показывает немного отличный от опубликованного этнический портрет населения России. Прежде всего, доля русских в населении страны увеличивается с 79,8% до 81,2% (по переписи 1989 г. – 81,5%). Доля же 15 наиболее крупных народов Северного Кавказа в населении России сокращается с 4,1% до 3,5% (в 1989 г. – 2,8%). Состав первой «двадцатки» наиболее крупных народов России в результате такой корректировки не меняется, но многие народы Кавказа снижают свои ранговые позиции и общий вид ранжированного по численности ряда становится более похожим на ряд 1989 года.

Таблица 2

Численность 20 наиболее крупных народов России по данным переписей населения 1989 и 2002 гг. (тыс. человек)

1989		2002 (официальные данные)		2002 (корректировка автора)	
Русские	119865,9	Русские	115889,1	Русские	117141,4
Татары	5522,1	Татары	5554,6	Татары	5586,0
Украинцы	4362,9	Украинцы	2943,0	Украинцы	2976,4
Чуваши	1773,6	Башкиры	1673,4	Башкиры	1676,9
Башкиры	1345,3	Чуваши	1637,1	Чуваши	1643,0
Белорусы	1206,2	Чеченцы	1360,3	Армяне	1140,9
Мордва	1072,9	Армяне	1130,5	Чеченцы	1123,7
Чеченцы	899,0	Мордва	843,4	Мордва	848,0
Немцы	842,3	Аварцы	814,5	Белорусы	819,7
Удмурты	714,8	Белорусы	808,0	Аварцы	680,0
Марийцы	643,7	Казахи	654,0	Казахи	656,4
Казахи	635,9	Удмурты	636,9	Удмурты	641,8
Аварцы	544,0	Азербайджанцы	621,8	Азербайджанцы	629,2
Евреи	536,8	Марийцы	604,3	Марийцы	606,6
Армяне	532,4	Немцы	597,2	Немцы	599,6
Буряты	417,4	Кабардинцы	520,0	Осетины	502,8
Осетины	402,3	Осетины	514,9	Кабардинцы	482,6
Кабардинцы	386,1	Даргинцы	510,2	Буряты	446,2
Якуты	380,2	Буряты	445,2	Якуты	445,2
Даргинцы	353,3	Якуты	443,9	Даргинцы	441,7

Источник: расчеты автора на основании опубликованных данных переписей населения 1989 и 2002 гг.

Таким образом, наша интерпретация данных переписи населения России 2002 года говорит о меньшем изменении этнического состава населения страны в последний межпереписной период. Несмотря на то, что доля в населении России народов Кавказа растет, происходит это не такими высокими темпами.

Роль миграции в изменении этнического состава населения России

Этнический состав населения страны, при стабильности ее границ, может меняться в результате:

- различий в режимах воспроизводства населяющих ее народов;
- смены этнической идентичности;
- внешней миграции.

У народов, проживающих на территории России, **режимы воспроизводства** различаются существенно. При том, что для русских, других славянских народов, евреев, немцев, а также народов Поволжья и многих народов Сибири характерно суженное воспроизводство населения, у многих народов Северного Кавказа, тувинцев, ряда народов Севера все еще имеет место расширенное воспроизводство населения, и численность их населения увеличивается без миграционной «подпитки» извне. Вероятно, небольшой рост или поддержание численности на неизменном уровне без влияния миграции имеет место у проживающих на территории России народов Закавказья и Центральной Азии.

Смена идентичности – достаточно мощный ресурс изменения численности того или иного народа. Пример – сокращение численности русских на Украине, зафиксированное Всеукраинской переписью 2001 года [11]. В России происходит прямо противоположный процесс, смена идентичности определяет рост численности русских как основного «титального» народа России. И это объективный процесс, т.к. в России господствуют русская культура и русский язык.

Другой пример смены идентичности – татары и башкиры. Рост численности башкир за период 1989-2002 гг. на 124,7% по результатам последней переписи объясняется, видимо, сменой идентичности в их пользу представителей смешанных семей (ранее маятник качался в сторону татар [12]). Есть вопросы с ростом численности малых народов Севера [13].

Динамика численности большинства народов, проживающих в основном за пределами нашей страны, определялась главным образом **внешней миграцией**. С 1994 года на постсоветском пространстве Россия имеет положительный миграционный баланс практически по всем титульным народам, за исключением белорусов в 1999 и 2001 гг. и казахов с 2001 г. [14]. Но для некоторых народов внешняя миграция вела к сокращению численности. Резкое снижение численности евреев и немцев (соответственно 44,1% и 71,2% к данным 1989 г.) объясняется прежде всего их выездом в Израиль и Германию. В очень

небольшой степени выезд за пределы постсоветского пространства компенсировался их притоком из стран нового зарубежья в Россию. На динамику численности других народов внешняя миграция оказывала положительное воздействие. Особенно сильно влияла миграция на численность в России большинства титульных народов бывших республик СССР (см. таблицу 3). В ней мы попытались сопоставить изменения численности отдельных народов, полученные по данным переписей (данные переписи 2002 года скорректированы по вышеизложенной методике) с данными текущего учета населения. Эти данные предоставлены Д.Д. Богоявленским, который осуществлял определенную корректировку данных текущего учета, распределяя лиц, для которых не указана национальность.

Таблица 3

**Компоненты изменения численности титульных народов
бывших республик СССР в 1989-2002 гг.**

	Численность по переписи 1989 г.	Изменения за 1989-2002 гг. (данные текущего учета)			Численность по переписи 2002 г.*
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	
Всего	147021,9	-3979,3	-7695,6	3716,2	144292,1
Русские	119865,9	-4979,1	-7978,9	2999,7	117141,4
Украинцы	4362,9	-193,8	-427,2	233,5	2976,4
Белорусы	1206,2	-117,0	-136,6	19,6	819,7
Молдаване	172,7	21,3	13,7	7,6	175,0
Азербайджанцы	335,9	173,6	89,6	84,0	629,2
Армяне	532,4	392,7	36,4	356,3	1140,9
Грузины	130,7	52,1	5,1	47,0	201,7
Киргизы	41,7	-0,4	4,3	-4,8	32,2
Таджики	38,2	38,3	4,2	34,2	122,2
Туркмены	39,7	2,0	3,8	-1,8	33,3
Узбеки	126,9	20,9	6,8	14,1	124,6
Казахи	635,9	66,4	75,9	-9,5	656,4
Латыши	46,8	-9,0	-9,3	0,3	28,9
Литовцы	70,4	-7,6	-5,8	-1,8	46,1
Эстонцы	46,4	-9,5	-10,1	0,6	28,5

* с учетом корректировки, предпринятой автором в данной статье

** отклонения рассчитаны между динамикой численности того или иного народа по данным переписи и по данным суммарного прироста/убыли по данным текущего учета населения

Источники: Богоявленский Д. Этнический состав населения России / Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИМП РАН №41 ноябрь 1999;

Расчеты Д. Богоявленского на основе данных текущего учета населения Госкомстата России; Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2002 г. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=40>; Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: БРЭ, 1994 с. 433

Следует отдавать себе отчет в том, что данные о составляющих динамики численности представителей того или иного народа, приблизительны. Однако их анализ позволяет понять в общих чертах роль процессов естественного воспроизводства, миграции и межэтнических явлений в динамике численности наиболее крупных народов, проживающих как в России, так и за ее пределами.

Пятнадцать титульных народов государств нового зарубежья (включая русских) в межпереписной период обеспечили основной объем миграционного прироста населения России за период 1989-2002 гг. За счет миграции в России увеличивалось число представителей всех народов, за исключением киргизов, туркмен, казахов, патышей и эстонцев. Для народов Центральной Азии и Закавказья, проживающих на территории России, был характерен положительный естественный прирост, для других (включая русских) - отрицательный.

Однако данные текущего учета существенно разошлись с данными, полученными в ходе переписи населения 2002 года. Причин здесь несколько: общее отклонение данных переписи от данных текущего учета населения, несовпадение методик учета национальной принадлежности населения при переписи и в ходе текущего учета, межэтнические процессы (смена идентичности, ассимиляция), "этнические" особенности недоучета миграции.

На последних двух обстоятельствах недоучета хотелось бы остановиться подробнее. Из таблицы 3 видно, что отклонение численности русских в России от данных текущего учета составили +2254,6 тыс. человек. Основной причиной этому послужила, по всей видимости, смена идентичности. Видимо, смена идентичности затронула смешанные русско-украинские и русско-белорусские семьи, в меньшей степени - семьи других народов, в т.ч. других «титульных» народов России. Неучтенная текущим учетом иммиграция русских на территорию России также имела место, особенно в последние годы, но ее роль в «прибавке» численности была на порядок ниже, чем роль смены идентичности. Более того, возможно, что численность русских сокращалась и за счет недоучтенной эмиграции в страны дальнего зарубежья. По оценкам М.Б. Денисенко [15],

основанным на статистических данных корреспондирующихся стран масштабы эмиграции из России реально выше на 20%. Среди эмигрантов последних лет были сотни тысяч русских или людей, указавших национальность «русский» при переписи 1989 года.

Напротив, численность украинцев, белорусов сокращалась под влиянием смены идентичности. Оснований предполагать нерегистрируемый массовый выезд этих народов в «свои» страны мы не имеем, скорее всего наблюдался обратный процесс. Возможно, какую-то роль изменение национальной принадлежности не в пользу своей национальности имело место у узбеков, казахов, молдаван и других народов, но смена идентичности могла происходить не только в пользу русских, но и других народов, например, татар.

Превышение численности народов Закавказья, а также таджиков против данных текущего учета, напротив, объясняется недоучетом иммиграции. Суммарное расхождение по этим народам составило 400 тыс. человек, и это вполне реальная цифра. Возможно, если бы при переписи удалось полнее учесть «нелегальных» иммигрантов, а также лиц, находящихся на территории России в течение короткого времени, отклонения были бы еще больше. Не исключено и влияние смены идентичности в пользу русских, особенно в смешанных семьях русских с армянами и грузинами.

Как видно из таблицы 3, даже из этих народов более всего отклонения численности по отношению к регистрируемому миграционному приросту имели место у азербайджанцев – отклонение превышает миграционный прирост по данным текущего учета в 1,42 раза и у таджиков – в 1,34 раза. У армян это превышение – на 60% а грузин – на 40%. Видимо, нерегистрируемая иммиграция в Россию имеет «этническое лицо». Однако считать, что накопленное число нелегальных иммигрантов превышает число учтенных на порядок пока нет оснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тишков В.А., Степанов В.В. Российская перепись в этническом измерении / Демоскоп Weekly №155-156, 19 апреля-2 мая 2004 г.; Боголюбский Д. Вымирают ли народы Севера? / Демоскоп Weekly №165-166, 16-19 августа 2004 г.
2. Мкртчян Н.В. Миграционная ситуация в Южном федеральном округе / Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном кавказском регионе. Тезисы Международной научной конференции. Ставрополь, Изд-во СГУ, 2003. с. 156-164
3. Информационно-статистический сборник ФМС МВД России №1 2002 с. 53

4. Токущий архив ФМС России
5. ИТАР-ТАСС, 23 ноября 2002 года.
6. Черкасов А. Результаты переписи в Чечне: демографическое чудо, политический мираж или финансовая афера? // Полит.ru. - 21.10.2003. - <http://www.polit.ru/docs/611817.html>
7. Полян П. Подготовка, проведение и некоторые качественные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года / Демоскоп Weekly №155-156, 19 апреля-2 мая 2004 г.
8. Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: БРЭ, 1994 с. 433
9. Перепись в столице удалась. «Россия», 25 октября 2002 года
10. При этом вряд ли правильно делать вывод, что численность населения Москвы переписью завышена: двойной учет москвичей, вероятно, скомпенсирован недоучетом незарегистрированных мигрантов, о которых нам не известно совсем ничего.
11. Тархов С.А. Итоги переписи населения Украины 2001 года / Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. (Сборник докладов под редакцией В.А. Шупера.) М.: Эслан, 2004. с. 151; Тульский М. Итоги переписи населения 2001 года на Украине // Демоскоп Weekly №113-114 <http://demoscope.ru/weekly/2003/0113/analit03.php>
12. Тишков В.А., Степанов В.В. Указ. Соч.
13. Богоявленский Д.Д. Указ. Соч.
14. Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Миграция / Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: КДУ, 2004 с. 144
15. Денисенко М. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики / Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып.8. Статистика и учет миграции населения. Москва, «МАКС Пресс», с. 11-30.

С.С. Морозова

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В КОНЦЕ 20 ВЕКА

Принятие Казахстаном суверенитета повлекло за собой ряд глубоких социально-экономических и культурных преобразований, совпавших по времени с начавшимся в конце 80-х годов периодом серьезного общественного кризиса на всем пространстве тогда еще Союза республик. Первая перепись населения суверенной Респуб-

лики Казахстан продемонстрировала, что кризисная ситуация существенно отразилась и на демографическом поле. В программе «Казахстан – 2030» особое внимание уделяется проблемам народонаселения, в частности, снижению рождаемости и, следовательно, изменению половозрастной структуры казахстанского общества. Построение каких-либо перспективных планов дальнейшего социально-демографического развития страны невозможно без анализа причин сложившейся сегодня ситуации. Вследствие этого, в последние годы значительно возрос интерес к демографическим проблемам, рождается целое направление в отечественной науке, посвященное изучению вопросов народонаселения. В конце 20 века появляются труды, обобщающие материалы по демографической истории Казахстана, исследующие вопросы воспроизводства населения, миграции, национального, социального и половозрастного состава, а также влияния на демографическую ситуацию социально-политических процессов, происходящих в стране.

Половозрастная структура населения традиционно является одним из основных объектов исследования в демографии. Именно её динамика может коренным образом изменить общую демографическую ситуацию. Трансформируется данная структура под влиянием двух факторов: миграции и изменения характера воспроизводства населения. Наметившаяся в СССР еще в 40-е годы тенденция снижения рождаемости и, соответственно, опережающего роста доли населения старшей возрастной группы активно развивается в большинстве бывших республик СССР.

По данным демографического ежегодника Казахстана, за период с 1990 по 1998 гг. население республики уменьшилось почти на 672 тысячи человек. Истоки данного процесса следует усматривать в общей социально-экономической ситуации, сложившейся в государстве в последние десятилетия 20 века. Для анализа этой тенденции немаловажным представляется исследование фактора полиэтничности Казахстана и особенностей характера воспроизводства наиболее крупных этносов.

Исследование вопроса взаимосвязи половозрастной структуры и этнического состава населения в Республике Казахстан в конце 20 века представлено монографией Жумасултанова Т.Ж. и Ибраева Т.А., а также работами Н.В.Алексеевко, А.Н.Алексеевко.

Наиболее глубоким и полным освещением демографических процессов и основных проблем народонаселения является монография Н.В.Алексеевко и А.Н.Алексеевко «Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.)», вышедшая в Усть-Каменогорске в 1999

году. В исследовании динамики половозрастной структуры населения Казахстана выделены основные периоды и тенденции, учтен этнический и региональный аспект.

Монография Жумасултанова Т.Ж. и Ибраева А.Т. «Население Казахстана с древнейших времен до наших дней» представляет собой анализ демографических процессов в Казахстане на основе переписей населения. В аспекте поставленной проблемы наибольший интерес имеет та часть работы, которая посвящена вопросам изучения социально-демографической ситуации в Казахстане в 1960-1990 гг. Авторы монографии проанализировали динамику численности населения в целом, городского и сельского в частности, прирост населения по этническим группам, уровень образованности и занятости представителей отдельных национальностей в основных отраслях производства и других сферах общественной деятельности (по данным переписи 1989 года). Кроме того, исследование затрагивает такой немаловажный для демографической ситуации фактор, как соотношение численности мужчин и женщин среди различных возрастных групп населения. В результате анализа материалов переписей 1959, 1979, 1989 и 1999 гг. авторы работы отмечают наметившуюся тенденцию к ухудшению половозрастной структуры населения Казахстана. Определяющую роль в этом процессе сыграли сокращение числа семей, «старение» брачного возраста, а также уменьшение среднего размера одной семьи. Если в период между переписями 1979 и 1989 годов суммарный коэффициент рождаемости несколько возрос (с 3,019 до 3,126), то к 1999 году он снизился до 2.

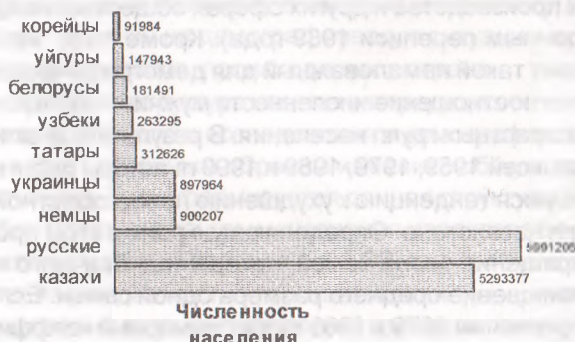
Монографии Н.В.Алексеевко «Историческая демография Казахстана» и «Изучение истории населения Казахстана в 18-20 вв.» представляют собой обобщенный анализ динамики населения Казахстана, изменений в половозрастной и этнической структурах как определяющих в процессе воспроизводства, дан анализ источников по изучению народонаселения, в том числе, материалов переписей.

Таким образом, проблема взаимосвязи изменений этнической карты Казахстана и половозрастной структуры населения является одной из основных для исследования причин сложившегося демографического кризиса, построения долгосрочных прогнозов дальнейшего социально-демографического развития нашего государства.

Под влиянием политических и социально-экономических факторов в 1960-1990 годы в Казахстане происходили различные де-

мографические процессы. Общая численность населения Казахстана (на 1989 г.) за 30-летний период возросла на 78 %, при среднем по СССР приросте на 37%. Притом почти весь прирост населения приходится на факторы естественного его прироста, так как в 70-80-х годах происходил непрерывный процесс выезда некоторой части населения за пределы республики, что давало отрицательное saldo миграции. Тем не менее, наиболее многочисленным этносом Казахстана в период между переписями 1939, 1959 и 1970 гг. остаются русские. Русские, украинцы, белорусы, вместе взятые, в эти годы составляют абсолютное большинство населения.

Население наиболее крупных этносов Казахстана по переписи 1979 года

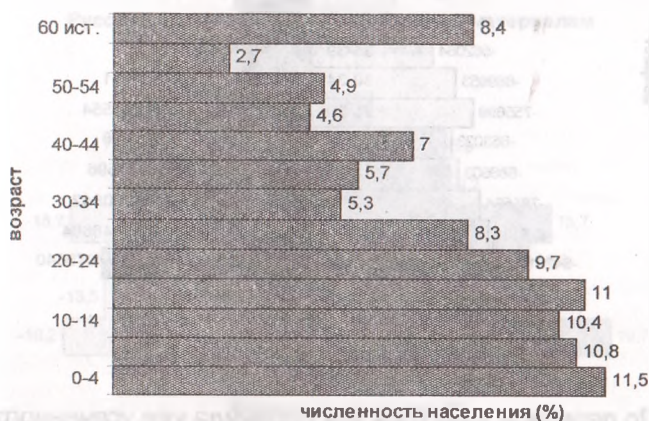
Именно в 60-е годы 20 столетия закладываются основы для быстрого естественного прироста казахов и превращения их в самый многочисленный этнос в конце 20 века на территории Казахстана. Если до 60-х годов 20 века доля казахов, уйгуров и узбеков в общей численности населения республики была меньше половины, то в последующие десятилетия удельный вес казахов постепенно увеличивается, а с середины 80-х годов их абсолютная численность стала превышать численность русских, которые на протяжении более 50 лет до этого составляли абсолютное большинство в казахстанском обществе. Если в 1959 году по результатам переписи казахов было лишь 30% от всего населения, то по материалам переписи 1979 года они составляли уже 36%. Наибольший показатель естественного прироста населения был именно у казахского этноса, а восточнославянские этносы убывали (украинцы и белорусы), либо выросли незначительно (русские — на 8,5%). Быстрый рост численности казахов в Казахстане объяснялся не только высоким естественным приростом, но и возвращением казахов из

Узбекистана, Туркмении и России. Традиционно казахам свойственно в среднем 4-5 детей в семье, а русским, украинцам, белорусам и другим европейским этносам – 1-3 ребенка. Соответственно, с ростом численности титульного этноса наблюдается прирост населения в целом.

За последующие 10 лет население Казахстана значительно уменьшилось, причем основным фактором этого процесса явилось не увеличение уровня миграции, а снижение коэффициента рождаемости в целом по республике. Анализ данной тенденции показывает, что немаловажным фактором является этническая структура населения страны. Каждая этническая группа обладает исторически свойственными ей прокреационными установками. Урбанизация, вовлечение женщин в общественное производство, быстрые темпы социально-экономических изменений со временем нивелируют традиционные установки, тем не менее половозрастные пирамиды наиболее крупных этносов Казахстана демонстрируют существенную разницу в характере воспроизводства.

В опубликованных материалах переписи населения 1979 года, к сожалению, отсутствует половозрастной состав этносов, проживавших на территории Казахской ССР. Анализ же возрастной структуры всего населения представлен следующими тенденциями:

Возрастная структура населения Казахстана по материалам переписи 1979 года

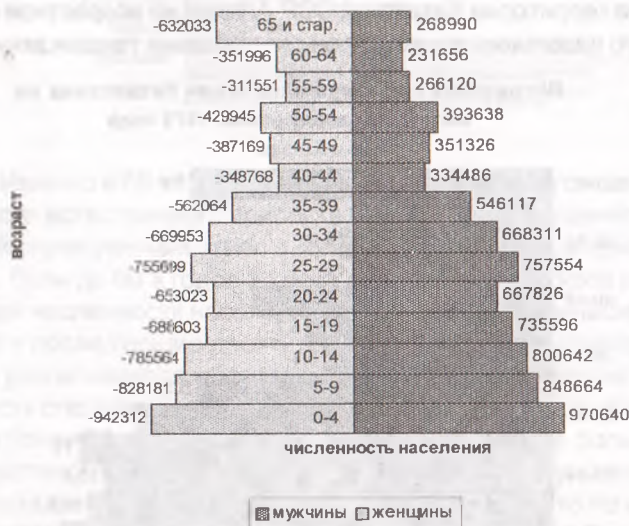

- по сравнению с результатами переписи 1970 года, значительно сократилась доля «детского» возраста (0-14), что связано со снижением «пика» рождаемости в конце 60-х начале 70-х годов;

- наибольший прирост наблюдается в группе 15-29 лет;
- высока доля группы населения старше 60 лет.

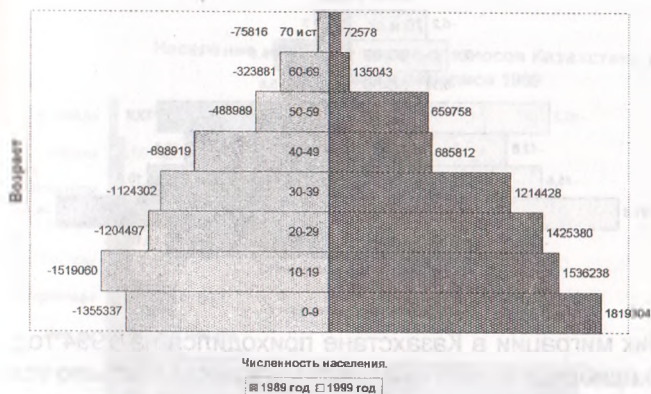
Увеличение численности населения в данной возрастной группе является результатом демографического «взрыва» начала 60-х годов, пришедшегося на период активного притока населения во времена освоения в Казахстане целинных и залежных земель. Как известно, большая часть мигрантов представляла собой население репродуктивного возраста, что существенно повысило коэффициент рождаемости на фоне ее общего снижения в эти годы в целом по СССР. Возрастной состав населения Казахстана по переписи 1989 года отразил последствия этого демографического «взрыва» - 55,1%, такова доля трудоспособного населения. Половозрастная структура представляет собой пирамиду с расширенным основанием, отражающим стационарный тип воспроизводства.

Половозрастная структура населения РК по материалам переписи 1989 года

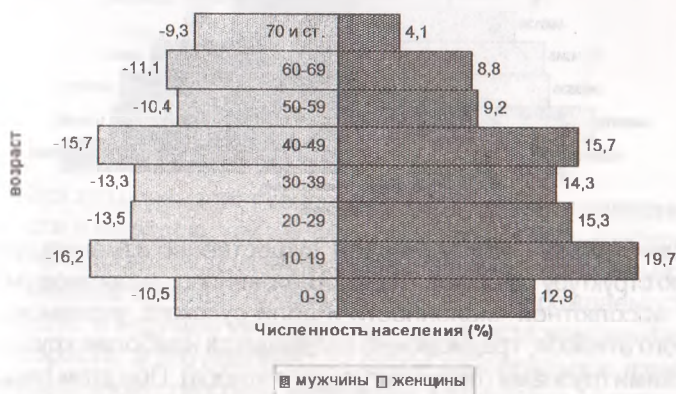
По переписи 1999 года эта пирамида уже усеченного вида, соответственно, с суженным основанием и регрессивным типом воспроизводства.

Возрастная структура населения РК по материалам переписей
1989 и 1999 годов.

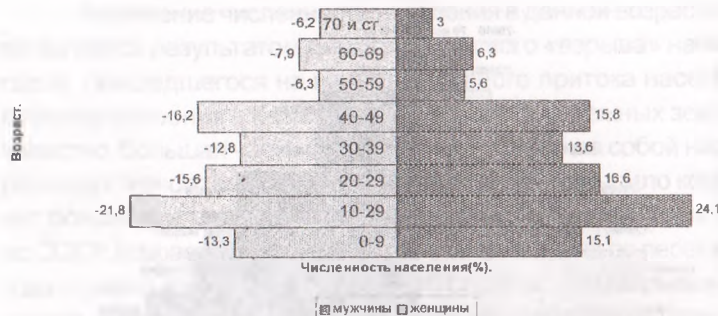

По сравнению с данными переписи 1989 г в половозрастной структуре населения Казахстана в 1999 году произошли существенные изменения, связанные, безусловно, с увеличением потока миграций некоторых этнических групп (немцы и русские) и снижением коэффициента рождаемости в целом по республике. Эти факторы тесно взаимосвязаны, поскольку миграционно подвижной частью населения является именно группа репродуктивного возраста.

Русские. Половозрастная структура по материалам
переписи 1999 года.

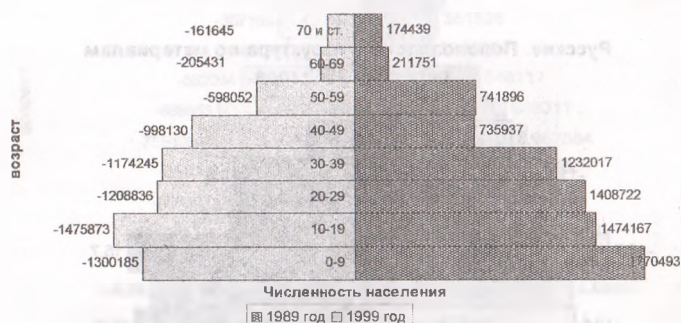
Немцы. Половозрастная структура по материалам переписи 1999 года.

Пик миграции в Казахстане приходился на 1994 год, когда выбыло приблизительно 470 тысяч человек, а прибыло только 50 тысяч. Уровни миграции 1990 и 1999 гг. в целом совпадают. При сравнении данных о численности женщин фертильного возраста в эти годы можно заметить, что особых изменений не наблюдается, благодаря тайминговому сдвигу.

Таким образом, в снижении числа рождений миграция не сыграла определяющей роли

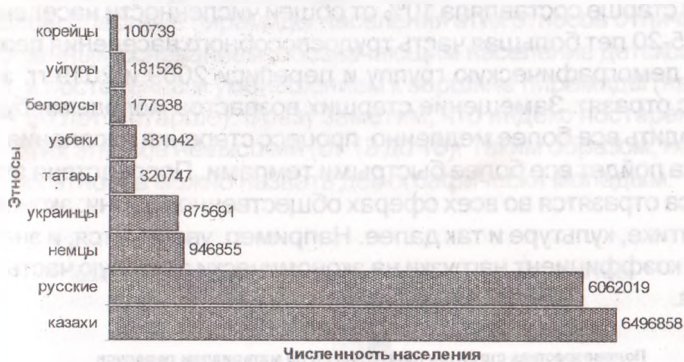
Возрастная структура населения РК по материалам переписи 1999 года (жен.)

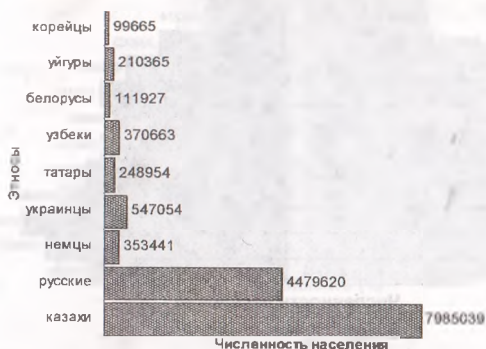
Самой заметной тенденцией, существенно изменившей этническую структуру населения Казахстана, явилось серьезное уменьшение абсолютной численности и доли русского, украинского и немецкого этносов, традиционно являвшихся наиболее крупными этническими группами (после титульного этноса). При этом ожидаемого большого естественного прироста в межпереписной период не наблюдается, не смотря на все еще действующие традицион-

ные прокреационные установки казахского этноса, доля которого в населении Казахстана существенно возросла.

Население наиболее крупных этносов Казахстана по материалам переписи 1989

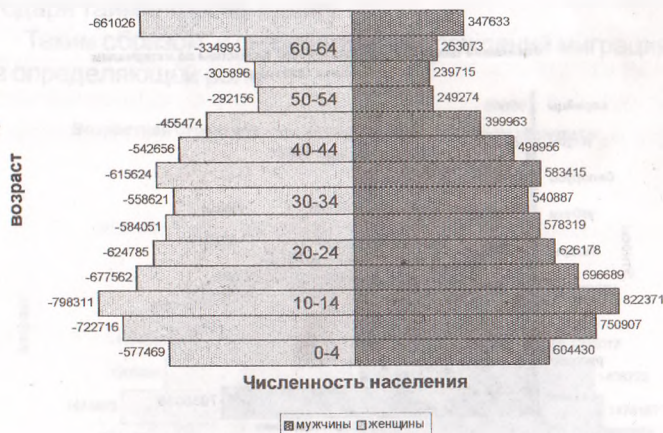
Население наиболее крупных этносов Казахстана по материалам переписи 1999 года

Всё это определяет тенденцию еще большего снижения рождаемости в будущем, так как уже в 1998 году нетто-коэффициент воспроизводства (число девочек, доживающих до фертильного возраста) меньше единицы (0,869). Резкое падение рождаемости предопределяет в будущем уменьшение численности женщин фертильного возраста, а это повлечет за собой кардинальное изменение популяционной структуры населения Казахстана – уменьшение удельного веса детского возраста и увеличение доли старших возрастов, то есть, старение населения.

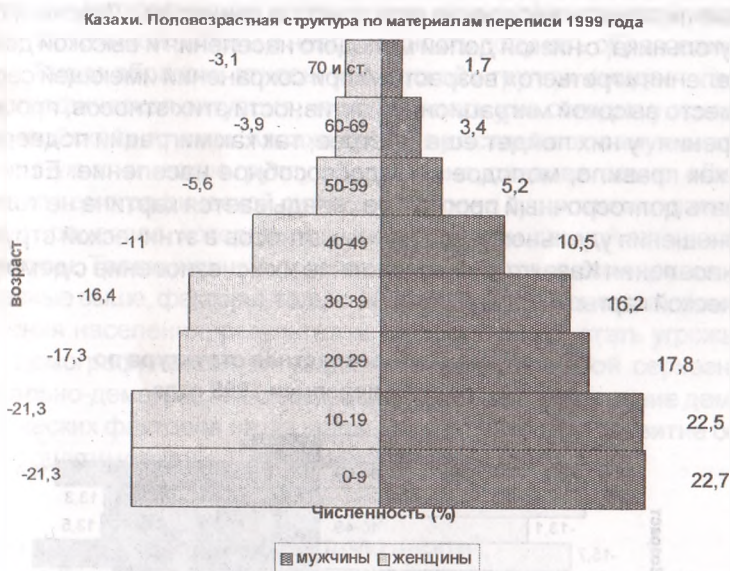
По отношению к общей численности населения наиболее интенсивный рост удельного веса наблюдался у возрастной группы 60 лет и старше. А в возрастной группе детей до 9 лет (рожденные в 90-е годы) общая численность сократилась почти на 20% (в сравнении с 1989 г.). Уже в 1998 году возрастная категория населения 60 лет и старше составляла 10% от общей численности населения. Через 15-20 лет большая часть трудоспособного населения перейдет эту демографическую группу и переписи 2009 и 2019 гг. этот процесс отразят. Замещение старших возрастов молодыми будет происходить все более медленно, процесс старения населения Казахстана пойдет все более быстрыми темпами. Последствия этого процесса отразятся во всех сферах общественной жизни: экономике, политике, культуре и так далее. Например, увеличится, и значительно, коэффициент нагрузки на экономически активную часть населения.

Половозрастная структура населения РК по материалам переписи 1999 года

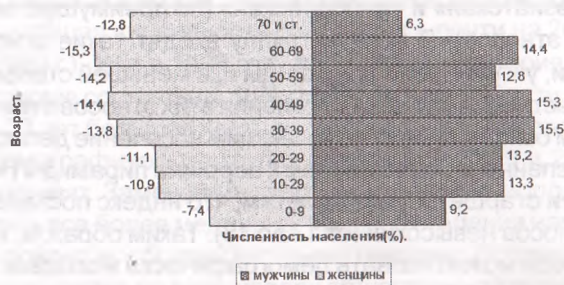
Анализ половозрастных структур населения наиболее крупных этносов Казахстана (более 50.000 человек) по данным переписи 1999 года демонстрирует наличие в них, в той или иной степени, тенденции старения населения. Этот процесс характерен сегодня для многих стран мира, особенно европейских, и обусловлен несколькими факторами, главный из которых – высокий социально-экономический уровень этих стран. По прогнозам Всемирной Ассамблеи по проблемам старения населения, состоявшейся в 1982 году в Вене, демографически старое население станет типичным явлением для всех стран мира в 21 веке.

В структуре половозрастных пирамид наиболее крупных этносов Казахстан показывает разделение их на две группы, назовем их условно «азиатская» и «европейская» (по преимущественному содержанию этносов). В первую группу входят такие этносы как казахи, узбеки, уйгуры, азербайджанцы и, в меньшей степени, турки. Половозрастные пирамиды населения этих этносов отличаются расширенным основанием, обозначающим население детского возраста, и постепенным уменьшением к вершине пирамиды (население от 60 лет и старше). Сразу заметим, что индекс постарения по Сови этих этносов невысокий (от 13 до 18). Таким образом, население этих этносов можно назвать демографически молодым.

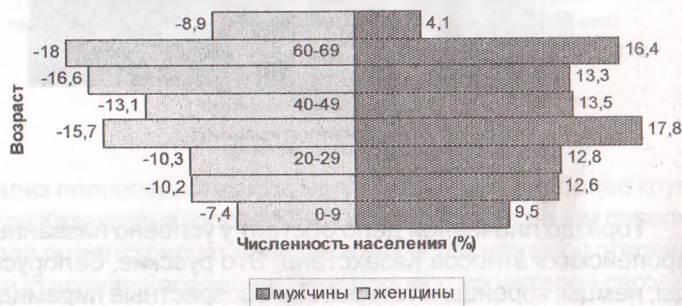
Гораздо плачевней дело обстоит у условно названных нами «европейских» этносов Казахстана. Это русские, белорусы, украинцы, немцы, корейцы и татары. Половозрастные пирамиды населения этих этносов имеют небольшое основание, но зато довольно расширенную середину (возраст 30-50 лет). А вершина пирамиды (население старше 60 лет) зачастую равна основанию. Индекс постарения у этих этносов колеблется от 50 до 100.

**Украинцы. Половозрастная структура по
материалам переписи 1999 года.**

Нетрудно догадаться, что через некоторое время половозрастные пирамиды населения этих этносов примут вид опрокинутого треугольника, с низкой долей молодого населения и высокой долей населения «третьего» возраста. А при сохранении имеющей сегодня место высокой миграционной активности этих этносов, процесс старения у них пойдет еще быстрее, так как миграции подвержено, как правило, молодое и трудоспособное население. Если же делать долгосрочный прогноз, то складывается картина не только уменьшения удельного веса данных этносов в этнической структуре населения Казахстана, но и полное их исчезновение с демографической карты Республики.

**Белорусы. Половозрастная структура по
материалам переписи 1999 года.**

Демографическая ситуация, сложившаяся сегодня в Казахстане, вполне объяснима. Этносы, входящие на данный момент в условно названную «европейскую» группу, расселены, в основном, в городах. А рекреационные установки городского населения, как известно, отличаются от установок сельского населения. Свою роль

играет и нестабильное социально-экономическое положение в целом по республике. Миграция затронула, по большей части, именно «европейские» этносы Казахстана. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов традиционную для «азиатской» группы высокую рождаемость.

Тем не менее, нельзя утверждать, что такая относительно благополучная ситуация у этносов «азиатской» группы сохранится и в дальнейшем. Ведь именно этим этносам с высоким уровнем рождаемости свойственна и высокая степень детской смертности, главным образом, из-за плохого медицинского обслуживания в сельской местности. Надо учитывать и усилившийся миграционный отток казахов из села в город, что постепенно меняет и их прокреационные установки. Не способствует увеличению рождаемости и бытовая неустроенность мигрантов из сельской местности, отсутствие постоянной работы и невозможность получать образование.

Таким образом, этносы «азиатской» группы ожидает та же демографическая ситуация, что сложилась уже сегодня у этносов «европейской» группы. Казахи сегодня составляют самую многочисленную этническую группу в Казахстане, следовательно, общая картина демографической ситуации в стране существенно зависит от тех процессов, которые происходят внутри данной этнической структуры. Традиционные прокреационные установки и другие, изложенные выше, факторы, только немного притормаживают процесс старения населения, результатом которого может стать угрожающая демографическая ситуация, влекущая за собой серьезный социально-демографический кризис. Как известно, влияние демографических факторов на социально-экономическое развитие особенно ощутимо именно в переломные периоды.

А.Е. Мрачковский.

Северо-Казахстанский Государственный Университет им. М. Козыбаева,
г. Петропавловск

ВЫСОКАЯ СМЕРТНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Главной целью демографической политики, реализуемой в Казахстане, является увеличение численности населения на основе устойчивого его развития путём увеличения рождаемости, снижения миграции и уменьшения смертности. Для отдельных регио-

нов, таких как Северо-Казахстанская область, главным приоритетом демографической политики, на наш взгляд, должна стать в настоящее время задача снижения смертности населения.

Северо-Казахстанская область на протяжении последних десяти лет имеет устойчивую тенденцию увеличения смертности и более высокие её показатели по сравнению с другими регионами нашего государства. Это является тревожным фактом, требующим пристального внимания со стороны разных специалистов в т.ч. со стороны демографов.

В 2003 году ситуация со смертностью продолжала ухудшаться. За истекший год умерло 9,3 тыс. человек, что на 1,7% больше предшествующего года. В расчете на 1000 населения число умерших составило 13,7 человек и является одним из наиболее высоких в Республике.

Таблица 1

Динамика изменения повозрастных коэффициентов смертности (число умерших на 100 тыс. человек населения соответствующего возраста)

2003	1999	2000	2001	2002	2003		
					оба пола	муж.	жен.
Всего умерших	1203	1259	1284	1327	1367	1558	1190
в том числе в возрасте:							
0-4	430	416	377	411	395	472	312
5-9	38	57	62	59	38	44	32
10-14	53	67	58	44	59	61	57
15-19	133	154	139	116	116	147	83
20-24	274	290	271	268	243	345	130
25-29	359	359	332	367	340	512	160
30-34	427	399	476	412	426	646	198
35-39	531	497	499	551	553	844	265
40-44	684	697	728	770	721	1037	422
45-49	1017	1181	1102	1149	1124	1714	577
50-54	1449	1572	1595	1553	1672	2566	900
55-59	2069	2126	2222	2240	2396	3737	1317
60-64	2901	3050	3089	3017	3127	4942	1899
65-69	3958	4240	4065	4416	4419	6157	3167
70 лет и старше	8742	8640	8800	9046	9430	11683	8454

Как и в прошлые годы, мужчины умирали чаще женщин. В 2003 году умерло 5,1 тыс. мужчин (54,8% всех умерших) и 4,2 тыс. женщин (45,2%). Все более увеличивается разница в уровне смертности мужчин и женщин. Если в 1999 году смертность мужчин превышала смертность среди женщин на 29,7%, то в 2000 году – на 33,2, 2001 году – 35,0, в 2002 году – на 38,9%, в 2003 году превышение осталось примерно на уровне 2002 года.

Одна из причин роста смертности населения связана со старением населения области, увеличением в численности населения пожилых и старых людей. Однако не последнюю роль в увеличении смертности населения играют и такие факторы, как уровень и образ жизни, состояние окружающей среды, здравоохранения и другие, о чем свидетельствует увеличение повозрастных коэффициентов смертности в возрастных группах старше 40 лет. Особенно негативным является факт высоких повозрастных коэффициентов смертности мужчин в возрастных группах старше 40 лет.

Сохраняющийся высокий уровень смертности населения в значительной степени обусловлен болезнями системы кровообращения, занимающими лидирующее место в структуре причин смерти и особенно характерными для лиц пожилого возраста. Вместе с тем, возраст людей страдающих болезнями системы кровообращения имеет тенденцию к ежегодному уменьшению. В 2002 году на эти заболевания приходилось 48,7% всех смертей. Против 1999 года число умерших от заболеваний органов кровообращения увеличилось на 12,5%, 2001 года – на 7,0%. Более половины смертности от заболеваний органов кровообращения составляют ишемические болезни сердца.

Таблица 2

Структура причин смерти умерших в 2002 году

	Умерших, человек	Структура причин смерти, %	Из общей численности умерших		Умершие на 100 тыс. населения соответствующего пола		
			мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
Всего умерших	9098	100,0	5119	3979	1325,0	1550,3	1116,3
в том числе от:							
болезней системы кровообращения	4432	48,7	2119	2313	645,5	641,7	648,9
злокачественных новообразований	1214	13,3	734	480	176,8	222,3	134,7
несчастных случаев, отравлений и травм	1100	12,1	856	244	160,2	259,2	68,5
из них:							
самоубийств	293	3,2	247	46	42,7	74,8	12,9
убийств	109	1,2	78	31	15,9	23,6	8,7
болезней органов дыхания	834	9,2	599	235	121,5	181,4	65,9
болезней органов пищеварения	248	2,7	139	109	36,1	42,1	30,6
инфекционных и паразитарных болезней	232	2,6	197	35	33,8	59,7	9,8
из них от туберкулеза	219	2,4	187	32	31,9	56,6	9,0

На втором месте среди причин смерти находятся злокачественные новообразования (в целом по Республике – на третьем месте). Они стали причиной смерти 13,3% умерших в истекшем году. Уровень смертности от злокачественных новообразований в расчете на 100 тыс. населения составил 177 случаев. Хотя и наблюдается небольшое снижение смертности от онкологических заболеваний (в 2002 году против предыдущего года - на 0,7%), но они, по-прежнему, остаются одними из самых высоких в Казахстане, превышая средне республиканский уровень более чем на 40%. Одной из причин высокой смертности от злокачественных новообразований в области является позднее взятие больных на диспансерный учет. В истекшем году 26,3% впервые диагностированных случаев заболевания злокачественными новообразованиями имели не подлежащую специальному лечению IV стадию.

Более высокий уровень смертности от новообразований (включая доброкачественные) в истекшем году наблюдался в г. Петропавловске (253 случая на 100 тыс. населения), Мамлютском (225 случаев), Есильском (187), Шал акына (186), Кызылжарском (184), М.Жумабаева (181) районах.

Наиболее часто умирают от таких локализаций, как злокачественные новообразования легких, трахеи, бронхов (24% всех умерших от рака), желудка (12%), различных отделов кишечника (9%), женских половых органов (7%).

Таблица 3

Смертность от злокачественных и доброкачественных новообразований по СКО и РК (на 100 000 жителей)

Территориальная единица	Годы							
	1991	1996	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Северо-Казахстанская область	175	197	173	185	182	180	179	177
Республика Казахстан	137	129	129	129	130	129	128	128

В связи со сложившейся ситуацией в СКО впервые предпринимаются комплексные многоплановые работы (на стыке многих научных направлений) по выявлению на популяционном уровне наиболее вероятных причин онкологической заболеваемости населения, обусловленных факторами внешней среды. В частности разработан проект «Экологический риск как фактор онкологической заболеваемости населения Северо-Казахстанской области» рассчитанный на 2005-2007 г.г. Особая сложность проблемы, стоящей перед коллективом исследователей, состоит в том, что по существующим оценкам общее состояние окружающей среды является вполне

не удовлетворительным. Вместе с тем, сложившаяся ситуация в данном регионе со здоровьем населения не укладывается в широко распространенные представления, обычно связывающие аномально высокий уровень онкогенеза с техногенными факторами, такими как радиоактивное площадное или промышленное загрязнение.

В последние годы в области проведены исследования по сбору, обработке и анализу территориальных различий по онкозаболеваемости за 90-е годы, показывающие, что разброс средних показателей заболеваемости по районам существенно различается и составляет только по районам с наибольшей заболеваемостью 236-140. Треть сельских округов имеет заболеваемость на уровне средне республиканской (180 ± 20), у второй трети (35,5%) округов она варьирует в интервале 250-362 (выше средне республиканской), у следующей трети – в интервале 160–35 (ниже средне республиканской). Амплитуда показателей заболеваемости по округам (без г. Петропавловска) составляет 327 (362 – 35).

Автоматизированная компьютерная обработка статистической информации позволила расчленить массив статистических данных по сельским округам с дифференциацией по полу, месту жительства и др. признакам.

В целом онкозаболеваемость женщин по сельским округам варьирует от 20 до 260 случаев на 100 тысяч человек (особо выделяется Новотроицкий округ, где она максимально высока – 405). Однако, в целом уровень заболеваемости мужчин намного выше, чем женщин. Минимальный показатель заболеваемости мужского населения – 51 (Сейфуллинский округ), максимальный – 448 (Новомихайловский округ). Если в 65 % сельских округов уровень заболеваемости женщин находится в интервале 100-200 случаев, то в 81% сельских округов уровень заболеваний мужчин приходится на интервал 200 – 350 случаев на 100 тыс. человек.

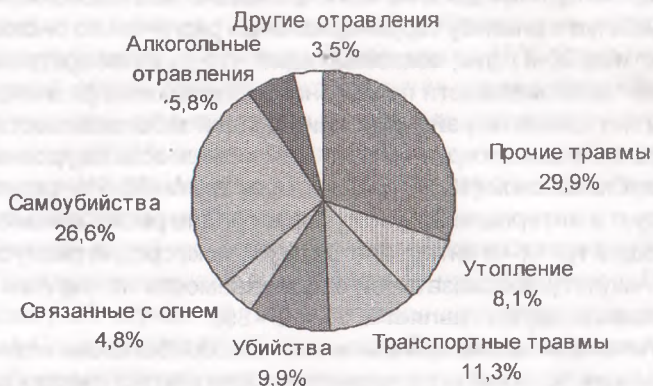
Полученные данные полезны в том отношении, что позволяют выбрать территории с максимальной, средней и минимальной для региона заболеваемостью и использовать в работе широко применяемый в науке метод сравнительного анализа применительно к изучению влияния возможных факторов внешней среды (качества воды, почв, сельхозпродукции, продуктов питания, других условий жизни населения) на здоровье жителей.

Хотя в 2002 году по сравнению с 2001 годом число умерших от несчастных случаев, отравлений и травм сократилось на 2,6%, они по-прежнему занимают третью позицию в структуре причин смер-

ти и на них приходится 12,1% всех смертельных случаев. Среди мужчин от неестественных причин погибло 16,7%, среди женщин – 6,1%.

Рисунок 1

**Структура несчастных случаев, отравлений и травм
(в процентах ко всем умершим от неестественных причин)**

Анализ несчастных случаев по причинам показал, что самоубийства по-прежнему занимают ведущее место среди причин смерти, не связанных с болезнями. На них приходится 26,6% всех смертей, последовавших от немедицинских причин.

Показатель числа самоубийств (47,3) в расчете на 100 тыс. человек также является одним из наиболее высоких в Казахстане, в 1,5 раза превышая аналогичный показатель в среднем по Республике., причём данный показатель возрос в 2003 году по сравнению с 2002 годом на 9,7%. Кончают счеты с жизнью в основном мужчины, среди самоубийц они составляли 84%.

Анализ причин смерти свидетельствует о том, что и по тем группам заболеваний, с которыми человек уже научился бороться, наблюдается рост. В 2002 году по сравнению с 2001 годом на 8,9% увеличилось число смертей от инфекционных и паразитарных болезней, 94% которых составляют различные формы туберкулеза. В 2003 году показатель смертности населения по этой группе причин несколько снизился и составил 28,2 на 100 тыс. человек

В 2002 году на 0,8% возросла смертность жителей области от заболеваний органов дыхания, которая также является самой высокой в Казахстане и почти в два раза превышает средне республиканский показатель. В истекшем 2003 году смертность населения

области от болезней органов дыхания продолжала расти, и составила 126,9 случая на 100 тыс. человек (в 2002 г. – 121,9). Существенно отличается структура причин смерти по городским поселениям и сельской местности. Так, в городских поселениях существенно выше коэффициенты смертности по таким причинам, как новообразования, болезни органов кровообращения, органов пищеварения и других.

Одна из острых проблем настоящего времени - высокая смертность населения в трудоспособном возрасте, которая оказывает неблагоприятное воздействие на формирование трудовых ресурсов. За прошедший год в этом возрасте умерло около 3,3 тыс. человек. На 100 тыс. человек трудоспособного возраста (женщины в возрасте 16-57 лет, 16-62 года - мужчины) число умерших составило 770 человек. Смертность в этом возрасте по городской местности почти на 40% выше, чем по сельской (на 100 тыс. горожан – 935 случаев, сельских жителей - 664). Среди умерших в рабочих возрастах мужчины составили 77,6%.

Таблица 4

Смертность населения в трудоспособном возрасте

	2001			2002		
	оба пола	в том числе		оба пола	в том числе	
		мужчи ны	женщи ны		мужчи ны	женщи ны
Всего умерших	8947	4975	3972	9098	5119	3979
из них в трудоспособном возрасте человек	3174	2501	673	3250	2522	728
в % ко всем умершим	35,5	50,3	16,9	35,7	49,3	18,3
на 100 тыс. человек трудоспособного возраста	751	1154	327	770	1173	352

В 2002 году причиной смерти 30,5% умерших в этом возрасте стали болезни органов кровообращения, 27,3% - стали жертвами несчастных случаев, отравлений и травм.

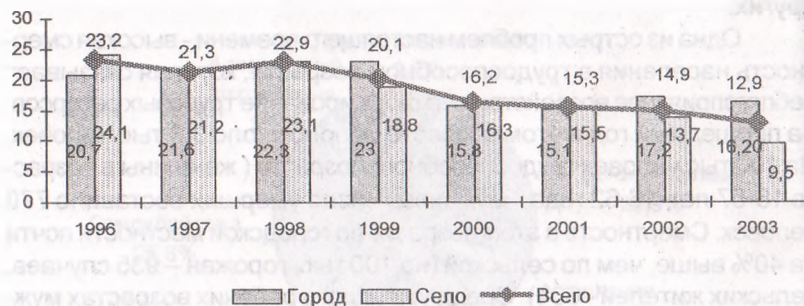
Уровень смертности находит свое отражение в средней ожидаемой продолжительности жизни населения. По оценке Агентства РК по статистике, она составила за 2003 год 64,8 года и была ниже, чем в среднем по Казахстану (65,8 лет). Сохраняется значительный разрыв в продолжительности жизни мужчин (59,3 лет) и женщин (70,7 года). Подобная разница обусловлена высокой преждевременной смертностью мужчин.

Проблема сохранения жизни новорожденного остается особенно актуальной. За 2002 год в области умерло 120 детей до одного года, что на 1,7% больше предшествующего года. В 2003 году

число умерших до одного года несколько сократилось (до 115 детей), но всё равно остается достаточно высоким.

Рисунок 2

Младенческая смертность (число умерших в возрасте до одного года на 1000 родившихся)

Основная причина (59,2% детей, умерших в возрасте до одного года) высокой смертности детей первого года жизни – это состояния, возникающие в перинатальном периоде, и врожденные аномалии, то есть причины во многом связанные со здоровьем матери. Причём, больше всего детей умерших в возрасте до одного года приходится на возраст до одного месяца (69 случаев из 113 в 2003 году). Причиной смерти 12,5% умерших детей до года были заболевания органов дыхания, главным образом, острые пневмонии.

С 2001 года возросло число случаев мёртворождённых детей. В 2001 году такие случаи составили (в расчёте на 1000 рождённых живыми и мёртвыми) 5,3, а в 2003 г. уже 8,5. Причём, особенно существенное увеличение произошло по городской местности (с 8,9 в 2001 г. до 20,7 в 2003 г.) в сельской же местности, напротив, произошло снижение данного показателя. Данный факт наводит также на мысль об экологической обусловленности причин мёртво рождений. Эти причины связаны, прежде всего, со здоровьем матери, обусловленном во многом факторами внешней среды.

В целом можно отметить, что высокая смертность, особенно среди населения трудоспособного возраста негативно отразится и в дальнейшем на динамике численности населения региона. Будет углубляться диспропорция между численностью мужчин и женщин, что также приводит к снижению рождаемости и к рождению внебрачных детей, ведь женщина одна вряд ли может позволить себе рождение нескольких детей, если даже государство будет оказывать ей материальную поддержку.

Кроме того, от высокой смертности населения в трудоспособном возрасте общество несёт существенные экономические потери, которые, к сожалению, пока никто не подсчитывал. Количество лет, не дожитых каждым человеком, умершим в трудоспособном возрасте выражается, в конечном счете, и «недопроизведённой» продукцией. Ведь население трудоспособного возраста у нас имеет достаточно хороший образовательный, профессионально-квалификационный уровень и может без дополнительной подготовки и затрат со стороны государства полноценно участвовать в общественном производстве. Поэтому высокая смертность населения трудоспособного возраста выражается не только в виде демографических, но и существенных экономических потерь.

Тенденции в состоянии смертности позволяют выделить этот фактор как основной в достижении стабилизации численности населения в регионе путём принятия комплекса мер по снижению смертности, особенно у населения в трудоспособном возрасте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкая Н.П. и др. Экологический риск как фактор онкологической заболеваемости населения Северо-Казахстанской области. Петропавловск. СКГУ. 2004.
2. Краткий статистический ежегодник Казахстана 2004. Агентство Республики Казахстан по статистике Алматы. 2004 – 216с.
3. Мрачковский А.Е. Демографические процессы Северо-Казахстанской области: тенденции и перспективы. // Экология и устойчивое развитие №2, 2003. с 24-30.
4. Население Северо-Казахстанской области 2003. Статистический сборник. Управление Статистики СКО. Петропавловск 2004 – 92с.
5. Региональный статистический ежегодник Северо-Казахстанской области 2003.. Управление Статистики СКО. Петропавловск 2004 – 154с.
6. Социально-экономическое развитие Республики Казахстан. Агентство Республики Казахстан по статистике Алматы. 2004 – 328с.

Р.А. Ниций, Д.К. Омарова

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАРЕНИЕ РАБОЧИХ ПРИ ПРОЦЕССАХ РАФИНИРОВАНИЯ СВИНЦА

Усть-Каменогорск является одним из основных промышленных регионов Республики Казахстан. На территории города дей-

ствуют 13 экологически опасных предприятий [1]. Одним из главных промышленных предприятий города является АО «Казцинк». На данном крупнейшем металлургическом комбинате трудятся около 41% жителей г. Усть-Каменогорска, и состояние их здоровья существенно отражается на демографической ситуации нашего региона, в частности, на продолжительности жизни населения.

Старение, с характерным для него сужением диапазона адаптационных возможностей, снижает «запас здоровья». Преждевременное профессиональное старение вследствие неблагоприятного воздействия факторов трудового процесса достаточно серьезная проблема, поскольку в преобладающем большинстве случаев сопровождается развитием в организме патологических изменений. Количественная и качественная оценка темпов старения позволяет объективизировать биологические эффекты воздействия факторов трудового процесса, установить степень риска развития состояний преждевременного старения, осуществлять своевременное их выявление с целью проведения оздоровительных и медико-профилактических мероприятий [2]. В то же время отсутствие систематизированных данных о влиянии экстремальных факторов на темпы и характер старения рабочих затрудняет разработку эффективных профилактических мер.

Результаты исследований на различных промышленных предприятиях показали, что и характер труда и многочисленные профессиональные вредности вносят существенный вклад в ускорение темпов старения организма [2-5]. Так, по данным Бугаева В.Н. [6], изучавшего влияние трудовой деятельности на темпы биологического старения, химическое производство, связанное со значительным превышением предельно-допустимых концентраций вредных веществ, оказывало более выраженное отрицательное влияние на темпы профессионального старения работающих, чем условия труда в других отраслях промышленности.

Шлейфман Ф.М., Ташкер И.Д., Лацук И.А., Вялая Л.С. в своих исследованиях указывали, что работа в условиях нагревающего микроклимата на предприятиях металлургической промышленности интенсифицирует биологическое старение организма, причем этот процесс усиливается, когда трудовая деятельность в «горячих» профессиях начинается в возрасте старше 40 лет [7]. Увеличение на 10 лет возраста начала трудовой деятельности в условиях нагревающего микроклимата эквивалентно дополнительному биологическому старению организма на 5 лет. Показатели среднестатистического давления у рабочих 20-29 лет были выше возраст-

ных стандартов и аналогичны величинам, характерным для группы здоровых лиц в возрасте 30-39 лет, а в группе 40-49 лет — аналогичны данным здоровых 50-59 лет. Показатели периферического сопротивления сосудов в возрасте 30-39 лет превышают стандарт здоровых лиц на 10 лет, а превышение возрастной нормы артериального пульсового давления составляет при стаже работы до 10 лет 10-12%, при большем стаже — 15-20%.

В связи с этим представляет особый интерес изучение механизмов развития преждевременного профессионального старения рабочих при процессах рафинирования свинца, которые характеризуются воздействием комплекса вредных факторов производственной среды (недопустимые параметры физических и нервно-эмоциональных нагрузок, вынужденная рабочая поза) в условиях значительных пылегазовыделений и неблагоприятного нагревающего микроклимата, что может оказывать значительное воздействие на функциональное напряжение организма работающих и, как следствие, на формирование состояний преждевременного старения.

Универсальной характеристикой функционального состояния организма является биологический возраст (БВ), определение которого позволяет воссоздать не только содержательную модель процесса старения, но и количественно измерить его выраженность.

Материал и методы исследований:

Оценку биологического возраста проводилась по общепринятой геронтологической методике Войтенко В.П., разработанной в Институте геронтологии АМН СССР [8,9]. Определение биологического возраста сердечно-сосудистой системы, определяли по методике, разработанной сотрудниками кафедры медицинского факультета РУДН под руководством академика Н.С. Агаджаняна [9].

Объектом исследования явились 86 плавильщиков рафинировочного цеха свинцового производства АО «Казцинк» в возрасте от 21 до 53 лет. Контрольную группу составили рабочие электро-механического цеха, не имеющие контакта с комплексом неблагоприятных факторов свинцового производства (53 человека).

Результаты и их обсуждение:

По результатам собственных исследований для основной профессии — плавильщики был характерен ускоренный темп биологического старения. Средний возраст работающих в рафинировочном цехе составил 36 лет. Результаты определения величины расхождения фактического и должного БВ в зависимости от возраста и стажа работающих (таблица 1,2) свидетельствуют о том, что

условия и характер трудовой деятельности в цехе рафинации существенно отражаются на темпах профессионального старения работающих.

Таблица 1

Средний календарный и биологический возраст рабочих цеха рафинации в сравнении с контролем в разных возрастных группах ($M \pm m$)

Показатели	Возраст, лет					
	20-29		30-39		40 и более	
Группа	Основ. группа n=26	Конт- роль n=18	Основ. группа n=28	Конт- роль n=19	Основ. группа n=32	Конт- Роль n=16
Средний возраст, лет	26,29 $\pm$ 2,2	26,1 $\pm$ 1,8	36,8 $\pm$ 2,7	33,7 $\pm$ 3,7	46,8 $\pm$ 4,9	47,0 $\pm$ 6,6
ФБВ, лет	40,7 $\pm$ 1,8	36,1 $\pm$ 1,3	46,8 $\pm$ 2,0*	41,6 $\pm$ 2,2	52,1 $\pm$ 2,2	48,8 $\pm$ 2,7
ДБВ, лет	36,0 $\pm$ 1,2	35,7 $\pm$ 1,4	40,4 $\pm$ 1,5	40,4 $\pm$ 1,6	47,8 $\pm$ 2,0	46,1 $\pm$ 1,7
ФБВ: ДБВ	1,13 $\pm$ 0,1	1,01 $\pm$ 0,2	1,15 $\pm$ 0,18	1,05 $\pm$ 0,3	1,1 $\pm$ 0,2	1,06 $\pm$ 0,4

Примечание:

1 n Количество наблюдений;

2 * Достоверность показателей в сравнении с контролем $p < 0,05$.

В сравнении с показателями должного биологического возраста (ДБВ) рабочих цеха рафинации, данные фактического биологического возраста (ФБВ) оказались выше и составили у рабочих возрастной группы 20-29 лет – 40,7 лет при должном 36,0 лет с отношением ФБВ к ДБВ 1,13.

Для возрастной группы 30-39 лет ФБВ был равен 46,8 года при ДБВ 40,4 лет при контрольных значениях 41,6 лет и 40,4 лет соответственно, однако с контролем выраженных различий не имели ($p > 0,05$). Средний стаж рабочих основной профессии рафинировочного цеха составил 9,1 год.

Что касается стажевых значений (таблица 2), то они претерпевали более существенные изменения, чем возрастные. В стажевой группе от 1-4,9 лет ФБВ был равен 46,1 года при ДБВ 39,0 лет, что обусловило коэффициент расхождения 1,18, что свидетельствует о функциональном напряжении и интенсификации процессов старения уже у рабочих стажевой группы 1-4,9 лет. В сравнении с контро-

лем разница была не существенна - 1,04. В стажевой группе от 5-9 лет ФБВ составил 52,2 лет, при контрольных значениях - 42,7 года.

Наиболее выраженные изменения касались стажевой группы 10 и более лет, где ФБВ превышал ДБВ на 17,0% и составил 58,8 года, что в сравнении с темпами старения в возрастных группах указывает на более выраженное влияние производственных факторов на показатели БВ. Отклонения БВ от его должной величины у плавильщиков составили 1,2-1,23 ед. Это указывает на то, что процессы биологического старения работающих почти на 24,5% опережали хронологический (паспортный) отсчет времени.

Таблица 2

Средний стаж и биологический возраст рабочих цеха рафинации в сравнении с контролем в зависимости от стажевой деятельности ($M \pm m$)

Показатели	Стаж, лет					
	1-4,9		5-9,9		10 и более	
	Основ. Группа n=28	Контроль n=14	Основ. Группа n=28	Контроль n=20	Основ. Группа n=30	Контроль n=14
Средний стаж, лет	2,27 $\pm$ 1,2	2,8 $\pm$ 1,3	6,66 $\pm$ 1,6	7,5 $\pm$ 1,7	18,6 $\pm$ 7,0	19,1 $\pm$ 5,6
ФБВ, лет	46,1 $\pm$ 1,9*	39,66 $\pm$ 2,1	52,2 $\pm$ 1,9*	42,7 $\pm$ 2,7	58,8 $\pm$ 2,1*	48,87 $\pm$ 3,0
ДБВ, лет	39,0 $\pm$ 1,4	38,24 $\pm$ 1,3	42,4 $\pm$ 1,1	40,1 $\pm$ 1,8	48,8 $\pm$ 2,0	47,21 $\pm$ 2,1
ФБВ: ДБВ	1,18 $\pm$ 0,1	1,04 $\pm$ 0,13	1,23 $\pm$ 0,1	1,06 $\pm$ 0,3	1,2 $\pm$ 0,08	1,035 $\pm$ 0,1

Примечание:

1 n Количество наблюдений;

2 * Достоверность показателей в сравнении с контролем $p < 0,05$.

По данным литературы наиболее высоки темпы старения у лиц с патологией сердечно-сосудистой системы (ССС). Это явилось одним из предположений о существенной роли сердечно-сосудистой патологии в процессах преждевременного старения организма. В частности, у рабочих, выполняющих тяжелую работу во вредных условиях, значительное ускорение процессов старения организма (до 14 и более лет), во многом связывали с развитием сердечно-сосудистых заболеваний [10, 11, 12, 13]. Результаты собственных исследований показали значительное превышение БВ ССС плавильщиков в сравнении с показателями контрольной группы более выраженное в стажевой динамике. Возрастная динамика показателей биологического возраста ССС у лиц контрольной группы характери-

зовалась незначительными отклонениями от должных величин во все возрастные периоды. По-видимому, интенсивность факторов производственной среды и деятельности в целом соответствовала функциональным возможностям профессий контрольной группы и не оказывала такого выраженного, как у рабочих основной профессии, влияния на процессы биологического старения организма.

Полученные данные указывали на значительное влияние неблагоприятных производственных факторов рафинировочного цеха на состояние ССС, ухудшающееся со стажем профессиональной деятельности в цехе, что согласуется с собственными результатами функциональных исследований (центральной гемодинамики, РВГ, РЭГ), а также ростом сердечно-сосудистой патологии [14, 15].

Оценка результатов биологического возраста сердечно-сосудистой системы плавильщиков показала следующее (таблица 3).

Уже у рабочих со стажем 1-4,9 лет разница в биологическом возрасте ССС составила 7,2 года в сравнении с контролем.

Таблица 3
Показатели БВ ССС у рабочих цеха рафинации ($M \pm m$)

Показатели	Стаж, лет			Возраст, лет		
	1-4,9	5-9,9	10 и более	20-29	30-39	40 и более
	n=28 16	n=28 20	n=30 17	n=26 18	n=28 19	n=32 16
БВ ССС, лет	41,6 $\pm$ 3,8 34,4 $\pm$ 3,4	54,1 $\pm$ 5,6* 46,1 $\pm$ 4,1	76,3 $\pm$ 6,3* 63,5 $\pm$ 3,3	37,8 $\pm$ 2,9 32,6 $\pm$ 3,0	47,1 $\pm$ 4,1 45,1 $\pm$ 4,2	68,4 $\pm$ 5,0* 57,6 $\pm$ 4,7

Примечание:

1 n Количество наблюдений

2 В знаменателе показатели контрольной группы;

3 * Достоверность показателей в сравнении с контролем $p < 0,05$.

Далее явления продолжали нарастать и в стажевой группе от 5-9,9 лет БВ ССС в основной группе на 14,8% превышал значения контрольной группы. У рабочих со стажем работы 10 лет и более данный показатель был равен 76,3 года, что на 16,7% выше, чем в контроле.

В возрастных группах значения БВ ССС превышали контрольные, однако достоверные различия ($p < 0,05$) регистрировались только в возрастной группе 40 и более лет.

Полученные результаты, по-видимому, отражают влияние условий производственной среды и деятельности на процессы преждевременного производственного старения. Процессы ускоренного биологического старения, а также напряженного функционального

состояния различных систем организма рабочих следует рассматривать как результат хронического напряжения их компенсаторно-приспособительных механизмов, ведущего к развитию состояний преждевременного профессионального старения плавильщиков рафинировочного цеха. Они отражают кумулятивный эффект сочетанного воздействия комплекса факторов производственной среды (полиметаллической пыли, соединений свинца, мышьяка, меди, цинка, теллура, олова, сурьмы, едкого натра, сернистого ангидрида, в концентрациях, превышающих предельно допустимые), деятельности (неоптимальный темп и режим работы, вынужденная рабочая поза, периодически возникающие стрессовые ситуации и т.д.), сопутствующие процессам рафинирования свинца.

Полученные результаты позволили разработать комплекс профилактических мероприятий, направленных на оздоровление условий труда и сохранение профессионального долголетия работающих рафинировочного цеха свинцового производства [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Институт социальных исследований «Влияние состояния окружающей среды на репродуктивное здоровье населения г. Усть-Каменогорска», Астана, 2003, 25 с.
2. Фролькис В.В., Мурадян Х.К. Старение: эволюция и продление жизни, Киев, 1992, 336 с.
3. Ахаладзе М.Г., Поляков А.А., Душечкина Н.П. Биологический возраст и физическая работоспособность в донозологической диагностике рабочих и служащих судостроительного предприятия // Физиология человека, 1991, № 7, С.150-157.
4. Горбань Л.Н., Кучерук Т.К., Лубянова И.П. Биологический возраст электросварщиков // Геронтология и гериатрия, 1988, С. 69-72.
5. Фролькис В.В. Старение и увеличение продолжительности жизни, Львов, 1988, 238 с.
6. Бугаев В.Н. Возрастные особенности работоспособности, лимитирующих трудовую активность пожилых рабочих // Физиология человека, 1987, № 3, С. 436-441.
7. Шлейфман Ф.М., Ташкер И.Д., Лащук И.А., Вялая Л.С. Влияние производственного микроклимата на темпы биологического старения организма // Вестник АМН СССР, 1992, № 11, С. 15-18.
8. Войтенко В.П., Токарь А.В., Полюхов А.Н. Биологический возраст. Наследственность и старение // Геронтология и гериатрия, Киев, 1984, С. 133-137..
9. Ахаладзе М.Г., Поляков А.А., Душечкина Н.П. Биологический возраст и физическая работоспособность в донозологической диагностике рабочих и служащих судостроительного предприятия // Физиология человека, 1991, № 7, С.150-157.

10. Фролькис В.В., Безруков В.В., Шевчук В.Г. Кровообращение и старение, Львов, 1984, 215 с.
11. Коркушко О.В. Сердечно-сосудистая система и возраст, Киев, 1983, 175 с.
12. Чеботарев В.Ф., Коркушко О.В., Маньковский Н.В. Атеросклероз и возраст, Львов, 1982, 295 с.
13. Frolkis V.V. Aging and life-prolonging processes, New York, 1982, 375 p.
14. Омарова Д.К., Амреева Л.М., Нищий Р.А. Гемодинамика головного мозга рабочих при процессах рафинирования свинца//Экология, радиация, здоровье. Материалы III Межд. Конференции, Семипалатинск, 2002, С. 246.
15. Омарова Д.К. Особенности кровообращения конечностей работающих при рафинировании свинца по данным реовазографии//Астана медициналық журналы», 2003, № 3, С. 31-35.
16. Нищий Р.А., Исмаилова А.А., Султанбеков З.К., Омарова Д.К., Амреева Л.М., Ерубаяев Т.К. Гигиено-физиологическая характеристика трудовой деятельности рабочих свинцового производства и пути оптимизации труда при процессах рафинирования свинца, Метод. реком. /Под ред. Г.А. Кулкыбаева, Астана, 2004, 19 с.

Г.И. Панковская

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Формирование состава населения Восточного Казахстана – длительный процесс, отличительные черты которого в первой четверти XX века были обусловлены рядом исторических, политических, экономических факторов.

Основные параметры территории Восточного Казахстана в географическом плане совпадали с границами Семипалатинской области, переименованной в советский период в Семипалатинскую губернию, поэтому данные рассматриваются как сопоставимые. Численные колебания, обусловленные административно – территориальными изменениями, учитывались при анализе статистических материалов.

Для изучения динамики численности и состава населения определены следующие хронологические вехи: 1897 год – проведение Первая всеобщая перепись населения Российской империи; 1906

год — усилились миграционные процессы, обусловленные проводимой царским правительством столыпинской аграрной реформой; 1914 год — началась первая мировая война, значительно повлиявшая на численность и состав населения; 1917 год — Февральская и Октябрьская революции, проведена сельскохозяйственная перепись населения Казахстана; 1920 год — создана КАССР, определены границы Семипалатинской губернии, проведены демографическая и сельскохозяйственная переписи; 1926 год — Всесоюзная перепись населения, изменения численности и состава населения в результате административно — территориальных преобразований.

Хронологические рамки (1897 — 1926 гг.) позволяют проследить изменения этнодемографической структуры и динамику численности состава в годы, когда проходили I мировая и гражданская войны, Февральская и Октябрьская революции, голод 1921-1922 годов и миграции населения, создана КАССР и определены границы территории

Анализ статистических материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г., сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов, городской переписи 1923 г., Всесоюзной переписи 1926 годов показал, что за 29 лет население Восточного Казахстана увеличилось на 625596 человек (91,4%) и составила в 1926 г. 1310186 человек

В связи с тем, что прирост численности населения происходил неравномерно по годам и имел ряд этнических особенностей, для анализа динамики численности населения условно выделены следующие периоды:

1. 1897 — 1906 гг. Численность населения губернии увеличивалась, преимущественно, за счет естественного прироста. Приток переселенцев был незначительным.

2. 1906 — 1914 гг. Рост численности населения, наряду с естественным движением, вызван массовой крестьянской миграцией в пределы губернии.

3. 1914 — 1917 гг. Снижение численности населения объяснялось военным оттоком, последствиями подавления царизмом национально — освободительного восстания 1916 г. и незначительным притоком беженцев и военнопленных в годы первой мировой войны.

4. 1917 — 1920 гг. Увеличению числа жителей способствовало расширение территории за счет южной части Змеиногорского уезда Алтайской губернии. На темпах прироста сказались последствия гражданской войны.

5. 1920 — 1926 гг. Несмотря на увеличение территории за счет

передачи Бухтарминского уезда и ряда волостей, голод 1921 – 1922 гг. и эпидемии отрицательно сказались на численности населения Восточного Казахстана. Начался отток военнопленных и военнообязанных. С 1923 г. усилилось миграционное движение беженцев в губернию. С 1925 г., после принятия Пленумом ЦК РКП(б) резолюции о реабилитации казачества, в станицы стало возвращаться казачье население (таблица 1)

Таблица 1

Динамика численности населения Семипалатинской губернии (1897 – 1926 гг.)

Численность населения	Годы						Прирост	
	1897	1906	1914	1917	1920	1926	абсол.	%
Мужчин	364 988	420 309	510 734	447 000	539 518	675 442	310 454	85,1
Женщин	319 602	353 621	449 615	500 000	499 178	634 744	315 142	98,6
Обоего пола	684 590	773 930	960 349	947 000	1 038 696	1 310 186	625 596	91,4

В первый, условно выделенный период (1897-1906 гг), абсолютный прирост численности населения составил 89340 человек (13,1%), ежегодно увеличиваясь на 9927 человек.

Основное увеличение численности жителей губернии происходило за счет естественного прироста, который по губернии составил 0,8%. Низкие темпы естественного движения объяснялись тяжелыми социально – экономическими условиями проживания абсолютного большинства населения: отсутствием медицинской помощи (в 1897 году на одного врача приходилось 22789 горожан и 272493 сельчан [4]; численным соотношением полов: в 1897 году на 100 мужчин приходилось 87 женщин, в 1906 году – 84 женщины [1]).

Численность мужчин в рассматриваемый период увеличилась на 55321 человек (15,2%), число женщин стало больше на 34019 человек(10,6%).

По уездам динамика численности населения выглядела следующим образом (таблица 2).

Таблица 2

Динамика численности населения по уездам

Годы	Семипалатинский	Усть-Каменогорский	Зайсанский	Павлодарский	Каркаралинский	Всего по области
1897	156 801	103 575	95 072	157 487	171 655	684 590
1906	187 944	124 672	103 826	192 173	165 315	773 930
Прирост численности						
абсол.	31 143	21 097	8 754	34 686	-6 340	89 340
%	19,9	20,4	9,2	22	-3,7	13,1

Наибольший прирост уездного населения наблюдался в Павлодарском (65,4%) и Усть – Каменогорском (50,6%) уездах, наименьший - в Семипалатинском уезде (28,3%).

С началом массовой крестьянской миграции (1906 – 1914 гг.) число жителей увеличилось на 186419 человек (85,%) при среднестатистическом ежегодном приросте 23300 человек

Увеличение численности населения осуществлялось в результате механического движения. Основное пополнение состава жителей Восточного Казахстана произошло за счет крестьян – переселенцев. Согласно официальной статистики, в Семипалатинской области в рассматриваемый период осело 82789 человек мужского пола [2]. Миграционные процессы повлияли не только на количественный состав, но и изменили этнодемографическую структуру населения.

В военные годы (1914 – 1917 гг.) численность населения снизилась на 13349 человек (-1,4%) Это объяснялось, в первую очередь, отрицательным миграционным сальдо: мобилизацией мужского населения на тыловые работы и в действующую армию; откомандировкой части казахского населения после подавления национально-освободительного восстания 1916 г. на территорию сопредельных государств и губерний Российской империи. Сокращение численности произошло за счет уменьшения мужского населения на 63734 человека (-12,5%) при увеличении числа женщин на 50385 человек (11,2%), вероятнее всего, беженок.

В 1917 – 1920 гг. число семипалатинцев, несмотря на последствия гражданской войны, увеличилось на 91696 человек (9,7%), в первую очередь, за счет механического движения: присоединения южной части Змеиногорского уезда Алтайской губернии общей площадью, по данным Губстатбюро, в 28260 кв. верст; возвращения на родину участников восстания 1916 г. и демобилизованных солдат. При увеличении численности мужчин на 92518 человек (20,7%) число женщин сократилось на 822 человека (0,2%).

В первой половине 20-х годов (1920 – 1923 гг.) произошли значительные колебания численности населения губернии. В результате голода 1921 – 1922 гг., эпидемий и миграции произошло снижение темпов прироста численности жителей Восточного Казахстана. Анализ статистических материалов сельскохозяйственной переписи 1920 г. и городской переписи 1923 года показал, что число сельских жителей с 1920 по 1923 гг. уменьшилось с 946473 человек до 937056 человек (-9417 человек), а численность горожан возросла с 101331 человек до 121851 человек (+20520 человек). Последствия

голода компенсировались значительным притоком беженцев в Семипалатинскую губернию, так как в ней, в отличие от других губерний Казахстана, был собран относительно хороший урожай зерновых. Беженцы, в основном, аккумулировались в городах, в надежде получить материальную и медицинскую помощь.

На фоне снижения численности населения во всех казахстанских губерниях в Восточном Казахстане наблюдался невысокий прирост численности жителей региона (+1100 человек). Это объяснялось значительными административно – территориальными изменениями. В феврале 1921 г. из Омской губернии был возвращен Павлодарский уезд. [3]. В октябре 1921 г. в состав этого уезда из Омской губернии переводятся 11 волостей (Беловодская. Богоявленская. Голубовская, Грабовская, Иртышская. Михайловская. Ново – Алексеевская, Ново – Ивановская, Украинская, Урлютибинская, Федоровская) [4].

В июле 1921 г. постановлением ВЦИК из Алтайской губернии в Семипалатинскую передается Бухтарминский район. Александровская, Богословская, Бородулихинская, Воздвиженская, Выдрихинская. Каиндинская, Ковош – Ульбинская, Красноярская, Ново – Покровская, Черновская волости вошли в состав Семипалатинского уезда; Бобровская, Усть – Каменогорская и Чистопольская, Больше – Реченская, Быструхинская, Владимирская, Глубоковская, Предгорненская, Черемшанская – в состав Усть – Каменогорского уезда [5].

В 1925 г. по данным Губстатбюро территория и численность 6 уездов губернии соответственно составили:

Уезды	Площадь		Население		Плотность на 1 км ²
	в км ²	% к общей площади	всего обоего пола	% ко всей населению	
Павлодарский	109 909	16,6	269 430	23,1	2,45
Каркаралинский	215 844	39,4	157 175	13,5	0,73
Семипалатинский	92 038	16,8	299 152	25,6	3,25
Усть-Каменогорский	37 728	10,6	202 949	17,4	5,38
Бухтарминский	29 749	5,4	111 522	9,6	3,75
Зайсанский	61 538	11,2	125 299	10,8	2,04
ИТОГО	546 806	100	1 165 527	100	2,13

Таким образом, в первой четверти XX в. произошли значительные изменения численности населения Восточного Казахстана, обусловленные рядом исторических, политических, экономических и других факторов.

Главную этническую доминанту населения Восточного Казахстана составляли два крупных этноса, поэтому формирование этнического населения происходило, в первую очередь, за счет казахского и русского населения.

Казахи составляли основную часть населения Восточного Казахстана на рубеже XIX – XX вв. По результатам Всеобщей переписи населения 1897 г. их численность составила 604564 человека (80,3% от общего числа жителей региона). В рассматриваемый период произошли количественные изменения состава казахского населения. За 29 лет абсолютный прирост казахов составил 110073 человека (18,2%) на фоне общего прироста (91,4%) численности населения губернии (таблица 3).

Таблица 3

**Динамика численности казахского населения
(1897 – 1926 гг.).**

Численность населения	Годы					Прирост	
	1897	1906	1914	1917	1926	абсол.	%
Мужчин	324 046	364 041	370 966	300 300	382 067	58 021	17,9
Женщин	280 518	300 025	321 114	333 900	332 570	52 052	18,6
Общего пола	604 564	664 066	692 080	634 200	714 637	110 073	18,2

Невысокие темпы увеличения численности казахов (9,8%) за счет естественного движения населения наблюдались в 1897 – 1906 гг. Ежегодно возрастая на 6611 человек, общее число казахов составило в 1906 г. 664066 человек, в том числе мужское население увеличилось на 39995 человек (12,3%), женское – только на 7% (19507).

В годы проведения столыпинской аграрной реформы (1906 – 1914 гг.) численность казахского населения росла медленно (на 3501 человек ежегодно), за счет естественного прироста. Невысокие темпы роста численности населения (14,2%) объяснялись нищенским существованием, следствием эпидемий, неблагоприятным соотношением полов (на 100 мужчин приходилось 84 казашки), низким процентом брачности. Незначительное увеличение численности казахов объяснялось также неточной регистрацией выделившихся из общего числа коренного населения оседлых казахов и разорившейся части скотоводов – кочевников, которые селились рядом

с русскими селениями и занимались батрачеством.

В военные годы (1914 – 1917 гг.) наиболее отчетливо проявилась тенденция снижения темпов прироста казахского населения, когда абсолютная численность снизилась на 57800 человек (-8,4%), в том числе уменьшение мужского населения составило 70666 человек (19%). Незначительное увеличение числа женщин – на 12786 человек (4%) не меняло общую демографическую ситуацию в Восточном Казахстане, как результата мобилизации мужчин по указу царя от 25 июня 1916 г. «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных коммуникаций в районе действующих армий» и карательными мероприятиями царского правительства, направленными против участников национально – освободительного восстания 1916 г. В указанный период военный отход, согласно расчетов Н.В.Алексеевко, составил 34 500 человек [6].

Годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.), голод 1921 – 1922 гг. и эпидемии сопровождались естественной убылью населения и способствовали активизации крестьянской миграции, как внутренней (аул – город), так и межгубернской. С началом стабилизационного периода в экономике региона в 1923 г. наблюдался рост численности хозяйств, оседлых и кочевых, что способствовало повышению темпов прироста населения, в том числе казахского. По сведениям Губстатбюро, в 1925 г. уже насчитывалось 220807 хозяйств (121636 – оседлые), в которых проживало 1074739 человек.

Абсолютный прирост казахского населения за 1917 – 1926 гг. составил 80437 человек (12,7%) при среднестатистическом ежегодном увеличении на 8937 человек

Возрастание численности казахов обеспечивалось за счет мужского населения (81767 человек) (21,2%) при сокращении общей численности женщин на 1330 человек (-0,4%).

Таким образом, в рассматриваемый период количественные изменения состава населения объяснялись колебаниями темпов прироста численности казахского населения; от – 1,4% в 1914 – 1917 гг. до 91,4% в период 1897 – 1926 гг.

На фоне медленного увеличения абсолютной численности происходило сокращение удельного веса казахов в общей численности с 88,3% в 1897 г. до 54,4% в 1926 г. Это объяснялось изменениями этнодемографической структуры, вызванными массовым миграционным движением, последствиями голода, военных лет и другими факторами. В конце первой четверти XX века казахи составляли половину состава населения губернии.

К концу XIX века неказахское население было представлено, в основном, двумя группами: казаками и крестьянами.

Сибирское казачье войско, сформированное на полиэтнической основе в период присоединения Верхнего Прииртышья к России в начале XVIII века, состояло из трех отделов: население 1-2 отделов проживало на территории Акмолинской области, 3 отдела — и Семипалатинской области. В результате ряда реорганизационных реформ (1808, 1846 и 1961 годов) в конце XIX века оно превратилось в закрытое привилегированное сословие (таблица 5).

Таблица 5

**Динамика численности населения
Сибирского казачьего войска (1897 – 1917 гг.)**

Численность населения	Годы				Прирост	
	1897	1906	1914	1917	абсол.	%
Мужчин	14 356	17 767	27 268	23 700	9 344	65,1
Женщин	14 361	17 419	27 155	27 200	12 839	89,4
Обоего пола	28 717	35 186	54 423	50 900	22 183	77,2

В рассматриваемый период численность казаков увеличилась на 22183 (77,2%), в том числе мужчин на 9344 человек (65,1%), женщин — на 12839 женщин (89,4%). Пополнение состава казаков происходило неравномерно. С 1897 по 1906 годы число казачества выросло на 3411 мужчин (23,8%) и 3058 женщин (21,3%), таким образом, абсолютный прирост составил 6469 человек (22,5%) при среднестатистическом ежегодном приросте 719 человек. Среди казачьего населения наблюдался разрыв в соотношении полов: на 100 мужчин приходилось 90 женщин. В связи с тем, что к концу XIX века формирование состава казачьего войска было, в основном, закончено, то колебания численного состава были незначительными и вызваны, главным образом, естественным движением. В 1906 г. в области насчитывалось 66 казачьих поселков, которые находились в 15 станиц. По уездам поселки распределялись следующим образом: в Каркаралинском — 1, Зайсанском — 4, Павлодарском — 16, Семипалатинском — 17, Усть — Каменогорском — 26 поселков.

С началом проведения столыпинской реформы (1906 – 1914 гг.) наблюдается значительный рост казачьего населения (ежегодный прирост составил 2405 человек). За 8 лет число казаков увеличилось на 19237 человек (54,7%), в том числе на 9501 мужчин и 9736 женщин. Прирост численности объяснялся демобилизацией

казаков после окончания русско - японской войны. Соотношение численности полов было примерно равным: на 100 мужчин приходилось 102 женщины. Местом расселения оставалась Бийская укрепленная линия и все Семипалатинские казачьи станицы. Путем принудительного выселения рядовых казаков были заселены станицы Зайсанская и Алтайская, поселки Урыльский, Киндерлыкский, Чистый Яр и Баты.

В военные годы (1914 – 1917 гг.) численность казачества уменьшилась на 3523 человек. Ежегодная убыль составила 1174,3 человек, в том числе мужчин – 116,6 человек, женщин – 0,8 человек. Снижение численности казаков произошло за счет сокращения мужского населения: число казаков, мобилизованных в армию, по расчетам Алексеенко Н.В., составило 3,5 тыс. человек [6]. Это привело численному преобладанию мужского населения над женским (на 100 казаков – 114 казачек).

Таким образом, в рассматриваемый период наблюдалось увеличение численности казачьего населения. Но прирост осуществлялся неравномерно по годам: в 1897 – 1906 гг. – на 13,1%; в 1906 – 1914 гг. – на 85,5%; в 1914 – 1917 гг. – (-1,4%).

При увеличении абсолютной численности казачества произошло возрастание и удельного веса казаков: в 1897 г. - 4,2%; 1906 г. - 4,5%; 1914 г. – 5,7%; 1917 г. – 5,3%.

10 ноября 1917 г. декретом ВЦИК «Уничтожение сословий гражданских чинов» казачье сословие было юридически ликвидировано. В феврале – марте 1920 г. на Всероссийском съезде трудового казачества казаки признали себя частью русского народа. Фактически ликвидация казачьего сословия произошла в 1925 году, когда декретом ВЦИК во всех казачьих областях создавались общие органы власти в соответствии с Конституции РСФСР. В результате политики «расказачивания» увеличилась численность и удельный вес русского населения, т.к. переписи, начиная с 1920 г., уже не обозначали казачество как отдельное сословие.

Крестьянское население стало формироваться в Восточном Казахстане с середины XVIII века в связи с развитием казенного хлебопашества. К крестьянам – старожилам относилось население трех поселков Александровской волости, и так называемые «приписные» крестьяне, проживавшие на кабинетских землях. Последняя приписка государственных крестьян состоялась в 1797 г. Их численность была незначительной, прирост осуществлялся за счет естественного движения.

С 80-х годов XIX века, в связи с проводимыми царским правительством аграрными преобразованиями и переселенческой политикой, в формировании крестьянского населения наметилась новая тенденция: увеличение численности крестьян происходило за счет естественного и механического движения. С началом XX века прирост определялся массовой крестьянской миграцией в пределы Восточного Казахстана (таблица 7)

Таблица 7

**Динамика численности русского и прочего
сельского населения (1897 – 1926 гг.)**

Численность населения	Годы				Прирост	
	1897	1906	1917	1926	абсол.	%
Мужчин	11 859	13 189	93 900	193 348	181 489	1530,4
Женщин	9 833	12 502	106 600	205 309	195 476	1988
Обоего пола	21 692	25 691	200 500	398 657	376 965	1737,8

В рассматриваемый период численность русского населения выросла на 376965 человек (1737,8%), в том числе 181489 мужчин (1630%) и 195476 женщин (1988%). На рубеже XIX – XX веков количественный состав русских поселенцев увеличивался медленно, на 144 человека ежегодно, и к 1906 г. составил 25691 человек. Прирост численности (3999 человек) определялся, в первую очередь, за счет женского населения (2669 человек).

Значительное увеличение крестьянского населения произошло с начала проведения столыпинской аграрной реформы, составной частью которой являлась переселенческая политика. Численность русского и прочего сельского населения с 1906 по 1917 гг. выросла на 174809 человек (680%), в том числе мужчин – на 80711 человек, женщин – на 94098 человек. Ежегодный прирост за счет механического движения составил 14567 человек. Наибольший приток переселенцев наблюдался в первые четыре года. Только в 1909 г. в Восточный Казахстан переселилось больше населения, чем за все предшествующие годы со времени присоединения Казахстана к России (17725 человек). О масштабах и ритмах переселенческого движения свидетельствуют следующие данные. В Бухарминском крае к 1915 г. было основано 54 переселенческих поселения, из них в 90-е годы XIX века – 4; в 1902 г. – 2; в 1907 г. – 8; в 1908 г. – 11; 1909 г. – 9; в 1910 г. – 8; в 1911 г. – 1; в 1912 г. – 8; в 1913 г. – 7; в 1914 г. – 1; в 1915 г. – 2.

В военные годы (1914 – 1917 гг.) увеличение численного состава русского и других народов происходило, в основном, за счет

естественного движения. Незначительный прирост (среднегодовой показатель составил 13500 человек) объяснялся мобилизацией в армию 23700 мужчин, что привело к изменению в численности полов (в 1917 г. на 100 мужчин приходилось 113,5 женщин) и уменьшению абсолютной численности за счет сокращения мужского населения. Приток беженцев в годы первой мировой войны был незначительным и не повлиял в значительной степени на изменение численности и состава населения.

В первые советские 9 лет (1917 – 1926 гг.) колебания численного состава русского населения были обусловлены рядом факторов: снижением уровня рождаемости и физическими потерями как следствия первой мировой и гражданской войн, голода 1922 – 1923 гг.; демобилизации солдат, миграционного и контрмиграционного потока беженцев; изменения территориальных границ губернии и т.д. Абсолютный прирост численности русских в указанный период составил 198157 человек (98,8%), в том числе мужчин – 99448 человек (105,9%), женщин – 98709 человек (92,6%).

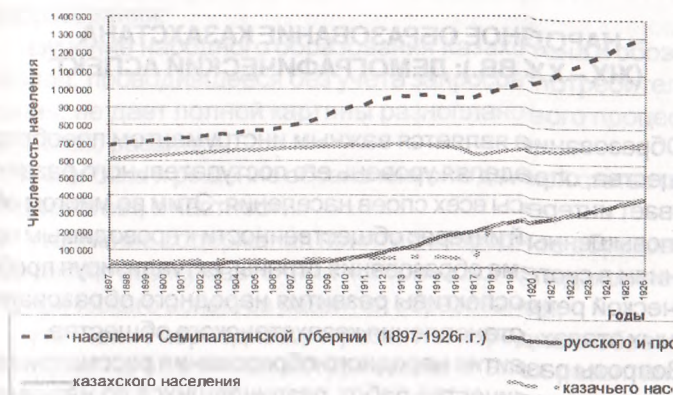
На фоне увеличения общей численности русского населения темпы прироста оставались стабильно высокими (рисунок)

За рассматриваемый период произошло резкое увеличение удельного веса русского населения в общей численности жителей губернии: в 1897 г. – 3,2%; 1906 г. – 3,3%; 1917 г. – 21,8%; 1926 г. – 30,4%.

Несмотря на формирование полиэтнического состава населения губернии структура характеризовалась как четко выраженная биэтническая при абсолютном численном преобладании двух этносов: казахов и русских. Доля других народов в 1897 г. была незначительной – 4,4% (5024 человека), в том числе татары составляли 1,8%. К 1926 г. удельный вес других народов увеличился до 15,1% (196892 человека), в первую очередь, за счет украинского – 113294 человека (57,5% от общей численности неосновных народов в составе населения губернии) и татарского – 16670 человек (1,8%).

Таким образом, в период первой четверти XX века наблюдалось численное увеличение состава населения губернии, прирост числа жителей имел отличительные хронологические и этнические особенности (рисунок 1)

Динамика численности населения (1897 - 1926 г.г.)

В процессе формирования произошло изменение соотношения относительной численности основных групп. Значительное увеличения удельного веса русского населения с 3,2% в 1897 г. до 10,4% в 1926 г. привело к сокращению доли казахского населения с 88,3% до 54,4%. Остальные группы составляли 15,2%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подсчитано по: Обзор Семипалатинской области за 1883 год. Семипалатинск, 1884. – С.12; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.Т.84. Семипалатинская область.- Спб, 1905.- С.3; Обзор Семипалатинской области за 1906 год. Семипалатинск, 1907. –С.14.
2. РГИА, ф.391,оп.3,д.902,л.л. 262-262 об.
3. Справочник по административно – территориальному делению Казахстана (август 1920 – декабрь 1936 гг).- Алма – Ата, 1959.-С.101; Список населенных мест и пунктов специального назначения Семипалатинской губернии. – Семипалатинск, 1924.
4. Там же.
5. Там же.
6. Апексеенко Н.В. Историческая демография Казахстана. – Усть – Каменогорск, 2001.-С.25.

А.В. Перминов

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСТАНА (XIX – XX ВВ.): ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Образование является важным инструментом преобразования общества, определяя уровень его поступательного развития, и затрагивает интересы всех слоев населения. Этим во многом объясняется повышенный интерес общественности к проводимым преобразованиям в системе образования страны, актуализируя проблему исторической ретроспективы развития народного образования на различных этапах становления казахстанского общества.

Вопросы развития народного образования рассматривались в значительном количестве работ, различавшихся по назначению, степени научности, детальности разработки, хронологическим и территориальным рамкам избранных авторами проблем:

- истории досоветской и советской школы, а также организации функционирования и реформирования отдельных типов учебных заведений;

- педагогического анализа функционирования досоветской и советской систем образования, и содержания образования в различных типах учебных заведений на территории современных Казахстана и России;

- демографического анализа образовательного уровня населения, а также социологических оценок развития образования в различные исторические периоды.

Исследователями накоплен и переработан значительный фактический и статистический материал, позволяющий подробно проследить исторический и педагогический аспекты становления и развития системы образования и отдельных типов школы; организации образования, а также изменения содержания и методов обучения в различных видах учебных заведений досоветского, советского и современного периодов развития казахстанского общества.

Однако нынешнее состояние исторического познания по проблеме развития народного образования в Казахстане в XIX – XX веках, на наш взгляд, не может считаться удовлетворительным по ряду причин:

- развитие системы образования изучалось историками школы и педагогики под влиянием классово обусловленного стереоти-

па трактовки общеисторического процесса, что определяло известную заданность оценок изменения сети учебных заведений как инструмента и результата политики господствовавших классов в области образования;

- изучение народного образования Казахстана в обозначенный период, проводившееся без учета запросов потребителей образования, не дает полной картины разнопланового процесса его исторического развития.

Постановка и решение обозначенной в данной статье проблемы предполагает, в частности:

- уточнение содержания понятия «народное образование», используемого исследователями исторического, педагогического и демографического аспектов развития образования;

- уточнение периодизации развития народного образования в Казахстане на различных исторических этапах развития общества.

Объективность анализа ретроспективы развития народного образования в XIX – XX веках зависит от используемого исследователями понятийного аппарата и его составляющих. Во-первых, это относится к эволюции содержания понятия: «народное образование», введенное в научный оборот на рубеже XIX – XX веков (таблица 1). До того времени, в течение XIX столетия исключительно использовалось понятие «народное просвещение», предусматривавшее распространение грамотности среди народонаселения страны, определение содержания образования для разных групп населения исходя из рода их занятий (сословной принадлежности), а впоследствии – введение всеобщего начального обучения.

В период формирования и функционирования социалистической системы образования (1917-1991 гг.) наряду с просветительскими задачами решались задачи создания типов учебных заведений, дифференцированных по видам образования и направлению профессиональной подготовки в условиях плановой экономики.

Во-вторых, это относится к соотношению трактовок понятий: «образование», «система образования» и «народное образование». Педагогическая трактовка понятия «образование» обозначает процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков; необходимое условие подготовки человека к жизни и труду двумя основными путями: обучением в различных учебных заведениях или самообразованием. Понятие «система образования» предполагает совокупность исторически сложившихся и связанных между собой всех типов учебно-воспитательных учреждений, осу-

ществляющих основные принципы политики государства в области образования.

Таблица 1

**Эволюция содержания понятия «Народное образование»
в XIX – XX веках**

Понятие	Период	Содержание понятия
Народное просвещение	1803 – 1917 годы	особая государственная часть целью которой являлось нравственное образование граждан соответственно обязанностям и пользам каждого состояния [1, Т.1, С. 13].
	1917 – 1930 годы	организация сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и ведения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, ... единой для всех граждан абсолютно светской школы [2, С. 8].
Народное образование (просвещение)	1930 – 1991 годы	система образовательно-воспитательных и культурно-просветительных мероприятий и учреждений в стране [3, С. 859].

Понятие «народное образование» используется в различных источниках в двух основных трактовках:

- система учреждений, организаций и учебных заведений, предназначенных для обеспечения образовательной и профессиональной подготовки граждан, их воспитания в соответствии с интересами и потребностями государства;
- виды деятельности по организации образования и обучения.

Таким образом, используемые в научном обороте понятия «система образования» и «народное образование», обнаруживают определенное сходство в их содержании, что, на наш взгляд, и является причиной однопорядковых подходов исследователей, заключавшихся в изучении и трактовке количественных и качественных показателей изменений системы образования в различные исторические периоды.

Анализ трактовок содержания понятий «образование», «система образования» и «народное образование», систематизированные в таблице 2, позволит обозначить специфику демографического аспекта применительно к рассматриваемой проблеме.

Сравнительный анализ содержания трех понятий, используемых в историко-педагогических исследованиях, позволяет выделить следующие их аспекты:

Таблица 2

Демографический аспект содержания понятия народное образование

ПОНЯТИЕ	АСПЕКТЫ			
	исторический	педагогический	политический	демографический
ОБРАЗОВАНИЕ – процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков; необходимое условие подготовки человека к жизни и труду		усвоение обучающимися определенного объема общеобразовательных или профессиональных знаний, умений, навыков		уровень профессиональной подготовки трудоспособного населения
СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ – совокупность исторически сложившихся и связанных между собой всех типов учебных, воспитательных учреждений, осуществляющих основные принципы политики государства в области образования	эволюция типов учебных заведений, обеспечение участвующих преэминентности уровней образования		государственное регулирование функционирования учреждений образования	
НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: - система учреждений, организаций и учебных заведений, предназначенных для обеспечения образовательной и профессиональной подготовки граждан, их воспитания в соответствии с интересами и потребностями государства; - виды деятельности по организации образования и обучения		комплекс учебных заведений, обеспечивающих последовательность образовательной или профессиональной подготовки обучающихся	государственное регулирование уровня и содержания образовательной или профессиональной подготовки	запросы населения в получении образовательной или профессиональной подготовки различного уровня и содержания

- исторический: выявление закономерностей развития образовательных систем в обществе на различных этапах его развития;
- педагогический: определение содержания и последовательности освоения образовательных программ;
- политический: регламентирование государством функционирования учреждений образования различных уровней;
- демографический: запросы потребителей образования (населения) в определенных видах и уровнях образовательной подготовки.

Запросы населения в получении определенных видов образовательной подготовки в известной мере определявшие политику правительства в области образования, направленную на воспроизводство рабочей силы в отдельных регионах страны в XIX – XX веках, исследователями практически не рассматривались. Как правило, в работах историков образования использовались и анализировались данные о грамотности населения, являющейся одним из базовых показателей социально-экономического развития.

Конкретное содержание понятия «грамотность» изменялось исторически с возрастанием общественных требований к развитию индивида: от умения читать, писать – к овладению минимумом общественно необходимых знаний и навыков. В то же время грамотность, образовательный и профессиональный уровни не присущи человеку от рождения, а приобретаются им в рамках существующей системы образования страны, в течение определенного времени и в соответствии с общественно-значимыми установками и профессиональным личным выбором.

Поэтому уточненное содержание понятия «народное образование» можно трактовать как *деятельность государства, общественных классов и групп, направленную на воспроизводство трудового потенциала населения*. В этом случае на развитие народного образования в регионе объективно напрямую или опосредованно оказывали влияние следующие демографические факторы: половозрастная структура населения; его этническая и языковая дифференциация; размещение, концентрация и род занятий. Таким образом, народное образование как деятельность государства, общественных классов и групп, направленная на воспроизводство трудового потенциала населения, реализуется через систему образования, но не является ей тождественным.

Степень влияния тех или иных факторов на развитие сети образовательных учреждений (количественные показатели) или уров-

ня и типов учебных заведений (качественные показатели уровня образования), определивших специфику развития системы образования в регионе в XIX – XX веках, исследователями специально не изучалась. Предлагаемая нами уточненная трактовка содержания понятия «народное образование», во-первых, не противоречит сложившимся в исторической и педагогической науках понятийным аппаратам, но позволяет выделить демографический аспект, определяющий причину его поступательного развития. Во-вторых, позволяет избежать известной заданности выводов, присущих советской и современной историографии, когда, по словам немецкого исследователя Ф. Паульсена, «историку образования постоянно приходится сталкиваться с одним явлением, представляющим совершенно ненормальным: неблагодарности, даже претензии, с какой всякая новая эпоха отвертывается от предшествующей, которой она обязана и своим образованием и своим воспитанием» [1, С. 43].

Периодизация развития народного образования в Казахстане в XIX – XX веках обусловлена изменением его содержания на различных исторических этапах. В современной историко-педагогической литературе для изучения истории развития школы, используется два основных вида периодизации:

- по принципу формационного развития общества, отражающему последовательность смены способов производства обществом материальных благ;

- по принципу развития революционно - освободительного движения в Российской империи: дворянского, разночинского и пролетарского [5-9].

Традиционные подходы к периодизации развития народного образования не дают полной картины причинно-следственных связей его развития, изменения целей и содержания образования в учебных заведениях системы образования на различных исторических этапах развития общества. Восполнить существующий пробел в педагогической историографии и проследить причинно-следственные связи в развитии народного образования можно, изменив основополагающие принципы его периодизации.

Развитие народонаселения предполагает приобщение людей к ценностям человеческой культуры и цивилизации, посредством образования в целях усвоения и использования различных знаний, а также создания условий для их эффективного применения в различных сферах жизнедеятельности общества. В основу предлагаемой нами периодизации развития народного образования положены:

- философское учение о самодвижении целостных систем;
- системно - структурный подход к педагогическим явлениям.

Поскольку под термином "период" понимается промежуток времени, охватывающий какой - либо законченный процесс, то в основу периодизации положена философская категория "самодвижения" [10, Т.4, С.550], предполагающую изменение объекта под влиянием внутренне присущих ему противоречий, факторов и условий, когда все внешние воздействия на данный объект играют модифицирующую, либо опосредующую роль. Таким образом, изменение целей и содержания народного образования по развитию народонаселения в различных исторических условиях позволит проследить внутреннюю логику его развития.

Системно-структурный подход к педагогическим явлениям проявляется в изучении педагогических систем как естественноисторического процесса [11, С.28]. Всю историю развития народного образования в Казахстане в XIX – XX веках можно условно, с учетом предложенных принципов, разделить на два основных периода: доиндустриальный и индустриальный (таблица 3).

Таблица 3

**Периодизация развития народного образования
в Казахстане в XIX – XX веках**

период	содержание периода
ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЙ (1803 - 1896 гг.)	
1803 - 1861 гг.	утверждение Предварительных правил народного просвещения, создание системы государственного образования Российской империи
1861-1896 гг.	реформирование системы образования, подготовка и реализация программы всеобщего начального обучения детей школьного возраста
ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ (1897 - 1999 гг.)	
1897 - 1991 гг.	реализация программы введения всеобщего начального образования; формирование и развитие советской системы образования; реализация программы введения всеобщего среднего образования
1991 – 1999 гг.	включение системы образования суверенного Казахстана в мировое образовательное пространство; формирование и развитие национальной системы образования, создание личносно ориентированной модели образовательного процесса.

В течение доиндустриального периода (1803-1896 гг.) основная масса населения Российской империи, куда входили территории современных Казахстана и России, была занята в аграрном секторе экономики различными видами труда, не требующими ни применения значительных интеллектуальных познаний, ни систематического повышения своего интеллектуального уровня производителями материальных благ. Перераспределение трудовой силы в аграрной экономике носило массовый характер в форме земледельческой колонизации. Система образования характеризовалась низким уровнем дифференциации малочисленных учебных заведений.

С развитием буржуазных отношений в стране (1861-1896 гг.) и расширением сферы применения наемного труда в различных отраслях экономики обнаружилась настоятельная потребность не только в квалифицированной рабочей силе и возможности ее свободного перемещения, но и эквивалентности образования, полученного в однотипных учебных заведениях как внутри страны, так и за рубежом. Система образования характеризовалась усложнением дифференциации типов учебных заведений, рассчитанных на удовлетворение различных запросов потребителей образования.

В течение индустриального периода (1897-1999 гг.) в связи с развитием технического прогресса и усложнения производства, повышаются требования к образовательному уровню рабочей силы, разрабатываются и реализуются программы всеобщего начального и всеобщего среднего образования, разрабатывается система мер, направленных на подготовку высококвалифицированной рабочей силы. Создание и развитие социалистической экономики, и последующее решение задачи полной занятости трудоспособного населения приводило к дальнейшему расширению сети учебных заведений и дифференциации образования.

Включение системы образования суверенного Казахстана в мировое образовательное пространство (1991-1999 гг.) предполагает ее трансформацию из репродуктивной в непрерывно развивающуюся [12, С.7].

Изменение специфики народного образования, обусловленное поступательным развитием общества и задачами воспроизводства трудового потенциала народонаселения, проявлялось в неоднократных реформированиях системы образования в различные исторические периоды развития страны.

В целом, развитие народного образования в XIX-XX веках не могло носить однозначно поступательного характера в силу ряда объективных и субъективных причин воспроизводства населения.

Таким образом, изучение развития народонаселения Казахстана XIX-XX веков (этнический и половозрастной состав; языковая и религиозная принадлежность; размещение и занятость населения) позволит выявить:

- причинно-следственные связи и факторы, оказывавшие существенное влияние на развитие народного образования страны того времени;

- критерии и характеристики запросов потребителя образования, обусловивших востребованность отдельных типов учебных заведений и последующие изменения системы образования в различные исторические периоды развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: в 17 т. - СПб., 1864 - 1904.
2. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сборник документов. 1917-1973 гг. / Составители А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.В. Литвинов. - М.: Педагогика, 1974.
3. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. - 3-е изд. - М.: Сов. энциклопедия. - 1984.
4. Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. - б. м.: Изд. т-ва И. Д. Сытина, б. г.
5. Очерки истории педагогической науки (1917-1980). / Под ред. Н. П. Кузьминой, М. Н. Колмаковой. - М.: Педагогика, 1986.
6. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII - п. п. XIX вв. / Ответ. ред. М. Ф. Шабанова. - М.: Педагогика, 1973.
7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: конец XIX - начало XX вв. / Под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б.К. Тебиева. - М.: Педагогика, 1991.
8. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: 1941-1961 гг. / Под ред. Ф. Г. Паначина, М. Н. Колмаковой, З. И. Равкина. - М.: Педагогика, 1988.
9. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: 1961-1986гг. / Под ред. Ф. Г. Паначина, М. Н. Колмаковой, З. И. Равкина. - М.: Педагогика, 1987.
10. Философская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. Ф. В. Константинов. - М.: Советская энциклопедия, 1960-1970.
11. Беспалько В. П. Основы теории педагогических систем: Проблемы и методы психолого-педагогического обеспечения технических обучающихся систем. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977.
12. Основы кредитной системы обучения в Казахстане / С.Б. Абдыгаппарова, Г.К. Ахметова, С.Р. Ибатуллин, А.А. Кусаинов, Б.А. Мырзагалиев, С.М. Омарбаев; Под общ. ред. Ж.А. Кулекеева, Г.Н. Гамарника, Б.С. Абдрасилова. - Алматы, 2004.

Ю.Н. Пинигина

Исследовательский центр «Внутренняя Азия», г. Иркутск

*Работа выполнена в рамках проекта «Высшее образование
в социальном развитии Центральной Азии»,
при поддержке Фонда Форда, грант № 1040-1432*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И «СЕЛЬСКИЙ УРБАНИЗМ»: ПЕРЕКРЕСТОК БОХАНА

В поселке Бохан Усть-Ордынского Бурятского Автономного округа существует университет. Боханский филиал Бурятского государственного университета (БФ БГУ) создан в конце 1999 года. С 2000 г. туда поступают 140-150 абитуриентов ежегодно, обучаются по семи специальностям на первом-втором курсе, после чего переводятся в базовый вуз – Бурятский госуниверситет в г. Улан-Удэ. Качество преподавания, по различным оценкам [1] оставляет желать лучшего, к тому же, как показывают результаты исследования [2] половина студентов пришла в Университет за высшим образованием «вообще», а не за специальностью.

Экспансия российских вузовских центров на периферию, в сельские районы – феномен, попавший в поле зрения ученых различных специальностей. Однако в данном случае предметом интереса стали не столько реалии существования сельского филиала БГУ, но их роль в сложных разновекторных процессах образовательной миграции и урбанизации.

Университет оказался на перекрестке двух различных, причудливо дополняющих друг друга процессов. С одной стороны, он один из определяющих факторов сельско-городской миграции бурятской молодежи из Округа в Республику. С другой – важнейший фактор урбанизации для поселка Бохан.

Университет построен как ответ на вызов. Следует отметить, что Боханский филиал возник уже через четыре года после образования самого университета на базе педагогического института. БФ БГУ никак не был упомянут в «Концепции развития Бурятского государственного университета 1996-2000 гг», при том, что Концепция была одобрена постановлением правительства республики и затрагивала даже совсем частные вопросы (например, приобретение нового оборудования для типографии). Вероятно, нужно реконструировать историю открытия филиала, и рассматривать её в контексте новейшей политической истории Бурятии и Округа, чтобы понять, почему и для чего был создан этот филиал Университета.

Пока такая реконструкция объективно маловероятна. Без детальной реконструкции истории открытия можно сделать лишь самые общие выводы: время и место появления университета сами по себе – значимое политическое явление, продукт не только университета, но и, образно выражаясь, результат деятельности национальной интеллигенции в целом – один из видимых результатов бурного процесса, обычно называемого национально-культурным возрождением.

С другой стороны, у него есть давняя и прочная, обретающая статус традиции основа – в Бохане почти век существует весьма уважаемое не только в самом поселке, но в Округе в целом педагогическое училище, на базе которого и был создан университет, «унаследовавший» здание, библиотеку и часть преподавательского состава. Сейчас университет и училище вынуждены работать в общем здании, что существенно усложняет существование и порождает бытовые конфликты.

Университет существует не на пустом месте, он стоит на основании из традиций, мифов, политических и этнических проектов. Это основание определяет его облик, а может определить и дальнейшую судьбу – мифы, проекты традиции могут стать для него как потенциалом, так и приговором. В контексте рассматриваемых процессов не целесообразно останавливаться подробно на этих вопросах, упомяну лишь, что речь идет о поливариабельных трактованиях этнической истории бурят, о разных представлениях о перспективах развития этноса. Очевидно, что в случае ожидаемого объединения Иркутской области и Округа жизнь университета не может не измениться. В любом случае, мы видим молодой, совершенно особенный и ни на что не похожий Университет, оказавшийся участником и заложником разноректорных социально-политических и этнодемографических процессов.

Появление в поселке Бохан университета актуализировало процессы квазиурбанизации или, по определению Кэролайн Хемфри, «сельского урбанизма»[3]. «Сельский урбанизм» формируется за счет аккумуляции в деревне большого количества людей с высшим образованием, вернувшихся из города и привносящих в деревенский жизненный уклад городские ценности, привычки и связи с городом, что характерно в целом для Республики Бурятия. Но Бохан – не в Бурятии, а в этноареале бурят. Население Бохана, вероятно, не стремится стать «городским». Дело не в формальном статусе – в округе стопроцентно сельское население, (единственный, он же «столичный» поселок Усть-Ордынский несколько лет назад

добровольно отказался от «городского» статуса). В Бохане - осознанно или нет - формируется *другая*, нетипичная урбанизация. «Советская» урбанизация не развернулась, «пригородная стратегия» не может использоваться в полной мере – Бохан расположен не слишком близко к Иркутску, не имеет преимуществ поселков, расположенных на Транссибе и федеральных автотрассах. Формирующуюся в Бохане квазиурбанизацию можно, на мой взгляд, причислить к «сельскому урбанизму по-бурятски», как это описывает К. Хемфри. Но в случае Бохана есть принципиально важный отличающийся момент – факт существования в деревне стационарной и абсолютно городской по своей сути структуры – Университета. В этом смысле Бохан – абсолютное исключение из общего правила.

Администрация УОБАО и Боханского района построила для преподавателей БФ БГУ шесть жилых домов, в 2004г. заложен фундамент университетского общежития. Однако сейчас строительство заморожено. Пока общежития нет, приезжие студенты размещаются либо у родственников, если таковые имеются, либо «снимают комнаты у бабушек» - в поселке сформировался своеобразный «рынок недвижимости», и в качестве арендной платы рассматриваются не только деньги, но и работа по хозяйству, и расчет продуктами питания – деревенские бабушки весьма довольны. Поскольку в поселке существует БФ БГУ, педагогическое училище и профтехучилище, нагрузка на жилой фонд велика, цены на съемное жилье постоянно растут. В двухтысячном году из Улан-Удэ на постоянное жительство в Бохан были посланы восемь преподавателей и заместитель директора по АХЧ, которые и составили костяк преподавательского коллектива. Предполагалось, что эти «сентябристы», как их называют в БФ, проживут в Бохане три года, после чего их заменят их коллеги. Из этих девяти в поселке смогли остаться лишь двое – директор и его заместитель. Сейчас коллектив БФ составляют двадцать штатных сотрудников. Преподаватели спецдисциплин приезжают в Бохан для работы вахтовым методом. В 2003 году абитуриентам, поступавшим в Бурятский госуниверситет и набравшим на экзаменах одного балла, предложили поехать учиться в Боханский филиал – так в поселок приехала группа из пятнадцати девушек, в основном это выпускницы сельских школ Республик Бурятия. Само по себе постоянное пребывание в поселке большого количества оторванных от дома молодых людей не может не менять всей поселковой жизни.

Создание БФ БГУ можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, это ответ на сформировавшуюся в Округе потреб-

ность, во-вторых, освоение «своего» образовательного пространства.

Потребность в образовании и потребность в перемещении в данном случае почти тождественны. Директор БФ БГУ Алдар Дамдинов и преподаватели БФ БГУ Васса Онохонова и Светлана Олейникова в своем совместном докладе так прокомментировали ситуацию: «Установка на получение высшего образования для молодежи, особенно сельской, для которой это возможность вырваться из окружающей среды, несомненно, является определяющим значением». Официально удовлетворяя только один социальный заказ – доступность бесплатного высшего образования для малообеспеченных выпускников отдаленных сельских школ, БФ «попутно» удовлетворяет и другую, возможно более значимую потребность – формирует канал образовательной (сельско-городской) миграции молодежи. Это предполагает возможность перемещения значимого для Округа количества молодых людей сразу в двух плоскостях: пространственной (в части сельско-городской миграции) и социальной (поскольку в местном социуме любое высшее образование традиционно означает радикальное повышение социального статуса – вне связи с ростом благосостояния)

Канал этот оборудован достаточно комфортно. Во-первых, это система комфортной, постепенной, щадящей адаптации мигранта; промежуточная остановка между деревней и городом. «Сельские жители привыкли к размеренному ритму жизни, поэтому адаптация в городе проходит долго. Студенты нашего филиала за два года обучения получают великолепную возможность пройти адаптацию к вузу и перейти подготовленными в головной вуз» - из упоминавшегося доклада. Во-вторых, этот канал миграции этнически однороден и даже этнически детерминирован. Он выстраивается в пределах бурятского этноареала. Географическое измерение миграционного потока в данном случае определяется его этнокультурным содержанием (учебная миграция из бурятского округа-анклава в Республику Бурятия (от Бохана до Улан-Удэ - 600 км), игнорируя близость другого, более мощного образовательного центра (до Иркутска - 120 км)). Также отметим его практически моноэтническое наполнение (среди студентов 86% назвали себя бурятами). Вектор развития республиканского высшего образования направлен на проникновение в районы с компактным расселением бурят, наращивание эдукативного ареала до масштабов этноареала а по возможности и шире – до масштабов социокультурного пространства монгольских народов и сибирских тюрков.

Представленная траектория учебной миграции для жителей округа не единственная, и далеко не самая престижная. Более подготовленные и амбициозные выпускники школ округа отправлялись и отправляются в вузы Иркутска, а некоторые и дальше – в Томск, Москву, Петербург; менее подготовленные, или рассчитывающие на неформальные ресурсы при доступе к высшему образованию – в Улан-Удэ. Эти траектории сформировались еще в семидесятые-восемидесятые годы прошлого века и заметно способствовали становлению бурятского «сельского урбанизма».

В последние же годы наблюдается мощное встречное движение – образовательная экспансия Республики Бурятия в регион. В своем интервью республиканской газете заместитель министра образования и науки РБ Алексей Бадлуев в ноябре 2002г. отмечал: «В последние годы открылись филиалы бурятских вузов в Монголии, в Республиках Саха и Тыва, а также в Иркутской и Читинской областях. Всего в них по очной и очно-заочной системе обучается свыше полутора тысяч человек.» Однако это распространение в меньшей степени ориентированно на территорию собственно республики. Даже следующие по величине после Улан-Удэ города Гусиноозерск с населением 25,8 тысяч человек и Северобайкальск с его населением 25,7 тысяч человек не стал новыми образовательными центрами [4]. Очевидно, количественная концентрация потенциальных студентов не является определяющим фактором, – куда важнее качественные характеристики. Из всего этого можно, полагая, сделать вывод: векторы учебной миграции в регионе (Республика Бурятия и Иркутская область) интереснейший объект для дальнейшего исследования, особенно в их этническом измерении.

В нашем же случае самым значимым представляется то обстоятельство, что боханский канал образовательной миграции (в отличие от прочих миграционных каналов бурятской молодежи) не только, а возможно и не столько сумма индивидуальных стратегий, сколько совместный этнополитический проект Республики и Округа.

ЛИТЕРАТУРА

1. В частности, подобное мнение содержится в совместном докладе директора Боханского филиала Бурятского госуниверситета А.В. Дамдинова и преподавателей БФ С.В. Олейниковой и В.Г. Онохоновой «Проблема сельского образования и адаптации выпускников сельских школ к системе обучения в ВУЗах на примере студентов Боханского филиала Бурятского Государственного Университета» на прошедшем в июне 2004 года семинаре МИОН при ИГУ «Высшее образование и этнический ресурс: стратегии в полиэтническом сооб-

- ществе», а так же в сообщении проф. Т.Е. Санжиевой «Боханский филиал: образовательный и этносоциальный эффект» на рабочем семинаре исследовательского проекта «Высшее образование в социальном развитии Центральной Азии» в мае 2004г.
2. доклад А.В. Дамдинова, С.В. Олейниковой и В.Г. Онохоновой.
 3. Подробнее о «сельском урбанизме» в Республике Бурятия в статье Сергея Панарина. Панарин С.А. Конфликтный потенциал социально-экономических и этносоциальных процессов в Республике Бурятия //Конфликт – Диалог – Сотрудничество. Конфликтогенный потенциал и проблемы этничности в регионах Российской Федерации. – Бюллетень № 3 (март-май 2000)
 4. Население Республики Бурятия: статистический сборник. – Комитет государственной статистики Республика Бурятия, Улан-Удэ, 2004 – С. 5.

В.Н. Ракачев

Кубанский Государственный Университет, г.Краснодар

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА КУБАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 2000-Х гг.*

На современном политическом пространстве Российской Федерации Краснодарский край (Кубань) бесспорно, является одним из заметных регионов, который не обходят своим вниманием как средства массовой информации, так и авторы научных публикаций самых различных направлений. Причина этого феномена – неординарные лидеры, левые консервативные настроения, крайне обостренное отношение к мигрантам, в первую очередь иноэтничным.

В то же время, исторически социальная общность края складывалась как полиэтничная. На протяжении XIX в. сюда массово переселяются в организованном и стихийном порядке представители различных этнических групп из регионов России и иностранные подданные. В итоге к началу XX в. в общих чертах сложилась этническая карта региона. При доминирующей роли славянского (прежде всего украинского и русского) элемента, значительные массивы населения были представлены армянами, греками, немцами и другими народами.

И сегодня край является одним из самых многонациональных среди регионов РФ. Индекс этнической мозаичности населе-

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-38006 а/Ю

ния, свидетельствующий о теоретической вероятности высокой частоты общения представителей различных национальностей составляет в крае 0,252, повышаясь в некоторых, преимущественно приморских, районах до 0,532 (при 0,003–0,004 в областях Центральной России) [1].

По данным переписи 2002 г., в составе населения края 86,56% русских, 5,36 – армян, 2,57 – украинцев, 0,52 – греков, 0,51 – белорусов, 0,50 – татар, 0,40 – грузин, 0,36 – немцев, 0,31 – адыгейцев и 2,73% представителей других народов[2].

Краснодарский край относится к числу немногих регионов РФ, где на протяжении значительного периода наблюдался стабильный прирост населения, а процессы депопуляции проявились сравнительно недавно.

В 1989 г. в Краснодарском крае проживало 4 620 876 чел. [3]. В полиэтнической структуре населения края, как и прежде, доминирующим этносом являлись русские, доля которых составляла 86,71%. Вторую позицию занимали украинцы – 3,94%. С незначительным отрывом от них, на третьей позиции, располагались армяне – 3,72%. Доля других этносов и этнических групп была существенно ниже. Так, процент белорусского населения в крае равнялся 0,75, немцы составляли 0,65%, греки – 0,61, адыгейцы – 0,45, крымские татары – 0,37, татары – 0,31, грузины – 0,26, азербайджанцы – 0,22, молдаване – 0,16, мордва – 0,15, евреи – 0,11, цыгане – 0,18, болгары – 0,08, поляки – 0,07, курды – 0,05, турки – 0,05, ассирийцы – 0,04, корейцы – 0,03, эстонцы – 0,03, чехи – 0,02 и другие национальности – 1,04% [4].

С 1989 г. по 2002 г. численность населения края увеличилась на 10,9% и составила 5 125 221 чел. [5], тогда как, например, за период между переписями 1979–1989 гг. прирост составил 6,5%. Такой прирост, при общем снижении рождаемости и росте смертности, стал возможен в результате массовой миграции на территорию края на протяжении всего межпереписного периода.

Естественный прирост населения в Краснодарском крае и стране в целом с 1960-х гг. имел четкую тенденцию к снижению. Динамика естественной убыли населения Краснодарского края в период 1990–2000 гг. была следующей: 1990 г. – 0,007%, 1992 г. – 0,24, 1994 г. – 0,55, 1996 г. – 0,54, 1998 г. – 0,53, 2000 г. – 0,64%. За указанный период естественная убыль составила – 5,14%.

В 1990 г. положительный естественный прирост (0,04%) наблюдается уже только в городах, тогда как в общем по краю он был отрицательным. Дальнейшее изменение фиксирует более интенсив-

ную естественную убыль в сельской местности. За рассматриваемый период городское население уменьшилось на 2,05%, сельское население – на 2,39%.

Краснодарский край, наряду с такими регионами Северного Кавказа, как Ростовская область, Ставропольский край и Адыгея, относится к регионам с низкой детностью. Суммарный коэффициент рождаемости здесь в 1989–1990 гг. был равен 2,10, в 1996 г. – 1,34, в 1999 г. – 1,25 [6]. В 2000 г. общий коэффициент рождаемости по краю составил 9,1 μ .

В то же время, такие демографические процессы, как массовая миграция в край, спад рождаемости, рост смертности у разных этносов и этнических групп края протекали неодинаково. По типам демографического поведения можно выделить три группы народов в составе населения края.

Во-первых, это этносы и этнические группы, уменьшение численности которых было постоянным и наблюдалось с небольшими колебаниями на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, в 1989–2000 гг. в ходе естественной убыли уменьшилась численность евреев на 30%; украинцев – на 18,6; мордвы – на 17,5; эстонцев – на 15,3; белорусов – на 12,8; русских – на 5,17%.

Во-вторых, этнические группы, сменившие в рассматриваемый период естественный прирост на убыль. Это с 1992 г. – немцы, с 1993 г. – молдаване, с 1994 г. – татары, с 1998 г. – грузины.

Если у татар и грузин общий показатель естественного прироста в этот период остался положительным – 2,63 и 2,14% соответственно, то у молдаван и немцев он перешел в отрицательный и составил 4,21 и 0,68%.

В-третьих, этносы и этнические группы края, у которых наблюдался положительный естественный прирост на протяжении всего рассматриваемого периода, – азербайджанцы, армяне, адыгейцы, цыгане, крымские татары. У армян он составил 6,39%, у адыгейцев – 9,55, у азербайджанцев – 22,24%.

К числу этнических групп с положительным естественным приростом относятся также народы Северного Кавказа, турки-месхетинцы, курды.

Характеризуя динамику прироста городского и сельского населения в 1989–2000 гг., следует отметить, при общем увеличении городского населения его процент в составе всего населения края снизился с 54,09% в 1989 г. до 53,44% в 2000 г. Сельское население увеличилось с 45,91% в 1989 г. до 46,56% в 2000 г.

Разные этносы и этнические группы края имели не одинако-

вую динамику изменения численности городского и сельского населения. Преимущественно более быстрыми темпами увеличивалось население в сельской местности. На 6,38% выросло число русских в городе и на 8,68% в селе, украинцев – соответственно на 4,32 и 13,58, белорусов – 9,07 и 13,39, армян – 40,9 и 44,64, греков – 2,02 и 20,53, грузин – 38 и 72,57, мордвы – 3% и 5,59% и пр. Молдаванам свойствен равномерный прирост численности городского и сельского населения, оно увеличилось на 16,9%.

У этнических групп края, для которых характерным было общее снижение численности, более активно сокращается именно городское население. В общей убыли немецкого населения 53,3% приходится на город и 44,8% на село, у татар – соответственно 3,75 и 0,17, у евреев – 42,8 и 11,24, у крымских татар – 1,02 и 0,48%.

Выпадают из общего ряда адыгейцы, у которых при положительном приросте 0,18% в городе, в сельской местности наблюдается убыль в 20,22%. У эстонцев прирост горожан составил 6,03, убыль сельских жителей – 8,35%. У азербайджанцев и цыган так же положительная динамика в росте городского населения (45,2 и 30,6%) сочетается с сокращением сельского населения на 19,19 и 15,24%.

Естественный прирост населения в 1989–2000 гг. также имел свои особенности в городе и селе. В целом по краю более значительной была естественная убыль среди сельского населения, чем среди горожан. Однако такая ситуация характерна не для всех народов. Прежде всего она проявилась у русских, украинцев, белорусов, молдаван, евреев, эстонцев. Наоборот, у греков, немцев и мордвы уровень естественной убыли в городе был выше, чем на селе.

Положительный естественный прирост, как среди городского, так и сельского населения за 1989–2000 гг. наблюдался у адыгейцев, армян, грузин, татар, азербайджанцев, цыган.

У грузин и татар, проживающих в городе, отрицательный естественный прирост отмечается с 1993 г. На селе эти процессы начинаются несколько позже: у грузин с 1997 г., у татар же впервые отрицательный прирост был зафиксирован в 1993 г., а с 1996 г. этот процесс стал постоянным, хотя общий процент за весь период остался положительным.

В целом естественная убыль населения была довольно значительной, и рост численности жителей края в 1990–1997 гг. на 100% обеспечивался притоком мигрантов, основная часть которых направлялась в сельскую местность.

При общем росте уровня урбанизации, у этносов и этнических групп края все же сохраняются традиции преимущественно городского или сельского расселения. Так в 2000 г. доля горожан преобладала у евреев (89,5%), греков (66,88%), грузин (65,44%), адыгейцев (71,44%), татар (62,18%), эстонцев (66,6%), украинцев (58,21%), армян (55,65%), белорусов (54,97%), русских (53,15%).

Определенную традицию сельского расселения сохраняют немцы (63,82%), азербайджанцы (52,46%), молдаване (51,91%), мордва (56,15%), цыгане (62,45%). Преимущественно сельским является население новых для Кубани этнических групп – чеченцев (58,61%), удмуртов (70,64%), а также курдов и турок. Как правило, новые этнические элементы имеют тенденцию к поселению в городе, где многонациональный состав населения, более развитая культура межнационального общения облегчают процесс адаптации. Но в случае с курдами, турками-месхетинцами, чеченцами, переселявшимися в край достаточно большими группами, происходит формирование их компактных поселений в сельской местности.

Соотношение полов также неодинаково у разных этносов и этнических групп. Среди народов с преобладанием женского населения по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. выделялись русские (54,14%), украинцы (55,28%), белорусы (55,83%), мордва (57,02%), поляки (60,11%), крымские татары (51,25%), чехи (56,77%), эстонцы (54,97%), удмурты (62,52%) и др.

Относительно равное соотношение полов характерно для греков, немцев, молдаван, болгар, армян, адыгейцев, татар.

В категорию с преобладанием мужского населения попали грузины (58,59%), азербайджанцы (61,97%), евреи (53,07%), корейцы (55,4%), ассирийцы (53,22%), курды (51,5%), турки (52%), абхазы (57,72%), аварцы (65,37%), чеченцы (62,72%) и др. В большинстве своем – это представители кавказских и азиатских народов, социально подвижные группы, дающие сегодня значительный процент в краевой миграции.

В расчете по городскому и сельскому населению процентное соотношение мужчин и женщин примерно равно. Исключение составляют отдельные этнические группы, не имевшие до начала 1990-х гг. значительной численности, а также компактных поселений на территории края. Так, например, чеченцы в городе имели соотношение мужского и женского населения 70,32 и 29,68%, в сельской местности – 58,24 и 41,76%.

Многонациональный состав населения Краснодарского края

предопределяет здесь значительную этнолингвистическую мозаичность. Однако сильными остаются процессы языковой ассимиляции, что обусловлено в некоторой степени численным доминированием русского населения в крае, а также тем, что большая часть — это языки народов, живущих за пределами края и России, и функционируют они в крае весьма в ограниченных рамках (используются преимущественно в быту).

В сравнении с показателями 1979–1989 гг. большинство этногрупп в крае снизили долю лиц с родным языком своей национальности (украинцы, белорусы, адыгейцы, немцы, татары, молдаване, болгары, чехи и пр.). Напротив, у грузин, греков, евреев, поляков эти показатели повысились, что могло быть следствием либо миграций, либо роста национального самосознания в условиях демократических реформ.

На протяжении истории и сегодня Кубань — один из основных в России центров притяжения как внутренних, так и внешних мигрантов. Его привлекательность обусловлена благоприятными природными условиями, развитой инфраструктурой, относительной стабильностью экономической и политической ситуации.

Нестабильная обстановка в странах СНГ, отсутствие в них гарантий безопасности, внутренние и межгосударственные конфликты, бытовой национализм и нетерпимость к нетитульному населению в конце 1980-х — 1990-х гг. стимулировали массовые миграционные потоки в РФ и в край. Каждый из межнациональных конфликтов был отмечен прибытием в регион потоков беженцев и вынужденных переселенцев. Существенное влияние на миграционную ситуацию в Краснодарском крае оказал массовый отток населения из Чеченской Республики. Почти половина (49,1%) вынужденных переселенцев, зарегистрированных миграционной службой края в 1995–1996 гг., прибыла из этого региона [7].

Характеризуя динамику миграции в Краснодарском крае, следует отметить, что миграционный прирост с 1988 г. неуклонно увеличивался (1988 г. — 30 650 чел., 1990 г. — 47 136, 1992 г. — 91 855, 1994 г. — 95 800 чел.). Максимальный миграционный прирост пришелся на 1992 и 1994 гг.

В 1996–1999 гг. основными территориями выхода мигрантов в Российской Федерации были: Северо-Кавказский регион — 21,3% всех прибывших мигрантов из-за пределов края и 16% общего миграционного прироста в крае, а так же Дальневосточный регион — соответственно 6,6 и 9,6%, Западно-Сибирский регион — 8,9 и 8,4%; из государств СНГ: Украина — 9,6 и 14%, Казахстан — 6,6 и 13,3%,

Грузия (включая Абхазию) — 5,4 и 11,4%.

Всего из регионов России на Кубань в 1996–1999 гг. прибыло 68,9% от общего количества мигрантов. Из государств СНГ и Балтии в 1996–1999 гг. на Кубань прибыло 31,1% от общего количества мигрантов, миграционный прирост в обмене с этими государствами составил 75 872 чел. В обмене с государствами дальнего Зарубежья миграционный прирост за 1996–1999 гг. был отрицательным (–11 564 чел.).

В 1990-е гг. внешняя миграция играла существенную роль, восполняя численность населения Российской Федерации, равную естественной убыли. Однако в последние годы устойчивое сокращение иммиграции в Россию из государств – участников Содружества Независимых Государств, а также из Латвии, Литвы и Эстонии привело к тому, что в 1995–1999 гг. миграционный прирост населения компенсировал естественную убыль населения только на 45%, а в 2000 г. – менее чем на четверть.

И хотя в 2000 г. Краснодарский край продолжал притягивать население других российских территорий и республик бывшего СССР, объемы миграционного притока населения из-за пределов края постепенно снижаются. В итоге в 2000 г. миграции лишь на 71,7% компенсировали естественные потери населения, тогда как в 1999 г. они замещали естественную убыль на 93,3%.

В 2000 г. большую часть переселенцев из стран СНГ и Балтии в край составили русские, украинцы и армяне. Основными территориями исхода русских мигрантов являлись Украина, Казахстан, Узбекистан, Грузия. Свыше 60% украинцев прибыли в край с территории Украины. Армянское население преимущественно мигрировало с территории Грузии и Армении.

Особой категорией мигрантов в крае являются вынужденные переселенцы. Краснодарский край занимает второе после Ставропольского края место по количеству зарегистрированных на его территории вынужденных переселенцев. За период с 01.09.1992 г. по 01.04.2001 г. за получением статуса вынужденного переселенца в миграционную службу Краснодарского края обратилось 97297 мигрантов, статус вынужденного переселенца получили 52194 чел. (51,8% от обратившихся, 6,6% от въехавших мигрантов) [8].

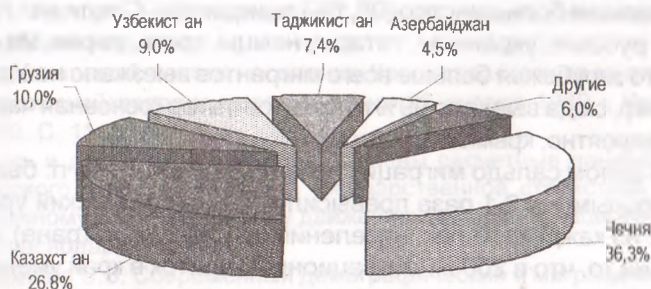
В связи с тем что Краснодарский край испытывает высокую миграционную нагрузку, обостряющую социальную напряженность, ФМС России не предусмотрены меры, стимулирующие приток мигрантов в край. Региональный коэффициент комплекса критериев целесообразности расселения вынужденных переселенцев на тер-

ритории Краснодарского края составляет 0,3 при максимальном 0,7 по регионам России. Кубань рассматривается только как территория первичного приема мигрантов, и их поселение здесь нежелательно [9].

Большая часть зарегистрированных до 01.04.2001 г. вынужденных переселенцев выехала из Чечни – 10 780 чел. (36,3%), Казахстана – 7 977 чел. (26,8%), Грузии (включая Абхазию) – 2 939 чел. (10%), Узбекистана – 2 668 чел. (9%), Таджикистана – 2 215 чел. (7,4%), Azerbaijan – 1 353 чел. (4,5%). Вынужденные переселенцы из других регионов составляют менее 6% от всех зарегистрированных [10].

Рисунок 1

Численность вынужденных переселенцев, состоящих на учете в территориальном органе Минфедерации России в Краснодарском крае на 01.04.2001 г., по территориям выбытия

По национальному составу среди стоящих на учете вынужденных переселенцев преобладали: русские – 84,9%, украинцы – 5,5%, армяне – 2,6% [11].

По мнению В.В. Острожного, в 2001 г. занимавшего должность руководителя территориального органа Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации в Краснодарском крае, «вызывает беспокойство рост числа вынужденных переселенцев из Казахстана и то обстоятельство, что при отсутствии на его территории вооруженных конфликтов основной причиной выезда из этого государства мигранты называют межнациональную рознь (87,9%)» [12].

Значительный процент от общего числа переселившихся в край в 2000 г., как и раньше, составляли жители Северо-Кавказско-

го, Западно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов.

При анализе передвижений мигрантов по федеральным округам положительное сальдо обмена населением с Краснодарским краем отмечено по шести из них. Наибольший удельный вес составил приток населения из субъектов Российской Федерации, входящих в состав Южного федерального округа, а также Дальневосточного и Сибирского округов. Отток населения края наблюдался только в Центральный федеральный округ, главным образом в г. Москву и Московскую область.

Массовый характер в рассматриваемый период приобрели процессы эмиграции. Если до середины 1980-х гг. численность выезжающих на постоянное жительство за границу ежегодно составляла 3 тыс. чел., то в 1990 г. она превысила 100 тыс. чел. и в последующие годы удерживалась на этом уровне. В указанный период произошло увеличение числа эмигрантов и в Краснодарском крае, прежде всего за счет выезжающих в США, Турцию, Германию, Израиль и Грецию. Выезжающие в указанные пять стран составили подавляющее большинство (98,1%) эмигрантов. Среди них преобладали русские, украинцы, татары, немцы, греки, евреи. Из стран ближнего зарубежья больше всего мигрантов выезжало на Украину. Например, сюда выехало 99% мигрантов-татар (основная часть которых, вероятно, крымские татары).

В целом сальдо миграции по краю за 1996–1999 гг. было положительным и в 2,1 раза превысило среднероссийский уровень (43 чел. на каждые 10 тыс. населения против 20 по стране). И, несмотря на то, что в 2000 г. миграционный приток в край уменьшился, сальдо миграции оставалось одним из самых высоких в РФ и превышало среднероссийский показатель в 3,3 раза.

Пик миграций славянского населения в край, как, впрочем, и большинства этносов, пришелся на первую половину 1990-х гг. Это было связано с процессами суверенизации в бывших советских республиках и в административно-территориальных образованиях РФ. Насыщенность миграционных потоков была неравномерна и определялась характером и уровнем напряженности в зонах выезда.

Таким образом, за 1989 – 2002 гг. в крае возросла численность русских на 10,7%; армян на 59,9; грузин – 69,4; татар – 75,9%. Уменьшилась на 42,9% численность еврейского населения края, на 38,3 – немцев, на 27,6 – украинцев, на 24,2 – белорусов, на 23,9 – адыгейцев, на 6,3% – греков.

Кроме того, к 2002 г. существенный прирост зафиксирован у курдов (122%), турок (на 537%, сюда очевидно попала большая часть турок-месхетинцев, проживающих в крае) [13].

Таким образом за последние 13 лет этнодемографическая ситуация в крае претерпела существенные деформации. Изменение доли различных национальностей в составе населения края ведет в перспективе к корректировке этнической карты, трансформации этнической стратификации, что, в свою очередь, увеличивает вероятность межэтнических конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крицкий Е., Савва М. Краснодарский край. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 15.
2. О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2002 года по Краснодарскому краю. Сообщение Краснодарского краевого комитета государственной статистики // www.world-gazetteer.com
3. Расчет данных по численности отдельных национальных групп Краснодарского края представлен без учета численности населения Адыгейской автономной области Краснодарского края выделившейся в 1991 г. в самостоятельный субъект Российской Федерации – Республику Адыгею.
4. Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Краснодар, 1990. С. 11.
5. Здесь и далее по тексту представлены расчетные данные Краснодарского краевого комитета государственной статистики по естественному и миграционному движению отдельных национальностей в Краснодарском крае.
6. Рязанцев С.В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь, 2003. С. 19–20.
7. Крицкий Е., Савва М.В. Указ. соч. С. 17.
8. Острожный В.В. Многонациональная миграция, проблемы беженцев и вынужденных переселенцев в Краснодарском крае // Проблемы и пути развития межнациональных отношений в Краснодарском крае. Краснодар, 2001. С. 68.
9. Крицкий Е., Савва М. Указ. соч. С. 18.
10. Острожный В.В. Указ. соч. С. 69.
11. Там же.
12. Там же.
13. Рассчитано: О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2002 года по Краснодарскому краю...

**ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ ЕВРЕЕВ
В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

В менталитете многих народов сложился классический образ еврея, во многом опосредованный родом его занятия. Как правило – это активный предприниматель (ростовщик, купец, позже промышленник), либо человек занятый в сфере общественно- полезных услуг: врач, учитель, фотограф и т.д. Данный стереотип во многом отражает объективную картину, однако не полностью. Объем доступных на сегодняшний день источниковых материалов, а также ряд исследований позволяют обратиться к проблеме того, как оформлялась структура занятости евреев в Казахстане в конце XIX- начале XX в.в. Какие факторы обусловили содержание данного процесса.

Необходимо отметить, что анализ указанной проблемы будет проведён нами только применительно к евреям- ашкенази. Среднеазиатские, или бухарские евреи нами затрагиваться не будут, так как на территории Казахстана в конце XIX- начале XX в. в они практически отсутствовали, проживая там на правах иностранных подданных. Помимо этого евреи- ашкенази не имели тесных социо-культурных связей с бухарскими евреями. Рассматривая евреев, мы имеем в виду выходцев из Европейской России - евреев – ашкенази.

Впервые, по израильским данным, евреи в Казахстане появились с открытием Великого шёлкового пути [1]. Примечательно, что факт их появления отмечен торговой деятельностью. В частности, они возили товары как с Запада на Восток, так и обратно. Однако настоящее освоение Казахстана евреями приходится на XIX в. Так, в 1825 году генерал – губернатор Западной Сибири был осведомлён о евреях, которые были обнаружены местной администрацией вдоль пограничной военной линии, разделяющей внутренние районы Омской области и «открытые» территории, заселённые казахами. По всей видимости, евреи развернули там торгово-меновую деятельность, используя для этого стационарные укрепления и форты, которые являлись не только пограничными форпостами, но и пунктами, где казахи кочевники и осёдлое население занимались

торговлей и обменом. Дело получило такой резонанс, что его обсуждение было вынесено на столичный уровень. В частности, Сибирский комитет вынес специальное распоряжение об евреях, проживающих на данной территории. Разрешалось остаться тем евреям, которые занимались хлебопашеством либо ремеслом и имели приписку к крестьянскому или мещанскому сословию. Но с оговоркой, что новых евреев поселенцев в район пограничной линии не допускать. Если в пер. пол. XIX в как правило можно говорить о локальных, немногочисленных проникновениях евреев в Казахстан, то со вт. пол. XIX в ситуация изменяется. Территория Казахстана начинает активно заселяться евреями. Этот процесс был связан с эпохой «Великих реформ», которые ввели определённые послабления в достаточно жёсткое по своему содержанию «еврейское законодательство» Николая I в рамках всей Российской империи.

Необходимо отметить тот факт, что, как правило, территория Казахстана заселялась евреями, выходцами из Сибири, где они уже проживали определённое время. По сути, миграция носила вторичный характер.

Уже в процессе заселения Казахстана в силу вступают ряд факторов, повлиявших на структуру занятости евреев в крае. Прежде всего, ранний этап формирования еврейской диаспоры в Казахстане, впрочем, как и многих других диаспор, должен был проходить, по мнению ряда исследователей, под знаком теории мобильных диаспор [2]. Суть её сводится к тому, что правительства почти всех крупных полиэтнических империй проявляли склонность к сотрудничеству с элитами тех диаспор, которые специализировались в своих регионах проживания на выполнении каких-либо чрезвычайно нужных для этих государств общественно-полезных функций. Наличие развитых коммуникативных связей и знание иностранных языков давало возможность представителям диаспор выступать в роли специалистов в сфере посреднической деятельности при проведении различного рода инноваций, а так же в качестве купцов, предпринимателей, ростовщиков, врачей и т.д., в тех сферах деятельности, которые не могла осуществлять доминирующая этническая группа. При этом они находились в зависимости от протекции правительства и были подвержены, стать «козлами отпущения» в случае мобилизации низших слоёв населения доминирующей этнической группы. Исходя из логики данной теории, евреи во многом как нельзя лучше подходили для роли мобильной диаспоры. Это объясняется тем, что Казахстан кон. XIX в. входил в новый этап социально-экономического развития - активный рост го-

родской жизни, формирование новых экономических категорий (пролетариат и буржуазия), массовое крестьянское переселение из Европейской России, переход кочевников и полукочевников к осёдлому образу жизни. В данных условиях евреи с их исконными видами деятельности объективно должны были быть востребованы колониальной администрацией и регионом.

Однако анализ доступных материалов показывает несколько иную картину действительности. Евреи «*de jure*» в силу объективных причин, выраженных в «особом» к ним отношении со стороны имперской администраций, никогда не входили в категорию мобильных диаспор. Хотя «*de facto*», на практике, они выполняли многие функции, связанные с характерными признаками мобильной диаспоры.

Данный феномен объясняется тем, что евреи в России находились на положении национального меньшинства, стеснённого множеством юридических, конфессиональных и других запретов, многие из которых были выработаны исключительно для них. Острота ситуации дополнялась тем, что если со вт. пол. XIX в отношении евреев к усвоению российских ценностей в области культуры отмечается положительными сдвигами, то имперская бюрократия, ориентируясь на мнение царствующих особ – Александра III и Николая II, отличалось ревностным введением новых запретов и ограничений.

Имперское законодательство прямым образом повлияло на оформление еврейской структуры занятости в Казахстане. Это был свод запрещающе – ограничительных законоположений для евреев. Прежде всего, евреи были ограничены в свободе выбора места жительства и перемещения по империи.

Ещё в 1794 году издаётся правительственный акт, в котором содержится перечень территорий, где евреи имело право на постоянное место жительства. К началу XIX в. в Российской империи имелся уже чётко установленный ареал территорий, где евреи имели право жить без права переселения в другие области – Царство Польское, Бессарабия, Лифляндская и Курляндская губернии Прибалтики, Белоруссия, Крым и почти вся современная Украина. Необходимо отметить, что в период «Великих реформ» издаётся ряд актов, снимающих часть ограничений на проживание евреев в некоторых городах, в пограничной полосе и вне черты оседлости.

Право на свободу в выборе места жительства получили евреи из числа николаевских солдат и кантонистов, они после окончания военной службы выбирали место постоянного жительства. Имен-

в 60-70-ых годах XIX века начинают двигаться вглубь Казахстана. Данным правом, согласно закону от 1865 года, обладали так же отдельные категории ремесленников, но до тех пор, пока они занимались своим ремеслом.»

Следующей особенностью было то, что согласно гражданскому законодательству, примечание 7 от 1895 года, приобретение земель в областях - Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, лицам не принадлежащих к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами не христианского вероисповедания, воспрещается [3].

Евреи не имели права на приобретение недвижимой собственности, за исключением городской черты. И то в том случае если предприниматель был: купцом 1-ой гильдии, приписанным к купеческим сословиям и состоящим в данном положении не менее 10 лет, николаевским солдатом, либо его сыном, отставным военным, имеющим безупречный послужной список, либо военные награды [4].

Запреты распространялись так же на некоторые виды коммерческой деятельности. Евреи не могли заниматься горнорудным делом и золотодобычей в Степном крае, возможно это ограничение было связано с тем, что ещё во время путешествия Александра I на Уральскому хребту он заметил, что «евреи вопреки коренных государственных узаконений, стекаются на горные заводы и, занимаясь тайною закупкою драгоценных металлов, развращают тамошних жителей ко вреду казны и частных заводчиков» [5]. Евреи не имели права на продажу спиртного [6]. В крупных акционерных обществах евреи не могли занимать руководящие должности [7].

Как в данных условиях формировалась структура занятости евреев? Традиционным видом деятельности евреев, как правило, была торговля. В России евреи всегда рассматривались одним из наиболее предприимчивых элементов, готовым рисковать своим капиталом для открытия новых предприятий. В Казахстане евреи занимались, прежде всего, торговлей и скупкой хлеба. Еврей – купец, торгуя дефицитными товарами, отпускал их казакам и крестьянам из кредит под проценты. Осенью он производил расчёт зерном, по цене установленной им самим. Должники, не имея возможности продать свой хлеб ещё кому, соглашались на все условия. [8] В 1882 году выходит указ о разрешении зачислять бывших николаевских солдат из числа евреев в состав купечества, чем и пользовались многие евреи, населявшие Казахстан в тот период. Отныне они могли свободно передвигаться по всей территории региона. При условии, что время их пребывания в каком либо

районе не будет превышать 6 месяцев ежегодно, но без ограничения количества приездов [9]. Торговая деятельность не ограничилась только операциями с хлебом. Анализ архивных материалов даёт представление о масштабах деятельности еврейских купцов. Мы видим наличие мелкой, средней, крупной оптовой торговли: поставка дров; скупка мяса у местного населения и его продажа крупными партиями за границу [11]; торговля готовым платьем [12]; торговля кожами [13]; мелкая розничная торговля в небольших крупных населённых пунктах. Необходимо учитывать тот факт, что большая часть евреев селилась в городах, либо в близких по отношению к городам населённых пунктах, что не могло не отразиться на коммерциализации их деятельности. Наиболее активной была их деятельность были Семипалатинская и Акмолинская области. Вплоть до 90-ых годов XIX в. купцы евреи осуществляли свою деятельность в достаточно терпимой для них обстановке, но затем начинается новая волна гонений на евреев по всей Российской империи. Для казахстанских евреев это обернулось, прежде всего, угрозой розой высылки в черту еврейской оседлости. Архивы хранят множество дел, связанных с этим сюжетом в истории евреев Казахстана. В отдельных делах прямо указывается, с чем связана высылка. Так, в деле И. Ш. Левина, верненского еврея, предоставленной канцелярию степного генерал-губернаторства, прямо указывается «что оседание евреев в области (Семиреченской - прим. автора) крайне нежелательно, так как от населения и теперь из некоторых местностей имеются жалобы на их эксплуататорскую деятельность» [14]. В прошении купца 1-ой гильдии Д. И. Зильбермана о приезде в город Семипалатинск, им самим же указывается причина отрицательного отношения к еврейским купцам: «рассматривая ограничения, которые применяются вообще к евреям в России, приходится признать, что все они большей частью вызываются тем, что евреи, как не занимающиеся обработкой земли, приносят вред местному населению, захватывают у него все виды торговли, что при усложнении скученности евреев ведёт к обеднению коренных жителей» [15]. Излагая традиционную оценку роли еврейских купцов, Д. И. Зильберман не упускает возможности показать реальное положение на личном примере: «моё пребывание в городе Семипалатинске, коренным жителям киргизам и вновь заводящим хозяйство переселенцам принесло не вред, а пользу, давая возможность продавать за настоящую цену предметы их производства» [16].

По сути, являясь связующим звеном для многих мелких предприятий в их отношениях с рынком, еврейские купцы вынуждены были

сти свои дела находясь в подвешенном состоянии, когда угроза депортации из региона ставила под вопрос целесообразность ведения здесь какой-либо коммерческой деятельности.

Торговля, как правило, дополнялась крупной предпринимательской деятельностью. В основном это были: производство готовой заводской продукции (одежда, спиртные напитки), участие в акционерно-промышленных товариществах (к примеру, АО «Альфа-Рубель» в городе Омске). Как уже отмечалось, наиболее выгодные сферы коммерческой деятельности были закрыты для евреев, часто в рамках религиозной дискриминации. В некоторых случаях евреи принимали христианство. Примером может служить семья Хотимских, проживавших в Усть-Каменогорске. Все они приняли православие, чтобы иметь возможность заниматься золотопромышленностью.

О роли крупных промышленников и об их положении в крае свидетельствует анализ военного губернатора Акмолинской области от 1903 года, предоставленный Степному генерал – губернатору. Достаточно объёмный документ содержит следующее замечание «выдворение евреев, которые обзавелись недвижимостью и ведут крупные торговые и промышленные дела сопровождается падением их дел и крахом, отчего страдают не только отдельные лица, но и банки, местное население. Многие государственные и частные банки, видя непрочность прав на жительство евреев, стали прекращать кредиты из опасения иметь убытки. Это приводит к упадку торговых и промышленных дел» [17].

Данная имперская политика в её административном проявлении во многом определяла выбор профессиональной деятельности евреев, не располагающих капиталом для предпринимательства. Тем более, что законодательство предоставляло определённые альтернативы. Так, согласно статье 17 Приложения к статье 68 Устава о паспортах т. XIV. Св. Зак., изд. 1903 года, рассматривалось право «постоянного и временного пребывания евреев в черте оседлости и вне неё. Статья 17 приложения к статье 68 Устава о паспортах давала право повсеместного жительства в империи механикам, винокушникам, пивоварам и в целом мастерам и ремесленникам. Но, пока они занимались своей профессиональной деятельностью [18]. Не входя в общий перечень ремесленных профессий, освоенных евреями в Казахстане, можно отметить то, что многие из них были чрезвычайно редкими для региона и особенно востребованы. К примеру, Ф. А. Месенгисер проработав 15 лет мастером по изготовлению « жестянок под консервы » в Петербурге, был приглашён на

консервный завод в урочище Боровое, где он должен был не просто изготавливать эти жестянки, но и наблюдать за установкой и работой оборудования [19]. В 1873 году в город Верный колониальные власти пригласили из города Томска фотографа А. С. Лейбина, который помимо съёмки жителей города проводил съёмку природного ландшафта, окрестностей, зданий города Верного. Многие евреи осваивали востребованные ремёсла без окончания специальных технических училищ, получая документ-лицензию от ремесленных управлений. Как правило, это были портные, стекольщики, шлифовальщики, столяры, сапожники, кондитеры. Примечательный факт, что многие из них, не имея приписки к местным обществам-землеметцам, по просьбе местной администрации не выселялись в черту еврейской оседлости, так как являлись «полезными членами общества». Отличительной особенностью еврейских мастеровых были сугубо положительные характеристики их профессиональных качеств.

Такие характеристики поступали как правило, от работодателей на имя колониальной администрации в том случае, если еврейский ремесленник попадал под закон о выселении в черту еврейской оседлости за пределы Казахстана. В качестве наглядного примера можно привести следующий факт. В прошении владельца Борового консервного завода А. Бергля на имя генерал-губернатора Степного края, с просьбой не выселять Ф. Месенгисера, указывалось, «что найти опытного, а главным образом трезвого мастера нет никакой возможности», в то время как Ф. Месенгисер — это спокойный, скромный, в совершенстве знающий своё дело человек» [20].

Важнейшим фактором, повлиявшим на приток в Казахстан профессиональных рабочих и ремесленников, бесспорно можно считать проведение железнодорожных магистралей, связавших регион с внутренними губерниями Российской империи. В 1903 году военный губернатор Тургайской области отмечал, что в связи с постройкой Оренбургско-Ташкентской железной дороги «потребовалось большое разнообразие работ и мастеров, огромного прилива в область рабочего и служащего люда, быстрого и усиленного оборота денежных сумм, послужило и служит заманчивым путём, по которому устремились в область русские евреи в большом числе, чаянии, обыкновенно, лёгкой наживы. Большинство из них явилось без права на жительство вне черты еврейской оседлости и было выдворяемо из области, но некоторые из них запаслись ремесленными свидетельствами или стали прибегать к содействию админист-

рации по постройке железной дороги, желая исходатайствовать себе возможность проживания в области лишь на время постройки этой дороги» [21]. Не всегда евреи профессионалы использовались по прямому назначению. Часто многие из них работали там, где переселенцы других этносов отказывались трудиться. По сообщениям пионеров, в некоторых местах работа была так трудна в техническом, хозяйственном, денежном отношениях, что найти желающих работать там было практически невозможно. В свою очередь удаление отсюда не имеющих прав на жительство евреев, поставило их подрядчиков в критическое положение и могло бы вовлечь постройку в большие убытки от несоблюдения сроков [22]. Данное положение заставляло смотреть на нарушителей закона об оседлости с презрением, либо содействовать их скорейшей легализации в месте проживания.

Помимо торгово-промышленного предпринимательства, ремесла евреи сумели занять нишу в сфере обслуживания населения. В архивах имеются данные о постройке и содержании еврейских общественных бань. Так, М. Х. Калиш, взяв за образец бани города Ташкента, построил такие же в городе Верный. Торговые бани по проекту М. Х. Калиша были оснащены по последнему слову техники того времени, в них размещались «бассейн для купания, души, ванны и электрическое освещение». Примечательно, что М. Х. Калиш указывая на необходимость постройки бань, отмечал в качестве важнейших факторов наличие железной дороги и усиление в ближайшем будущем колонизации области переселенцами [23]. А. Гутерц управлял на правах аренды Саркандской почтовой станции. По сути являясь поставщиком фуража и материалов на станцию, А. Гутерц был и держателем данного объекта [24]. Деятельность А. Гутерца - это пример того, как многие евреи, используя право на аренду, а не на частное владение, проникали в те сферы занятости, куда прямой доступ им был закрыт. Большое количество евреев реализовало себя в области медицины (фармацевтика), до 1917 года в Казахстане имелось 99 аптек, во всех аптеках трудились евреи. Много евреев было задействовано в сфере преподавательской работы. В упомянутом нами выше анализе о положении евреев военного губернатора Акмолинской области указывалось, что в законе, определяющем право на жительство для евреев, перечисляются многие профессии, но не видно, признаётся ли это право за учителями евреями. По мнению губернатора, нет веских оснований отрицать право жительства за учителями, заботящимися об умственном воспитании подрастающего поколения. Поэтому было

бы очень полезно даровать право повсеместного жительства учителям евреям, окончившим Европейские учительские институты, вообще получившим звание учителя[25].

Отдельно можно выделить категорию «нелегальных эмигрантов», проживавших в Казахстане не имея на это законных прав и разрешения от местной администрации. Они в основном исполнялись в качестве дешёвой домашней рабочей силы зажиточными слоями русского населения. Эти слои евреев находились в состоянии постоянной угрозы выселения в том случае, если они попадали в поле зрения полиции.

В целом анализ структуры занятости евреев в Казахстане демонстрирует следующее: её формирование складывалось под воздействием имперского законодательства, строго определяющего сферы деятельности для евреев, а так же лимитирующего, в многом по профессиональной принадлежности, регионы их проживания. Такая политика часто предопределяла выбор будущей профессии среди евреев, переселявшихся в Казахстан. Как правило это были купцы, в большей степени ремесленники и представители сферы общественных услуг. Данный круг занятости определял места расселения евреев – это города, где они были востребованы как специалисты в наибольшей степени. Необходимо отметить что проблема, обозначенная в рамках статьи, требует дальнейшей разработки и имеет перспективы для последующего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евреи // Народы Казахстана. – А., 2000. – С.181.
2. История Казахстана: народы и культуры. Учебное пособие / Мамыров Н. Э. и др. – А: Дайк – Пресс., 2000. – С. 231.
3. ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 1209, л. 6.
4. Там же, ф. 15, оп. 1, д.404, л. 32.
5. ГАОО, ф.3, оп.1, д.43, л.98.
6. Там же, ф. 64, оп. 1, д. 1260, л.25. об.
7. Там же, ф. 64, оп. 1, д. 1260, л.1 - 1 об.
8. Там же, ф.374, оп. 1, д.540, л.30 об.
9. Волкова Т. А. Особенности образования еврейской диаспоры в Казахстане // Из истории евреев в Казахстане (XIX в – нач. XX в). – Вып. 1 – А., 2001 – С. 14.
10. Там же, ф.44, оп. 1, д.3625, л.1 – 2 об.
11. Там же, ф.6 4, оп. 1, д.1525, л.15 – 15 об.
12. Там же, ф.6 4, оп. 1, д.1228, л.3 –3 об.
13. Там же, ф.6 4, оп. 1, д.1303, л.1 –1 об., 5, 24.
14. Там же, ф.4 4, оп. 1, д.2103, л.6 –6 об.
15. Там же, ф.6 4, оп. 1, д.1252, л. 15 – 15 об

- а Там же.
- б Там же, ф. 15, оп. 1, д. 404, л. 2 об., 3.
- в Там же, ф. 6 4, оп. 1, д. 1230, л. 1 об.
- г Там же, ф. 6 4, оп. 1, д. 2239, л. 1-6.
- д Там же, ф. 6 4, оп. 1, д. 1230, л. 17.
- е Там же, ф. 25, оп. 1, д. 919-а, л. 162.
- ж Там же, ф. 25, оп. 1, д. 919-а, л. 46, 46 об.
- з Там же, ф. 48, оп. 1, д. 796, л. 2 - 3.
- и Там же, ф. 44, оп. 1, д. 26152, л. 1, 5 - 7.
- к Там же, ф. 6 4, оп. 1, д. 2239, л. 1-6.

Л.В. Столярова

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ПОНЯТИЕ СКАНИРОВАНИЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Выборы являются центральным институтом демократического устройства государства. Поэтому власть при демократической форме правления может исходить только из согласия управляемых, сказанного гражданами в ходе выборов. Избирательные системы и технологии в каждой стране определяются целым рядом факторов: традициями, уровнем экономической культуры, степенью развития гражданского общества и, прежде всего, состоянием партийной системы. Эту взаимосвязь между избирательной и партийной системой всесторонне исследовал французский политолог Моисе Дюверже. Он сделал вывод, что «В конечном счете, партийная система и система выборов – суть две действительности, неразрешимо связанных, и порой, с трудом разделяемых даже в анализе». Он разработал три формулы такой взаимосвязи, назвав их «фундаментальными социологическими законами».

В условиях сложной социальной дифференциации именно политические партии выступают выразителями интересов различных социальных слоев, являясь своего рода связующим звеном между властью и народом. Введение в Закон о выборах в РК наряду с мажоритарной системой представительства определенной доли депутатов в Парламент с 1998 года по пропорциональной системе (по партийным спискам) было шагом по дальнейшей демократизации системы выборов, расширением зоны влияния на формирование власти политических партий.

Женщины составляют более половины электората, причём наиболее активного. Логически следует, что политические партии в своих программах и практических действиях должны были отразить и предложить механизмы реализации интересов самого многочисленного социального слоя общества. В преддверии парламентских выборов в Казахстане общественное объединение Федерации женщин «Status» начала реализацию проекта Фонда Сороса Казахстан «Гендерный вектор политической конкуренции». Главной целью проекта – открытый диалог и интерактивные коммуникации политических партий с женским электоратом для развития демократичности выборной системы и повышения политической активности женщин-избирательниц. С этой целью рабочая группа разработала следующие критерии гендерного сканирования программ политических партий:

- наличие постановки проблемы гендерного равенства;
- существует ли признание проблемы;
- поставлена ли проблема достижения равенства участия мужчин и женщин в процессе решения экономических и социальных политических задач;
- какими способами и средствами предполагается достижение равенства в различных сферах;
- какие ролевые модели женщин в обществе закладываются партией: репродуктивный массив или активная общественная сила.

Для этого выделены основные виды социальных институтов и удовлетворяемые через них общественные потребности, благодаря чему проанализированы место и роль женщин, которую отводят им в своих программах конкретные политические партии.

Всего рассмотрены, представленные партиями, программы и другие документы десяти политических партий, филиалы которых действуют в Восточном Казахстане:

- Коммунистическая партия Казахстана (Программа, 1991 год, предвыборная платформа 1999);
- Республиканская политическая партия «Отан» (Программа 2002 год);
- «Гражданская партия Казахстана» (ГПК, Программа, 2001 год);
- «Партия патриотов Казахстана» (ППК, Программа, 2001 год);
- Партия «Руханият» (Концепция партии «К развитию нравственности и духовности», программа 2003 год);
- Республиканская партия «Асар» (Программа, 2004 год);
- Казахстанская социал-демократическая партия «Ауыл» (Программа, 2004 год).

Программа, 2001 год);

Аграрная политическая партия (АПК, Программа, 1999 год);

Коммунистическая партия Казахстана (КПК);

Демократическая партия Казахстана «Ак жол» (Программа, 1999 год, статьи и интервью с руководителями партии);

Народная партия «Демократический выбор Казахстана»

(Политический манифест, 2004 год).

Выборка из документов конкретных политических партий.

1. Республиканская политическая партия «Отан».

В разделе «Социальная сфера»:

«адресная помощь социально уязвимым слоям населения малоимущим гражданам, пенсионерам, многодетным семьям, сиротам, одиноким матерям, гражданам, проживающим в экологически неблагоприятных регионах» - все одной строкой;

«Отан – за расширение представительства женщин во всех органах власти, защиту их от дискриминации, обеспечение им равных прав и достойного положения в обществе».

2. Гражданская партия Казахстана.

Раздел III. Благополучие в каждый дом. Пункт 2 – достойные пенсии ветеранам, труженикам тыла – женщины и дети. «Ветераны трудового фронта заслужили пенсии, сопоставимые с пенсиями и компенсациями ветеранов ВОВ... надбавки к пенсиям для ветеранов трудового фронта в размере не менее 50 процентов от компенсационных выплат для ветеранов войны».

Пункт 5. Реальная благодарность людям гуманных профессий. Без акцента на женщин – «Воспитатели наших детей и спасители наших близких достойны большего, чем, просто слова благодарности». За рост заработной платы и социальные защищенности для данных категорий населения.

Пункт 7. Семья – колыбель нации. Требование от Правительства «проведения сильной демографической политики, стимулирования рождаемости, эффективной поддержки многодетных семей, решение проблем материнства и детской смертности».

3. Партия патриотов Казахстана.

Раздел II. Основные цели и задачи.

Создание государства «в котором законодательно обеспечен правопорядок, социальное равенство и высокий жизненный уровень для все граждан, не зависимо от пола, веры и национальности».

Раздел III. Стратегия партии по отдельным направлениям.

3.1. «Партия на деле обеспечит равенство прав и возможнос-

тей для каждого казахстанца, не зависимо от пола и национальности, на участие в управлении страной и во всех других аспектах жизнедеятельности страны». Для этого: «упростить регистрацию и введет бесплатные патенты для инвалидов, льготы патенты для участников войны, матерей-одиночек и многодетных семей...»

3.2. «... Открыть бесплатные родильные дома».

4. Республиканская партия «Асар».

Раздел «Государство и гражданское общество».

«Партия выступает за широкое и реальное участие женщин жизни общества и управлении страной, увеличения их представительства в структурах власти и общественных организаций».

«... Считает своими союзниками общественные организации и НПО...», в том числе женские.

5. Казахстанская социал-демократическая партия «Ауыл»
Раздел «Задачи в социальной сфере».

Пункт 4. «Усиление социальной защиты пенсионеров, многодетных семей, всемерная поддержка развития семьи, материнства и детства».

6. *Аграрная политическая партия* – постановка гендерных проблем полностью отсутствует.

7. Демократическая партия Казахстана «Ақ жол».

Только констатация того, что пенсии у женщин ниже, так как большинство имеет низкую заработную плату и меньший период отчислений.

8. *Народная партия «Демократический выбор Казахстана»* - постановка гендерных проблем отсутствует.

9. *Партия «Руханият»*. Концепция.

Признание дискриминации женщин: «Дискриминация по половому признаку и по сей день не позволяет большинству из нас реализовать в полном объеме свои права как гражданина, так просто человека». Поэтому «за принятие комплекса нормативных правовых актов, позволяющих женщинам наравне с мужчинами полностью реализовать себя».

«... За исключение любых форм ущемления прав женщин в выборе сферы деятельности, продвижения по службе, в том числе и занятия руководящих постов, за запрет применения женского труда на вредных для здоровья производствах и тяжелых работах, за создание бытовых и социальных условий для освобождения женщин в быту в целях их интеллектуального развития, отдыха, посвящения себя семье, а также за охрану материнства и детства и охрану

реальной помощи многодетным семьям, матерям-одиночкам».

Программа.

Раздел II. «... Равенство мужчин и женщин во всех сферах политической и экономической жизни...»

Раздел IV. Развитие в экономике отраслей, где широко используется женский труд (легкая, перерабатывающая, пищевая и др. промышленности и другие).

Раздел V. «... Равный доступ и равные возможности для продвижения по служебной лестнице всем казахстанцам, не зависимо от национальности и пола».

10. Коммунистическая партия Казахстана – в программе постановки гендерных проблем нет.

Предвыборная платформа.

Раздел III. Пункт 4. Защита семьи: «... главное в условиях финансового кризиса – резкое снижение уровня социально-политического статуса женщины...» Далее какая-то невразумительная фраза «о миссии и о челночницах и спекулянтках». «Задачей первоочередной важности для каждого депутата от компартии станет борьба за защиту женщин, детей, престарелых и в целом семьи».

Основные выводы.

1. То, что большинство политических партий не считает необходимым выделять особым блоком гендерные проблемы или ограничивается только лозунгами, можно было бы понять и принять, если бы гендерное неравенство и гендерное угнетение были преодолены. К сожалению, реальная практика говорит об обратном.

2. Наличие в обществе гендерной дискриминации, снижение уровня социально-политического статуса женщин признают только две партии – «Руханият» и КПК.

3. Как правило, там, где эта проблема поставлена, повторяются основные положения, зафиксированные в Конституции РК, без разработки конкретных мер и способов гарантии этих прав. Кроме партии «Руханият» и ППК, хоть в урезанном виде – в сфере экономики создания рабочих мест, упрощение регистрации и получение патентов.

4. В сфере политики, постановка проблемы носит лозунгово-декларативный характер («Отан», ППК, «Асар», «Руханият»).

5. В репродуктивной сфере шесть из десяти партий («Отан», ППК, «Руханият», ГПК, «Ауыл», КПК), остальные, вообще эту проблему не ставят («Асар», АПК, «Ак жол», ДВК) – рассматривают фертильность в одном ряду с незащищенными слоями населения (ин-

валиды, многодетные семьи, пенсионеры). Таким образом, они играют в обществе роль «социальных инвалидов», т.е. видят в них не репродуктивную массу, а не активную общественную силу, способную эффективно решать свои проблемы.

6. Вызывает удивление, что оппозиционные политические партии (ДВК, «Ак жол») вообще эту проблему не видят и не поднимают, даже в декларативной форме, сконцентрировав все усилия на критике существующего политического режима. Хотя, и в женского электората могли бы найти серьезную поддержку.

Еще одна партия АПК полностью игнорирует проблему гендерного неравенства, хотя большинство сельского населения составляют женщины, и, именно они находятся в самом ущемленном положении.

7. Полностью отсутствует у всех политических партий и в рамках гендерной проблематики внимание к вопросам религии. Хотя по Конституции церковь отделена от государства и запрещены политические партии на религиозной основе, сбрасывать со счетов большинство верующих – женщины, не рационально. Следует отметить, что, в общем виде, вопросы свободы совести и равенства конфессий большинство партий ставят, но, опять же, это конституционное положение.

Таким образом, гендерное сканирование документов политических партий, имеющих свои филиалы в Восточном Казахстане, показало:

- отсутствие должного (или полного) внимания к одной из наиболее серьезных социальных проблем казахстанского общества – гендерного неравенства и гендерной эксплуатации;
- политические партии (исходя из их документов) не видят в женщинах Казахстана активной общественной силы и рассматривают их лишь как репродуктивный массив;
- сами женщины, являясь членами политических партий, не проявляют необходимой активности и настойчивости в доведении до властных структур своих проблем и интересов и, скорее всего, еще не достаточно осознают свое неравное положение во всех сферах жизни общества.

Виды социальных институтов	Социальные институты	Общественная потребность	Отан	ГПК	ППК	Асар	Ауыл	АПК	Ак жол	ДВК	Руханият	КПК
Репродуктивные	Семья, Здравоохранение, Образование	Воспроизводство общества (развитие + прогресс)	да	да	да	нет	да	нет	нет	нет	да	да
Экономические	Производство, Распределение, Потребление	Удовлетворение материальных потребностей	нет	нет	да	нет	нет	нет	нет	нет	да	нет
Социо-культурные	Наука, Искусство	Удовлетворение духовных потребностей	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	да	нет
Религиозные	Секта, Деноминация, Конфессия, Церковь	Объяснение смысла жизни	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
Политические	Государство, Политическое партии, Общественно-политические движения	Регулирование общественной жизни – создание условий для всех остальных институтов	да	нет	да	да	нет	нет	нет	нет	да	нет

Э.О. Столярова

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ПРОБЛЕМА ПРЕОДАЛЕНИЯ СТЕРЕОТИПОВ В ЖЕНСКОМ СОЗНАНИИ

В процессе социализации, то есть воспитания и включения человека в общество, формируется его личность. Это не то, кем мы рождаемся, а то, кем мы становимся. Ориентирами на этом сложном, подчас болезненном, пути являются социальные нормы – общепринятые представления о том, что «хорошо» и что «плохо». Порой, каждый из нас оказывается перед выбором: быть «нормальным» с точки зрения других даже в ущерб собственным интересам или реализовать себя несмотря на высокую вероятность конфликта с социальным окружением.

Однако, возникает вопрос: что есть норма? Почему то, что считается приемлемым, допустимым и социально одобряемым для мужчины, не может быть таковым для женщины. Более того, почему женщины не только принимают эти правила, но и сами поддерживают их?

Источником всякой социальной нормы является опыт общественных и личных переживаний, который приводит к возникновению оптимальных моделей поведения в конкретных ситуациях. Оптимальных, то есть позволяющих реализовать свои интересы, достигать своих целей с наименьшими физическими, интеллектуальными и материальными затратами. На практике это часто означает, что такие затраты неравномерно распределяются, проще говоря, перекладываются на других.

Истоки возникновения гендерного неравенства следует искать в патриархальной семье, имевшей (или имеющей) место практически во всех известных обществах. Семья выполняет функции отличные от функций экономики и других социальных институтов. Это задача социализации детей и эмоционального обогащения взрослых членов семьи, что имеет существенное, если не определяющее, значение для социальной солидарности и воспроизводства ценностей. Изначальное положение женщины в семье определяется тем, что она является основным носителем и исполнителем этих значимых функций.

Однако, в условиях товарно-денежных отношений и рыночной экономики труд рассматривается как часть капиталистической

порядка — т.е. в той степени, в какой он приводит к возникновению прибавочной стоимости и работник имеет право претендовать на материальное вознаграждение.

Современное мировое производство не будет познано до тех пор, пока не будет надлежащим образом проанализированы труд, который осуществляется в домашнем хозяйстве, и труд в сфере неформальной экономики. Ведение домашнего хозяйства предполагает все виды работы по дому, направленные на поддержание и воспроизводство работников; неформальная экономика — это сфера деятельности, в которой труд не регулируется законодательством или капиталистическими принципами. Поскольку женщины составляют большинство именно в этих видах труда, им следует уделить особое внимание.

По мнению Кэтрин Уорд, до 66% всей работы в мире приходится на эти две сферы, которые не являются рыночными и практически игнорируются при оценке социального вклада в общеэкономическое развитие и, как следствие не оплачиваются.

Чем же может быть объяснено согласие женщин с таким положением вещей?

В условиях патриархального господства объективно возникли и, с использованием всего арсенала религиозной и политической идеологии, были закреплены в качестве норм такие модели поведения, которые оптимальны с точки зрения мужчин. Эти нормы сохраняются и воспроизводятся в форме стереотипов и предрассудков.

Под стереотипом понимают упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное или даже ложное, характерное для сферы обычного сознания представление о каком-либо социальном объекте (личности, группе людей, социальной общности и т.д.). Под стереотипом так же понимают устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения. Стереотипы выполняют функции упрощения социальной реальности для понимания, искажая ее при этом.

Предрассудки — это установки, препятствующие адекватному восприятию информации, поступков и взглядов людей. Как правило человек не осознает или не хочет осознавать, что он предрассудчен, и рассматривает свое отношение к объекту предубеждения как следствие объективной и самостоятельной оценки каких-то фактов.

Именно так возникает представление о «настоящем мужчине» и «настоящей женщине». В процессе социализации родители и окружающие поощряют когда они ведут себя согласно образцам

традиционного гендерного поведения, и осуждают, когда они пользуются модели поведения, якобы свойственные противоположному полу.

«Настоящий мужчина»	«Настоящая женщина»
Инициативность и амбициозность	Скромность
Сила воли	Чувствительность
Способность создавать новое	Способность сохранять созданное другими
Целеустремленность	Гибкость
Абстрактно-логическое мышление (склонность к точным наукам)	Чувственно-эмоциональное восприятие (склонность к гуманитарной сфере)
Отстаивание своих принципов	Готовность идти на компромисс
Здоровый эгоизм	Жертвенность
Осознание собственных интересов	Нацеленность на интересы и потребности других
Самолюбие	Любовь к окружающим
Стремление к высоким идеалам	«Суежный» прагматизм
Ориентированность на внешнее признание и успех	Ориентированность на благополучие мужа и детей

В то время как родители склонны осуждать несамостоятельность мальчиков, они позволяют девочкам быть зависимыми и даже поощряют это. В результате мальчики усваивают принцип, что следует рассчитывать на собственные достижения, чтобы обрести самоуважение, в то время как самоуважение девочек зависит от того, как к ним относятся другие. То есть, в социализации мальчиков преобладают процессы индивидуализации, что в последствие может приводить к эгоцентризму (минус), но также обеспечивает развитие лидерских качеств (плюс). В социализации же девочек преобладают процессы идентификации, что, в свою очередь, делает их более конформными и лишает инициативы.

В реальной жизни женщина постоянно сталкивается с проблемой несовпадения ее личного опыта и общепринятых норм, когда для отстаивания своей позиции и реализации своих интересов ей требуется немалая смелость и высокий уровень самоуважения, основанные на уверенности в собственных силах. Такая уверенность не является врожденным свойством мужчин, не возникает сама по себе, она формируется как результат внешнего стимулирования и суммы предшествующих успехов.

Однако, как уже говорилось выше, в процессе социализации женщины формированию этих качеств не просто отводится последнее место, им создаются вполне реальные препятствия: девочку приучают к мысли о ее слабости, ранимости, хрупкости (что выдвигается за некий идеал женственности), в конечном итоге, в женском сознании глубоко укореняется идея неспособности жить самостоятельно, а отсутствие «сильного» плеча» воспринимается как свидетельство

...то некой женской неполноценности.

Таким образом, если мужчинам предлагается конкурировать между собой за высокий социальный статус (высокооплачиваемая работа, руководящая должность, верная жена и молодая любовница), то женщинам остается конкурировать между собой за наиболее успешных мужчин.

Проблема гендерного неравенства не в том, что общество навязывает женщинам стереотипы (в конце концов, мужчины подпадают под такое же давление), а в том, что стереотипы, формирующие так называемый «женский тип» личности, резко ограничивают возможности женщин на равных конкурировать с мужчинами в наиболее престижных сферах общественной жизни - экономике и политике. Самый большой миф заключается в том, социально-сконструированные личностные черты провозглашаются врожденными свойствами.

Давно известно, что в ситуациях, когда нас что-то не устраивает, мы предпочитаем пытаться изменить не себя, а других. Но, именно у женщин более сложного барьера в борьбе за равноправие с мужчинами, чем наши собственные представления о себе. Более того, именно женщины, которые не находят в себе силы изменить собственную жизнь, особенно резко и неприязненно относятся к представительницам своего пола, рискнувшим вступить в игру на традиционно мужской территории.

В приведенном ниже примере иллюстрируется предубежденность женщин по отношению к представительницам своего пола в сфере, традиционно мужской - научной деятельности. В эксперименте, проводившемся Ф. Голдбергом, студенткам было предложено ознакомиться с научными статьями и оценить их с точки зрения профессионализма, компетентности, стиля и т.д. Некоторые получили статьи, подписанные авторами-женщинами, другие - те же статьи, но подписанные авторами-мужчинами. Оказалось, что испытуемые значительно выше оценивают статьи, написанные мужчинами, чем женщинами. То есть, предрассудки и стереотипы в отношении собственной гендерной группы привели к заниженной оценке интеллектуального труда других женщин.

Еще острее эта проблема проявляется в сфере политики и политического лидерства. Порой, можно услышать: «ей что, больше всех надо?» или «не сложилась женская судьба, вот она и пошла в политику». Неверие в собственные силы оборачивается отказом признать наличие этих сил у другой.

Такая позиция имеет собственные исторические корни. Начиная с античности и до сегодняшнего дня, заявлялось как непрелож-

ный факт, что женская физиология и поведенческая модель, не только не позволяет им участвовать во властных структурах, но и развивать качества, необходимые для реализации политической и гражданской активности. И это несмотря на массовое и активное участие женщин в общественных трансформациях и революционных преобразованиях, столь характерных для последних двух веков.

Таким образом, в само определение традиционной политики были заложены предпосылки, исключающие женское участие, признающие их интересы лишь в некой «исключительно женской сфере».

В борьбе со стереотипами женской самоидентификации, как и во всякой борьбе, нужны союзники. Конечно, каждой из нас приходится делать собственный выбор, но помочь в этом могут организации, ставящие своей целью повысить женское самосознание, открыть женщинам глаза на истинные причины их неравного положения в обществе, заставить задуматься о той ответственности, которую мы несем не перед другими, а перед собой.

Нужно отдавать себе отчет, что все мы находимся лишь на начале пути. И, если мы требуем у мужчин уважения нас как личностей, мы должны быть готовы к длительной и нелегкой борьбе за самоуважение.

Е.В. Тарасова

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С.Аманжолова
г. Усть-Каменогорск

МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН С РОССИЕЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Республика Казахстан относится к числу государств, в которых существенное воздействие на состав населения оказывают миграционные процессы. В последние годы миграция приобретает все большую политическую значимость и все теснее связывается в политической риторике с государственной безопасностью Казахстана. Массовая миграция с начала 1990-х гг. в условиях трансформации социально-экономической и политической систем Казахстана поставила перед наукой ряд актуальных задач. Одна из них — переосмысление характера воздействия миграций на этносоциальные процессы и перспектив миграционного взаимодействия Казахстана и России в новых геополитических условиях. Следует так-

отметить, что в постсоветский период этнический состав населения Казахстана изменялся под воздействием миграционного обмена с Россией в большей степени, чем этнический состав других стран СНГ.

Миграционное взаимодействие с Россией издавна было одним из ведущих компонентов формирования состава населения востока Казахстана. Образование первых крестьянских поселений на территории нынешней Восточно-Казахстанской области связано с присоединением Верхнего Прииртышья к России. В период существования Российской империи и Советского государства приток переселенцев из европейской части России оказывал значительное влияние на этнический состав населения региона, привел к сокращению удельного веса казахов в структуре населения и, соответственно, к росту абсолютной и относительной численности славянско-немецкого населения. В результате истощения миграционного потенциала центральных регионов РСФСР и завершения крупных проектов сельскохозяйственного и промышленного освоения территории КазССР с конца 1960-х гг. миграционный обмен с Россией становится фактором сокращения численности нетитульного населения Казахстана. Ярче всего эти процессы проявляются в Восточно-Казахстанской области.

После распада СССР Восточный Казахстан в миграционном обмене как с ближним и дальним зарубежьем, так и с рядом областей Казахстана продолжает оставаться регионом-донором. За 10 лет численность населения области сократилась на 291 тысячу человек или на 16,4%. Потери населения за счет механического движения являются основным фактором сокращения численности населения (см. таблица 1). Большая часть миграционных потерь приходится на внешнюю миграцию.

Таблица 1

**Изменение численности населения ВКО в 1993-2002 гг.
по компонентам, тыс. чел. [1]**

Год	Численность населения на начало года	Общий прирост (убыль)	В том числе	
			Естественный	Миграционный
1993	1772.7	-4.6	13.4	-18.0
1994	1753.2	-19.5	7.9	-27.4
1995	1685.0	-68.2	6.0	-74.2
1996	1638.3	-46.7	1.6	-48.3
1997	1600.2	-38.1	-0.3	-37.8
1998	1562.3	-37.9	-2.0	-35.9
1999	1532.4	-29.9	-1.8	-28.1
2000	1517.7	-17.7	-1.8	-12.9
2001	1501.7	-16.0	-1.9	-14.1
2002	1485.5	-16.2	-1.4	-14.8

Восточный Казахстан характеризуется высокой миграционной подвижностью населения в пределах области, занимая первое место среди регионов республики по доле внутриобластной миграции в республиканском объеме: она равна 17,3%, в то время как в других регионах этот показатель составляет от 1,6% до 12,1%. Во внутриобластных перемещениях сельское население участвует гораздо более активно, чем городское.

Итоги социологических исследований, проведенных департаментом внутренней политики акимата Восточно-Казахстанской области, показывают, что миграционным настроениям подвержены 31% населения области [2]. В ближайшее время уезжают 3%, собираются в будущем - 11%, хотели бы, но нет возможности - 17%. Наиболее высокий процент потенциальных мигрантов в городах Лениногорске (57,7%), Курчатове (44,9%), Зыряновске (34,4%), также в Глубоковском, Зайсанском и Бородулихинском районах. Это районы с преобладанием неказахского населения.

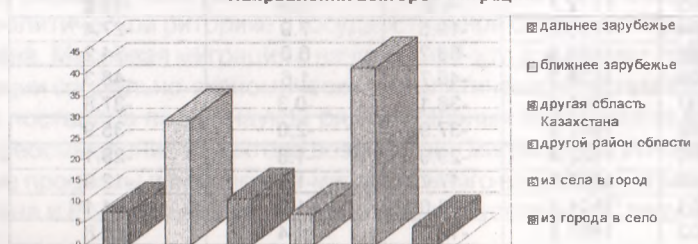
В качестве возможных причин отъезда были названы следующие факторы:

- Безработица - 65,7%;
- Низкий уровень жизни - 58,4%;
- Проблема обучения детей - 47,8%;
- Проблемы экологии - 41,6%;
- Языковая проблема - 32,9%;
- Злоупотребления власти, коррупция - 15,2%;
- Рост преступности - 14,5%;
- Дискриминация по этническому признаку - 2,2%;

Большая часть респондентов, намеренных сменить место жительства, собирались переехать из села в город в пределах области (41,3%). В страны ближнего зарубежья хотят переехать 29,4%, в другую область - 10,6%, в страны дальнего зарубежья - 7,4%, в другой район в пределах области - 7,0%, из города в село в пределах области - 4,1% потенциальных мигрантов.

Диаграммы

Направления векторов миграции

За последние десять лет произошли изменения в структуре миграции. Отток русскоязычного населения из городов наряду с кризисом социальной инфраструктуры села подстегнул внутреннюю миграцию из сельской местности в города. В результате в составе городского населения увеличивается доля казахского населения, происходят изменения в размещении населения.

Миграционные потоки имеют ярко выраженную этническую окраску: районы выхода мигрантов населены преимущественно казахами, регионы вселения – «русские» районы или районы со смешанным, русифицированным по образу жизни и мышления населением. В связи с активной внутриобластной миграцией и изменением этнической структуры населения ВКО возникают проблемы в межнациональных отношениях. В ряде районов с исторически сложившимся преобладанием русского населения (Глубоковском, Шемонаихинском) с прибытием казахских переселенцев из южных районов возникли вопросы, нерешенность которых может привести к обострению конфликтов.

Подвижность казахов в рамках казахстанско-российской миграции незначительна. Основная часть миграционного оборота приходится на внутриобластные перемещения казахов в направлении «село-город». Кроме того, миграционная подвижность казахов в рамках внешней миграции по-прежнему незначительна. Так, из общего числа прибывших казахов, зарегистрированных в 2001 г., 83% перемещались в потоке «село-город», 15% прибыли из других областей, и лишь 2% из-за пределов Республики Казахстан [3].

В свою очередь, те районы, которые являются реципиентами в процессе внутриобластной миграции, «поставляют» эмигрантов: 10,5% выезжающих за пределы республики – жители Усть-Каменогорска, Семипалатинска и Глубоковского района ВКО [4]. В условиях Казахстана активная внутренняя миграция, приводящая к существенному изменению этнической структуры населения за счет увеличения удельного веса казахов и снижения этнической концентрации нетитульных этносов, напрямую влияет на процессы эмиграции.

Направления эмиграции и иммиграции остаются достаточно стабильными в течение нескольких лет. Основная часть миграционного обмена со странами СНГ приходится на Россию, Беларусь, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Украину. При этом Россия, Украина и Беларусь являются странами-реципиентами, а Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан – донорами. Большая часть мигрантов, выезжающих из Восточного Казахстана в страны СНГ, направляются в Россию.

**Миграционные потери ВКО за счет обмена
со странами СНГ, чел. [5]**

Год	Миграционные потери	В том числе за счет обмена	
		со странами СНГ	с Россией
2000	-14138	-7088	-7110
2001	-14794	-6962	-7012
2002	-15497	-8363	-8516

Наиболее тесные миграционные связи Восток Казахстана имеет с регионами Западной Сибири. Эта направленность сформировалась в предшествующие исторические периоды. И в миграционный обмен между Россией и республиками ближнего зарубежья в 1969-1997 гг., Л.Б. Карачурина отмечала, что зона миграционного тяготения Восточного Казахстана в основном расположена в азиатской части России, за исключением Мурманской области и Кабардино-Балкарии [6]. Исследователи объясняют это, в последнюю очередь, тем, что многие поколения славянского населения ВКО пребывали в рамках единого с сопредельными территориями Российской Федерации правового, хозяйственно-культурного, этноконфессионального, социально-бытового и духовного пространства. Эти факторы обусловили его этнопсихологическую ориентацию на Россию и устойчивое тяготение к разносторонней миграции с сопредельными сибирскими регионами [7]. В целом, в советский период резко возросла роль ближних трансграничных миграций. При общем снижении абсолютных показателей выезда из Казахстана в Россию неуклонно растет удельный вес ВКО

**Выбытие в Российскую Федерацию из
Республики Казахстан и ВКО, 2000-2002 гг. [8]**

Год	Выбыло из РК в РФ	В т.ч. из ВКО	
		Чел.	%%
2000	109343	9413	8,6
2001	96217	9271	9,6
2002	80001	10750	13,4

Анализ этнической структуры миграции из Восточного Казахстана позволяет обнаружить следующую тенденцию: область тяготения славянского и немецкого населения в миграционном обмене с ближним (прежде всего с Россией) и дальним зарубежьем, потери в потоке внутривосприимчивости миграции формируются в основном за счет отрицательного сальдо миграции казахов. В связи с отсутствием

Информации по этнической структуре выбытия из ВКО в Российской Федерации в целом обратимся к данным по миграционному обмену Восточного Казахстана и Алтайского края в 2000-2001 гг.

Таблица 4

Удельный вес отдельных этносов в структуре миграционного обмена Восточно-Казахстанской области с Алтайским краем, %, 2000-2002 гг. [9]

	2000		2001		2002	
	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло
Российские граждане	1,3	0,2	0,3	0,2	0,6	0,1
Украинцы	0	0	1,2	0,1	0,2	0
Белорусы	0,9	0,3	0,4	0,3	0,4	0,4
Кавказ	7,3	1,4	10,2	2,0	6,9	2,4
Татары	2,6	3,9	2,7	2,9	2,2	4,3
Русские	84,1	90,2	80,2	90,5	85,6	88,7
Немцы	1,2	0,6	1,2	1,3	2,0	1,2
Украинцы	1	1,4	2,7	1,5	1,7	1,5
Армяне	1,6	2,0	1,1	1,2	0,4	1,4
Всего	100	100	100	100	100	100

Данные таблицы свидетельствуют о том, что этническая структура миграции между Восточно-Казахстанской областью и Алтайским краем в значительной степени сбалансирована. Во многом это объясняется сходством этнодемографической структуры населения принимающего и отдающего региона.

Таким образом, миграционному взаимодействию с Россией принадлежит ведущая роль в процессе трансформации состава населения Восточного Казахстана. Этнический характер миграционных потоков выражен достаточно рельефно. В Российскую Федерацию выбывают в основном представители славянских национальностей, немцы, а в межобластной и внутриобластной миграции активно участвует прежде всего казахское население. Вследствие этого интенсификация процессов внутриреспубликанской и внешней миграции вскоре приведет к значительному изменению этнической структуры населения Восточно-Казахстанской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический пресс-бюллетень №2. Управление статистики Восточно-Казахстанской области. Усть-Каменогорск, 2002. – С. 172. По 2002 г. даны предварительные данные.
2. Данные текущего архива департамента внутренней политики Восточно-Казахстанской области.

3. Статистический пресс-бюллетень №2. – Усть-Каменогорск: Управление статистики Восточно-Казахстанской области, 2002. – С.17.
4. По данным текущего архива Восточно-Казахстанского управления статистики Республики Казахстан.
5. По данным текущего архива Восточно-Казахстанского управления статистики Республики Казахстан.
6. Карачурина Л.Б. Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками ближнего зарубежья (1969-1997 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. геогр.наук. – М., 1999. - С. 15.
7. В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. – М.,1999. – С.159-160.
8. Миграция населения Республики Казахстан за январь-декабрь 2003. – Алматы, 2003.
9. По данным управления статистики Восточно-Казахстанской области.

В.В. Токарев, Н.В. Дулина

Центр социологический и маркетинговых исследований «Аналитик»,
г. Волгоград

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В стране идет очень сложный процесс адаптации и самоорганизации населения в новых условиях, и поэтому важно в настоящее время понять, как это происходит, в том числе и в пространственных формах, как и где зарождаются позитивные изменения, развитию которых можно помочь институциональными и адресными финансовыми воздействиями, чтобы ускорить процесс становления естественно сложившихся моделей. Концентрация внимания на объективных процессах и тенденциях, уже зафиксированных официальной статистикой, в конкретном регионе, по нашему мнению, представляет определенный интерес. Мы попытались рассмотреть положение Волгоградской области на фоне более широкого географического пространства. Нам представляется, что имеет смысл провести это сравнение, с одной стороны, с регионами, входящими в Южный федеральный округ (Ростовской областью, Краснодарским и Ставропольским краями, республиками Северного Кавказа) и с другой стороны, - с регионами Поволжья (Саратовской и Самарской областями, республикой Татарстан). Основанием для сравнения экономического и социального положения в регионах могут

путься статистические данные о ситуации в регионах, входящих в ассоциацию «Большая Волга» [6] и Южный федеральный округ [7], а также общие статистические данные об уровне развития регионов России [4, 5, 8, 10]. Хотелось бы обратить внимание, что анализ¹ состояния российского региона проведен в его реальном положении, без каких бы то ни было выводов ценностного смысла.

Для сравнения выделенных регионов между собой были использованы три класса параметров, характеризующих ситуацию в регионах:

1. Первый класс - параметры, характеризующие общее геополитическое положение региона и «состояние населения»: площадь региона, плотность населения и общее количество жителей, поселенческая структура (распределение жителей по типам поселений), показатели мобильности (миграции) населения.

2. Второй класс - параметры, характеризующие демографическую структуру населения региона: распределение населения по полу, возрасту, уровню образования, уровню дохода.

3. Третий класс - параметры, характеризующие отраслевую специализацию региона, которая оценивалась на основании двух групп признаков. К первой группе были отнесены параметры, характеризующие распределение занятого населения по отраслям экономики (промышленность, строительство, транспорт, связь, сельское хозяйство и т.д.). Во вторую группу включены признаки, непосредственно характеризующие структуру валового регионального продукта (по отраслям промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг).

В качестве общих интегральных характеристик рассматривались показатели, количественно характеризующие общий уровень «экономической успешности» региона - величина валового регионального продукта, доходы бюджета, объемы инвестиций (в том числе иностранных) и т.д. - в данном случае мы не отошли от укоренившегося подхода к социальному развитию как следствию развития экономического².

¹ Во всех случаях при проведении анализа использовались статистические данные 1997-2000 г (по всем регионам России). Для регионов Южного федерального округа и Поволжья (для членов ассоциации «Большая Волга») дополнительно привлекались статистические данные 2000-2001 г. С сожалением можно заметить, что официальная статистика «запаздывает» от реального развития событий.

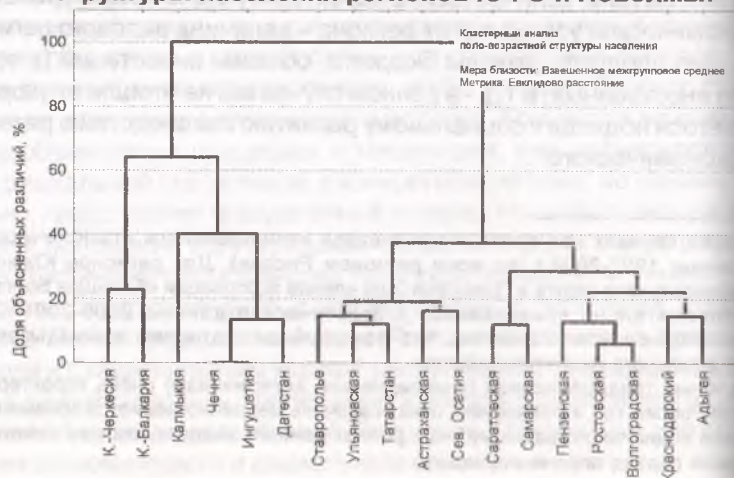
² Подобный традиционализм (экономический детерминизм) очень характерен для России, где, к сожалению, пока еще очень медленно меняется понимание роли социального развития, но в рамках данного анализа, как нам кажется, такой подход вполне оправдан.

Достаточно удобным математическим аппаратом, с помощью которого можно провести сравнение регионов, является аппарат кластерного и факторного анализа. Результаты сравнительного анализа иллюстрируются диаграммами, приведенными на рис. 1-8, данными, представленными в табл. 2-7. На рис. 1 и 2 приведены диаграммы кластерного анализа, позволяющие количественно оценить различия между регионами по структуре населения. Методы кластерного анализа являются основным инструментом автоматического построения оптимальных классификаций. «Древовидная» схема классификации, построенная с использованием методов кластерного анализа, позволяет проанализировать степень близости между регионами: в кластеры («ветви») объединены наиболее близкие между собой регионы.

Диаграмма на рис. 1 иллюстрирует классификацию регионов по поло-возрастной структуре населения (показатели «доля женщин в общем количестве жителей», «доля детей», «доля населения в возрасте старше трудоспособного» и т.д.). Диаграмма на рис. 2 дает классификацию регионов по образовательной структуре (показатели «доля студентов», «доля жителей, имеющих высшее (среднее, неполное среднее) образование»). Легко заметить, что, с точки зрения поло-возрастной структуры населения, наиболее близки Волгоградская область Ростовская и Пензенская области, а наиболее «далеки» (значительно отличаются по выделенному комплексу параметров) Северо-Кавказские республики и Калмыкия.

Рисунок 1

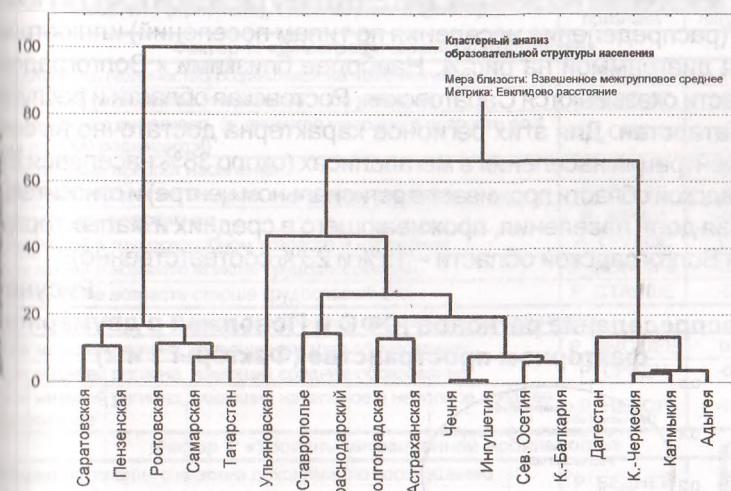
Диаграмма кластерного анализа поло-возрастной структуры населения регионов ЮФО и Поволжья

Для более эффективного анализа, имеет смысл дополнить представление о поло-возрастной структуре населения комплексом параметров, характеризующих «демографическое благополучие» региона (показатели рождаемости и смертности, естественного прироста/убыли населения и т.д.). Использование этих показателей позволяет построить интегральную характеристику (фактор) «демографическое благополучие региона»¹. Высокий уровень «демографического благополучия» (см. табл. 1, Фактор 1) свидетельствует о высокой рождаемости и низкой смертности среди населения; о вытесненном смещении возрастного распределения жителей в сторону «молодежных» категорий (и, соответственно, относительно низкой доле людей в возрасте старше трудоспособного).

Рисунок 2

Диаграмма кластерного анализа образовательной структуры населения регионов ЮФО и Поволжья

Аналогичным образом, данные о распределении населения регионов по уровню образования могут быть представлены в виде фактора «Уровень образования» (табл. 1, Фактор 2). Более высокие значения этого фактора свидетельствуют о большей доле жителей с образованием выше среднего; об относительно низкой доле людей, имеющих незаконченное среднее или начальное образование.

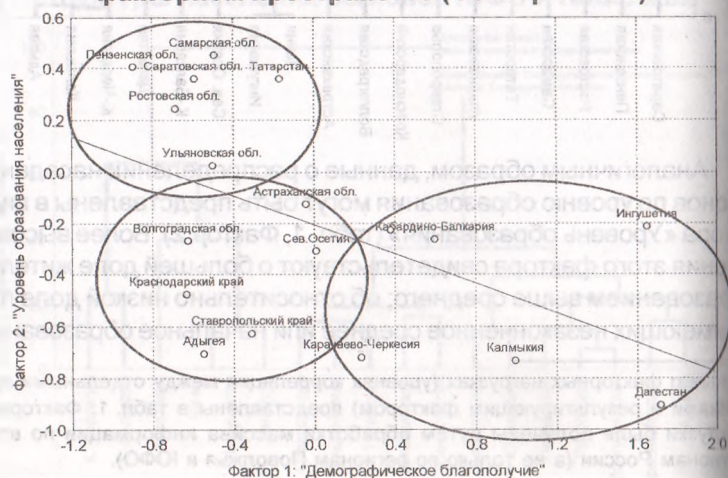
Данные о факторных нагрузках (уровнях корреляции между отдельными признаками и результирующим фактором) представлены в табл. 1. Факторные нагрузки были получены путем обработки массива информации по всем регионам России (а не только по регионам Поволжья и ЮФО).

Диаграмма, представленная на рис. 3, позволяет оценить размещение регионов ЮФО и Поволжья в пространстве двух выделенных факторов. Можно заметить, что наиболее «демографически благополучными» (и при этом имеющими наименьшие показатели «уровня образования») являются Калмыкия и Северо-Кавказские республики (Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария). Наименее благоприятная демографическая ситуация наблюдается в северных областях Поволжья, в Ростовской области и Татарстане (показатели «уровня образования» наиболее высокие). Волгоградская область занимает среднее положение по уровню образования населения и является одним из наиболее «демографически неблагоприятных» регионов.

Представляет интерес сравнительный анализ поселенческой структуры и структуры занятости населения Волгоградской области и соседних регионов. Результаты кластерного анализа данных, характеризующих поселенческую структуру регионов ЮФО и Поволжья (распределение населения по типам поселений) иллюстрируются диаграммой на рис. 4. Наиболее близкими к Волгоградской области оказываются Саратовская, Ростовская области и республика Татарстан. Для этих регионов характерна достаточно высокая концентрация населения в мегаполисах (около 38% населения Волгоградской области проживает в региональном центре) и относительно малая доля населения, проживающего в средних и малых городах (для Волгоградской области – 15% и 23% соответственно).

Рисунок 4

Распределение регионов ЮФО и Поволжья в двумерном факторном пространстве (Факторы 1 и 2)

Интересно, что наблюдается значимая статистическая связь между признаками, характеризующими поселенческую структуру регионов, а также показателями миграционной мобильности и уровня благосостояния населения. В комплексе параметров, характеризующих регионы России с точки зрения этих показателей, могут быть выделены три группы взаимно-коррелированных признаков, которые представлены факторами «Уровень миграционной мобильности населения» (табл. 1, Фактор 3), «Уровень благосостояния населения» (табл. 1, Фактор 4), «Уровень урбанизации» (табл. 1, Фактор 5).

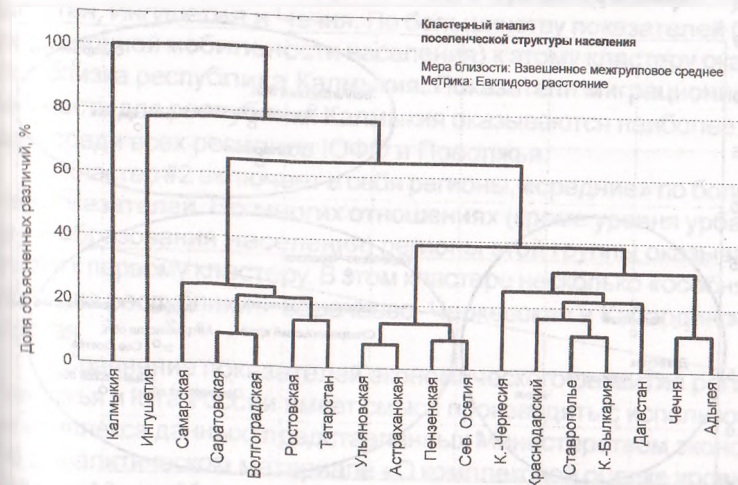
Таблица 1

**Результаты факторного анализа
демографической структуры населения России.
Нагрузки на выделенные факторы**

Показатели (признаки), включенные в фактор	Обозначение признака	Факторная нагрузка
Фактор 1: «Демографическое благополучие»		
Рождаемость (количество родившихся на 1000 жителей)	РОЖД_97	0.77
Смертность (количество умерших на 1000 жителей)	СМЕРТ_97	-0.91
Младенческая смертность (количество умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся)	МЛ_СМЕРТ	-0.26
Естественный прирост населения	ПРИР_97	0.88
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	ПРОД_97	-0.30
Доля женщин в населении	Р_ЖЕНЩ	-0.89
Доля людей в трудоспособном возрасте в населении	Р_ТРУДОС	0.49
Доля людей в возрасте моложе трудоспособного	Р_МОЛОЖЕ	0.89
Доля людей в возрасте старше трудоспособного	Р_СТАРШЕ	-0.95
Фактор 2: «Уровень образования населения»		
Доля жителей региона, имеющих высшее образование	Р_ВЫСШЕЕ	0.99
Доля жителей региона, имеющих среднее образование	Р_СРЕДН	-0.95
Доля жителей региона, имеющих начальное и неполное среднее образование	Р_НЕПСР	-0.85
Фактор 3: «Уровень миграционной мобильности»		
Процент населения с низкими доходами (по соотношению «жизноточный минимум / все доходы)	Р_БЕДНЕЙ	-0.11
Доля доли населения со средними доходами (%)	Р_СРЕДН	-0.12
Процент населения с высокими доходами (по приобретению домов), %	Р_ВЫСОК	0.36
Процент населения, проживающего в мегаполисах с численностью выше 700 тыс.чел	Р_ПОЛИС	-0.16
Процент населения проживающего в городах от 100 до 700 тыс. человек	Р_СРГОР	-0.39
Процент жителей городов численностью менее 100 тысяч человек	Р_МАЛГОР	0.69
Процент населения с огородно-деревенским образом жизни	Р_ОГОРОД	-0.75
Процент населения с промыслово-скотоводческим образом жизни	Р_ПРОМЫС	0.51
Процент оседлых уроженцев в суммарной численности (все население)	Р_ОСЕДЛ	-0.87

Показатели (признаки), включенные в фактор	Обозначение признака	Факторная нагрузка
Процент уехавших уроженцев в суммарной численности (все население)	P_УЕХАВШ	-0.59
Процент пришедших осевших в суммарной численности (все население)	P_ОСЕВШ	0.86
Процент подвижных пришедших в суммарной численности (все население)	P_ПОДВИЖ	0.80
Процент пришлового населения от суммарной численности	P_ПРИШЛ	0.96
Фактор 4: «Уровень благосостояния населения»		
Процент населения с низкими доходами (по соотношению прожиточный минимум / все доходы)	P_БЕДНЕЙ	-0.93
Оценка доли населения со средними доходами (%)	P_СРЕДН	0.75
Процент населения с высокими доходами (по приобретению товаров), %	P_ВЫСОК	0.68
Процент населения, проживающего в мегаполисах с численностью выше 700 тыс. чел	P_ПОЛИС	0.02
Процент населения проживающего в городах от 100 до 700 тыс. человек	P_СРГОР	0.56
Процент жителей городов численностью менее 100 тысяч человек	P_МАЛГОР	0.10
Процент населения с огородно-деревенским образом жизни	P_ОГОРОД	0.03
Процент населения с промыслово-скотоводческим образом жизни	P_ПРОМЫС	-0.70
Процент оседлых уроженцев в суммарной численности (все население)	P_ОСЕДЛ	-0.26
Процент уехавших уроженцев в суммарной численности (все население)	P_УЕХАВШ	0.30
Процент пришедших осевших в суммарной численности (все население)	P_ОСЕВШ	-0.08
Процент подвижных пришедших в суммарной численности (все население)	P_ПОДВИЖ	0.22
Процент пришлового населения от суммарной численности	P_ПРИШЛ	0.13
Фактор 5: «Уровень урбанизации»		
Процент населения с низкими доходами (по соотношению прожиточный минимум / все доходы)	P_БЕДНЕЙ	-0.24
Оценка доли населения со средними доходами (%)	P_СРЕДН	0.25
Процент населения с высокими доходами (по приобретению товаров), %	P_ВЫСОК	0.11
Процент населения, проживающего в мегаполисах с численностью выше 700 тыс. чел	P_ПОЛИС	0.90
Процент населения проживающего в городах от 100 до 700 тыс. человек	P_СРГОР	-0.50
Процент жителей городов численностью менее 100 тысяч человек	P_МАЛГОР	-0.09
Процент населения с огородно-деревенским образом жизни	P_ОГОРОД	-0.14
Процент населения с промыслово-скотоводческим образом жизни	P_ПРОМЫС	-0.01
Процент оседлых уроженцев в суммарной численности (все население)	P_ОСЕДЛ	0.25
Процент уехавших уроженцев в суммарной численности (все население)	P_УЕХАВШ	-0.30
Процент пришедших осевших в суммарной численности (все население)	P_ОСЕВШ	0.07
Процент подвижных пришедших в суммарной численности (все население)	P_ПОДВИЖ	-0.14
Процент пришлового населения от суммарной численности	P_ПРИШЛ	-0.00

Рисунок 4
Диаграмма кластерного анализа поселенческой структуры населения регионов ЮФО и Поволжья

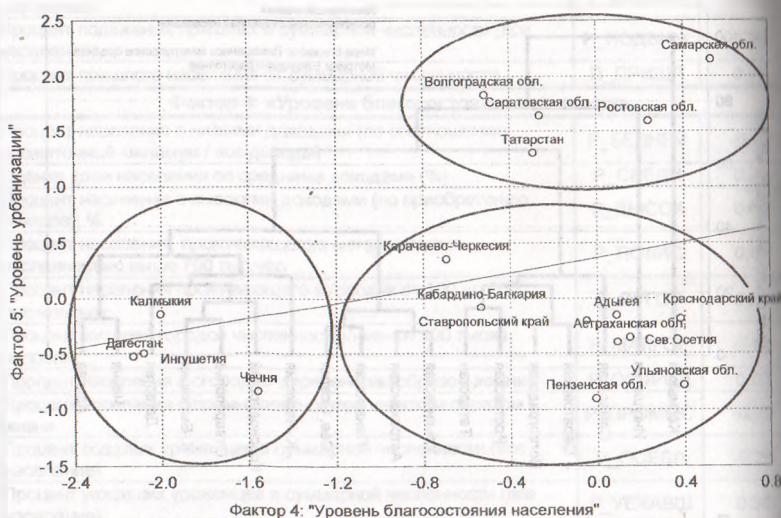

Диаграммы, иллюстрирующие факторные нагрузки, представлены на рис. 6¹. Анализ корреляционных матриц и факторных нагрузок позволяет сделать вывод о том, что высокие показатели мобильности населения наблюдаются в регионах, в которых значительная часть населения проживает в малых городах или ведет промыслово-скотоводческий образ жизни. Для регионов с высокой долей «деревенского» населения характерны низкие показатели миграционной мобильности.

На рис. 5 приведена диаграмма, иллюстрирующая размещение регионов ЮФО и Поволжья в пространстве двух выделенных факторов: «Уровень благосостояния населения» (Фактор 4) и «Уровень урбанизации» (Фактор 5). Легко заметить, что в отношении этих признаков наиболее близкими к Волгоградской области оказываются Саратовская, Ростовская, Самарская области и Татарстан. Для этих регионов характерен высокий уровень концентрации населения в мегаполисах и показатели благосостояния, находящиеся на уровне средних по России значений.

Факторы выделялись на основе анализа массива статистических данных, характеризующих социально-экономическое положение всех регионов России, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга. Значительное отличие ситуации в этих регионах от средних по России показателей приводит к тому, что их включение в массив резко искажает общую картину и снижает достоверность и интерпретируемость получаемых результатов.

Распределение регионов ЮФО и Поволжья в двумерном факторном пространстве (Факторы 4 и 5)

Завершая сравнительный анализ регионов Южного федерального округа и Поволжья с точки зрения группы признаков, характеризующих общее состояние населения регионов, имеет смысл провести общую классификацию регионов по выделенным факторам. Данные, позволяющие провести такую классификацию, представлены в табл. 2. На рис. 7 приведена диаграмма кластерного анализа, иллюстрирующая группировку регионов в многомерном пространстве выделенных факторов.

Анализ диаграммы и таблицы позволяет легко увидеть, что среди регионов ЮФО и Поволжья четко выделяются три группы (кластера) регионов, значительно различающихся между собой. К первой группе (кластер #1), помимо Волгоградской области, относятся также Самарская, Саратовская, Ростовская области и республика Татарстан. Для этих регионов характерен достаточно высокий уровень урбанизации (значительная часть населения проживает в мегаполисах), а также образования и благосостояния населения. Регионы этой группы имеют средние показатели миграционной мобильности и характеризуются низким уровнем «демографического благополучия» (относительно низкая рождаемость и высокая смертность населения, значительная доля людей в возрасте старше трудоспособного).

Противоположными характеристиками (низкий уровень урбанизации, благосостояния и образования, низкие показатели мобильности) обладают регионы, включенные в кластер #3 – республики Дагестан, Ингушетия и Чечня. По большинству показателей (кроме миграционной мобильности населения) к этому кластеру оказывается близка республика Калмыкия. Показатели миграционной мобильности для республики Калмыкия оказываются наиболее высокими среди всех регионов ЮФО и Поволжья.

Кластер #2 включает в себя регионы, «средние» по большинству показателей. Во многих отношениях (кроме уровня урбанизации и образования населения) регионы этой группы оказываются близки к первому кластеру. В этом кластере несколько «особняком» стоят две республики – Карачаево–Черкесская и Кабардино–Балкарская.

Сравнение показателей экономического развития регионов Поволжья и Юга России имеет смысл производить с использованием комплекса данных, представленных Министерством экономики РФ в аналитическом материале «О комплексной оценке уровня социально–экономического развития регионов России и степени использования регионами инвестиционной привлекательности в 2000 году» [8]. Результаты обработки предложенного комплекса показателей представлены в табл. 3–4 и на рис. 8.

В табл. 4 приведены стандартизованные значения показателей социально–экономического развития для Волгоградской области, а также регионов–лидеров (Самарская область, Татарстан) и регионов–аутсайдеров (Карачаево–Черкесия, Ингушетия).

Приведенные в табл. 3 данные позволяют сделать вывод о том, что существует значимая статистическая связь между показателями социально–экономического состояния региона и факторами, характеризующими «общее состояние населения».

Так, например, повышенная миграция наблюдается в регионы, имеющие достаточно высокие показатели валового регионального продукта, приходящегося на одного жителя региона (коэффициент корреляции 0.37). В этих же регионах наблюдается более высокий уровень благосостояния населения (коэффициент 0.49) и больший объем инвестиций в основной капитал (коэффициент 0.55). Уровень регистрируемой безработицы находится в положительной связи с «демографическим благополучием» региона (показателями рождаемости, смещением возрастного распределения в сторону «молодежных» категорий, коэффициент 0.60) и отрицательно связан с «уровнем благосостояния» жителей (коэффициент –0.45).

Практически полностью отсутствует корреляция между выделенными ранее факторами, характеризующими состояние населения и показателями обеспеченности образовательными и медицинскими услугами. Наименее выраженные корреляции наблюдаются между показателями социально-экономического развития и фактором «Уровень урбанизации».

Таблица

**Результаты факторного анализа состояния населения регионов ЮФО и Поволжья.
Значения выделенных факторов**

Округ, экономический регион	Субъект федерации	Фактор 1 «Демографическое благополучие»	Фактор 2 «Уровень образования населения»	Фактор 3 «Уровень миграционной мобильности»	Фактор 4 «Уровень благополучия населения»	Фактор 5 «Уровень
(2) ЮФО	Адыгея Республика	-0.55	-0.70	-0.01	0.09	-0.14
(1) ЮФО, Поволжье	Астраханская область	-0.04	-0.12	-0.57	0.15	-0.10
(1) ЮФО, Поволжье	Волгоградская область	-0.63	-0.27	-0.12	-0.51	1.81
(2) ЮФО	Дагестан Республика	1.71	-0.90	-1.22	-2.13	-0.10
(2) ЮФО	Ингушетия Республика	1.65	-0.21	-0.81	-2.08	-0.10
(2) ЮФО	Кабардино-Балкарская Республика	0.60	-0.26	-0.54	-0.53	-0.06
(1) ЮФО, Поволжье	Калмыкия Республика	0.99	-0.73	0.86	-2.00	-0.14
(2) ЮФО	Карачаево-Черкесская Республика	0.23	-0.72	-0.38	-0.69	0.50
(2) ЮФО	Краснодарский край	-0.63	-0.48	-0.32	0.38	-0.10
(3) Поволжье	Пензенская область	-0.89	0.41	-1.01	-0.01	-0.06
(2) ЮФО	Ростовская область	-0.69	0.24	-0.31	0.24	1.60
(3) Поволжье	Самарская область	-0.49	0.45	-0.09	0.53	2.10
(3) Поволжье	Саратовская область	-0.59	0.36	-0.34	-0.26	1.60
(2) ЮФО	Северная Осетия - Алания Республика	0.01	-0.31	-0.66	0.09	-0.40
(2) ЮФО	Ставропольский край	-0.31	-0.63	-0.30	-0.05	-0.20
(3) Поволжье	Татарстан Республика	-0.17	0.36	-0.78	-0.29	1.80
(3) Поволжье	Ульяновская область	-0.50	0.03	-0.63	0.40	-0.10
(2) ЮФО	Чеченская Республика	0.38	-0.23	-1.25	-1.56	-0.14

Несколько парадоксальный результат анализа связан с тем, что комплексная оценка развития региона и уровень демографического благополучия отрицательно коррелированы (коэффициент равен -0.4). Таким образом, с увеличением показателей рождаемости и сокращением показателей смертности, «благополучие» региона снижается, растет безработица, падает уровень благосостояния населения.

Рисунок 6

Диаграммы факторных нагрузок (Факторы #3 «Уровень миграционной мобильности», #4 «Уровень благосостояния населения», #5 «Уровень урбанизации»)

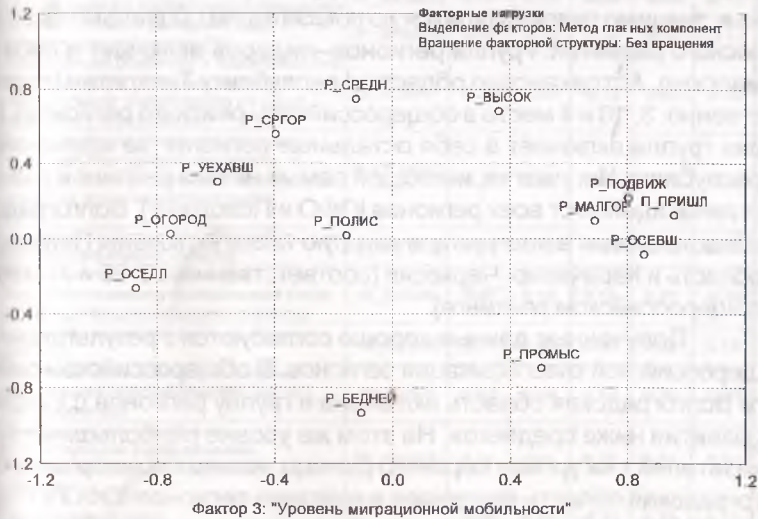
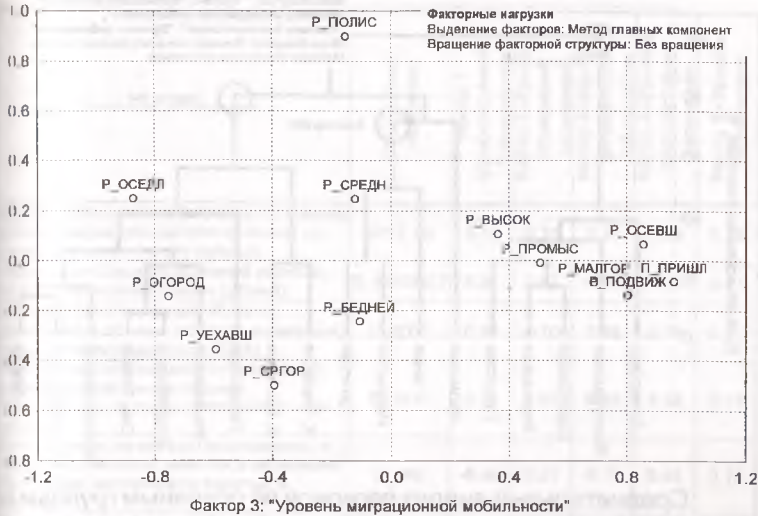
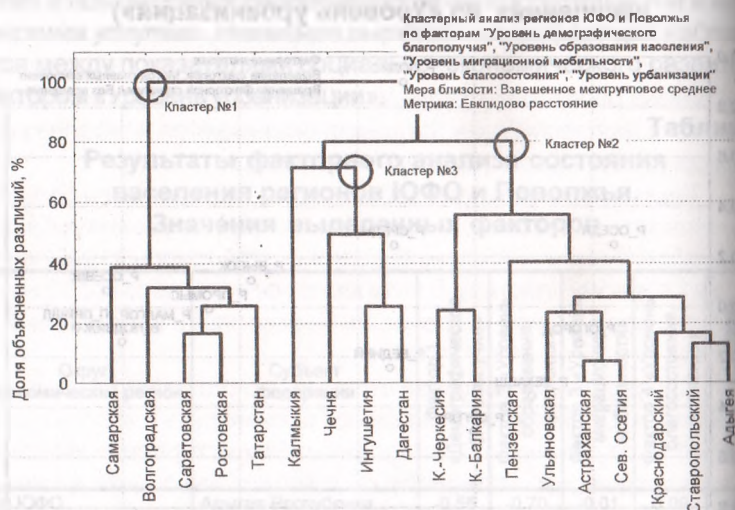

Диаграмма кластерного анализа общего состояния населения регионов ЮФО и Поволжья

Сравнительный анализ регионов по основным группам показателей, характеризующих социально-экономическое развитие (рис. 8), позволяет выделить две группы регионов ЮФО и Поволжья, значительно различающихся по показателям социально-экономического развития. Группа регионов-лидеров включает в себя Самарскую, Астраханскую области и республику Татарстан (соответственно, 3, 10 и 4 место в общероссийском рейтинге регионов). Вторая группа включает в себя остальные регионы (за исключением республики Ингушетия, имеющей самый низкий рейтинг и значимо отличающейся от всех регионов ЮФО и Поволжья). Волгоградская область входит в подгруппу, в которую также включены Пензенская область и Карачаево-Черкесия (соответственно, 58, 76 и 77 место в общероссийском рейтинге).

Полученные данные хорошо согласуются с результатами общероссийской классификации регионов. В общероссийском рейтинге Волгоградская область включена в группу регионов с «уровнем развития ниже среднего». На этом же уровне (по большинству показателей - на уровне верхней границы четвертого квартиля) Пензенская область находится и в рейтинге регионов ЮФО и Поволжья. По основным показателям область отстает не только от регионов-лидеров (Самарской области, республики Татарстан), но и от своих ближайших «географических» соседей.

Таблица 3

Величины коэффициентов корреляции между показателями развития регионов и факторами, характеризующими состояние населения

Описание показателя	Обозначение показателя	фактор 1 «Демографическое благополучие»	фактор 2 «Уровень образования населения»	фактор 3 «Уровень миграционной мобильности»	фактор 4 «Уровень благосостояния населения»	фактор 5 «Уровень урбанизации»
Валовой региональный продукт (с учетом урбанизации) на душу населения (тысяч рублей)	ВРП_00	0.19	0.16	0.37	0.49	0.12
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения (тысяч рублей)	D_ИНВЕСТ	0.36	0.07	0.55	0.26	0.01
Объем внешнеторгового оборота (суммарного объема экспорта и импорта) на душу населения (долл. США)	D_ВТО	0.26	-0.03	0.36	0.19	0.01
Финансовая обеспеченность региона (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения (тысяч рублей)	D_ФОР	0.19	0.08	0.29	0.32	0.11
Доля занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике (% к общей численности занятых в экономике)	P_МБ	-0.45	0.21	-0.17	0.40	0.10
Уровень регистрируемой безработицы (% к экономически активному населению)	P_БЕЗРАБ	0.60	-0.13	0.33	-0.45	-0.18
Соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума	IX_ДОХОД	0.05	0.19	0.23	0.59	0.13
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (%)	P_ПРМИН	0.30	-0.17	0.10	-0.61	-0.11
Объем розничного товарооборота (платных услуг (с учетом паритета покупательной способности) на душу населения (тысяч рублей)	D_ТОВАР	-0.38	0.29	-0.22	0.62	0.22
Основные фонды отраслей экономики (по полной балансовой стоимости, с учетом степени удорожания капитальных затрат) на душу населения (тысяч рублей)	D_ОСНФО Н	-0.30	0.30	0.16	0.66	0.00
Коэффициент плотности автомобильных дорог (коэффициент Энгеля)	K_ЭНГЕЛЯ	-0.67	-0.10	-0.48	-0.02	-0.17
Обеспеченность дошкольными образовательными учреждениями (мест на 1000 детей дошкольного возраста)	IX_ДОШК	-0.07	0.14	0.18	0.21	-0.10
Выпуск специалистов (чел. на 10 тысяч жителей)	IX_СПЕЦ	-0.54	0.10	-0.61	0.29	0.19
Обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом (чел. на 10 тысяч жителей)	IX_ВРАЧ	-0.02	0.06	0.10	0.30	-0.01
Обеспеченность печечными и амбулаторными учреждениями (посещений в смену на 10 тысяч жителей)	IX_ЛЕЧЕБ	0.16	0.04	0.37	0.04	-0.05
Комплексная оценка	КОМПЛЕКС	-0.40	0.29	-0.11	0.70	0.16

ПРИМЕЧАНИЕ: Шрифтом выделены ячейки, в которых содержатся значения коэффициентов корреляции, значимые при доверительном уровне 95%.

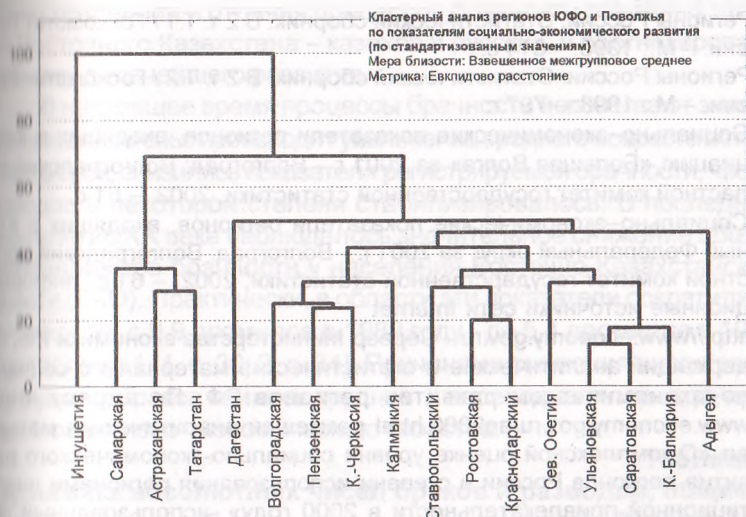
Таблица 1

**Стандартизированные значения показателей
социально-экономического развития регионов ЮФО
и Поволжья в 2000 г.**

Описание показателя	Обозначение показателя	Самарская область	Татарстан	Волгоградская область	Карачаево-Черкесия	Среднее
Валовой региональный продукт (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения (тысяч рублей)	ВРП_00	0.88	1.56	-0.43	-0.70	1.11
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения (тысяч рублей)	D_ИНВЕСТ	-0.11	0.13	-0.23	-0.36	-0.10
Объем внешнеторгового оборота (суммарного объема экспорта и импорта) на душу населения (долл. США)	D_ВТО	-0.01	0.24	-0.22	-0.59	0.20
Финансовая обеспеченность региона (с учетом уровня покупательной способности) на душу населения (тысяч рублей)	D_ФОР	0.17	0.39	-0.11	-0.46	0.01
Доля занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике (% к общей численности занятых в экономике)	P_МБ	1.31	-0.74	0.16	0.26	-1.48
Уровень регистрируемой безработицы (% к экономически активному населению)	P_БЕЗРАБ	-0.18	-0.66	-0.82	-0.50	5.10
Соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума	IX_ДОХОД	1.54	1.20	-0.65	-0.65	-1.17
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (%)	P_ПРМИН	-0.92	-1.16	1.08	0.31	2.18
Общий объем розничного товарооборота и платных услуг (с учетом паритета покупательной способности) на душу населения (тысяч рублей)	D_ТОВАР	3.22	1.13	-0.64	-0.51	-1.82
Основные фонды отраслей экономики (по полной балансовой стоимости, с учетом степени удорожания капитальных затрат) на душу населения (тыс. рублей)	D_ОСНФОН	0.86	0.96	-0.23	-0.62	-1.78
Коэффициент плотности автомобильных дорог (коэффициент Энгеля)	K_ЭНГЕЛЯ	-0.36	0.37	-0.29	0.46	0.27
Обеспеченность дошкольн. образоват. учреждениями (мест на 1000 детей дошкольного возраста)	IX_ДОШК	0.62	-0.07	-0.41	-1.87	-0.41
Выпуск специалистов (чел. на 10 тысяч жителей)	IX_СПЕЦ	1.05	0.55	0.71	0.09	-1.81
Обеспеченность врачами и средним мед. персоналом (чел. на 10 тысяч жителей)	IX_ВРАЧ	0.35	0.59	-0.10	-0.62	-3.01
Обеспеченность лечебными амбулаторными учреждениями (посещений в смену на 10 тысяч жителей)	IX_ЛЕЧЕБ	-0.07	-0.12	0.33	-0.60	-3.11
Комплексная оценка	КОМПЛЕКС	1.61	1.61	-0.27	-1.14	-2.10
Место в Российской Федерации		3	4	58	77	88

Рисунок 8

Грамматика кластерного анализа показателей социально-экономического развития регионов ЮФО и Поволжья

Реальная практика свидетельствует, что идеальных методик комплексных оценок не существует, но сравнивать все же лучше, имея предвзятого взгляда. Сочетание устойчивых и меняющихся тенденций – очень важная черта переходного периода. Тем важнее «отслеживать» развитие региональной специфики в координатах более широкого географического пространства. Но еще один вывод, который не отличается оригинальностью, можно сделать и по итогам проведенного анализа: усложнение и противоречивость современных социальных процессов делают необходимым отказаться от одномерных линейных оценок, простой шкалы оценок «хорошо – плохо», «позитивно – негативно», следует помнить, что социальные преимущества не замедлят «потянуть» за собой и социальные издержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волгоградская область в цифрах: Статистический ежегодник. - Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2001. – 258 с.
2. Индикаторы, характеризующие социально-экономическое положение Волгоградской области в январе-сентябре 2001 г. - Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2001. – 80 с.

3. Основные показатели работы промышленности Волгоградской области в январе-октябре 2001 г. Статистический бюллетень. - Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2001. - 50 с.
4. Регионы России: Статистический сборник. В 2 т. Т.1 / Госкомстат России. - М.: 1998. - 614 с.
5. Регионы России: Статистический сборник. В 2 т. Т.2 / Госкомстат России. - М.: 1998. - 797 с.
6. Социально-экономические показатели регионов, входящих в ассоциацию «Большая Волга» за 2001 г. - Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2002. - 61 с.
7. Социально-экономические показатели регионов, входящих в Южный Федеральный округ за 2001 г. - Волгоград: Волгоградский областной комитет государственной статистики, 2002. - 61 с. Информационные источники сети Internet
8. <http://www.economy.gov.ru> - Сервер Министерства экономики РФ, содержащий аналитические и статистические материалы о социально-экономическом развитии регионов РФ. По адресу <http://www.economy.gov.ru/an2000.html> размещен аналитический материал «О комплексной оценке уровня социально-экономического развития регионов России и степени использования регионами инициативной привлекательности в 2000 году», использованный при подготовке аналитического отчета.
9. <http://www.lpur.tsu.ru/> - Сервер лаборатории самоорганизации геосистем Томского государственного технического университета. Содержит материалы постоянно действующего научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе» (в частности, материалы четвертого всероссийского семинара «Самоорганизация и организация власти»).
10. <http://sci.aha.ru/> - Сервер «Популярная наука», содержащий электронные базы данных (в том числе материалы статистических сборников «Регионы России») и предоставляющий OLAP-средства для их обработки и представления в виде электронных карт.

С.К. Уалиева

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С. Аманжолова
г. Усть-Каменогорск

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭТНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Актуальность исследования семейно-брачных отношений объясняется их значением для характеристики процессов воспроизводства населения.

и подства населения, воздействием семьи и брака на репродуктивное поведение. Изучение демографических характеристик семейного брачного поведения в этническом аспекте позволяет выявить общие тенденции и отличия процессов брачности основных этносов Восточного Казахстана – казахов и русских, и прогнозировать динамику дальнейшего развития.

В настоящее время процессы брачности испытывают значительные перемены: происходит увеличение среднего возраста вступления в брак, снизились показатели регистрируемой брачности, число разводов в некоторой степени стабилизировалось. В последнее десятилетие XX века наблюдалось значительное снижение общих коэффициентов брачности у населения Восточно-Казахстанской области (ВКО). Практически, в области эти показатели сократились почти вдвое, с 9,9 промилле в 1989 году – до 5,4 промилле в 1999 году, таблица 1 [1, с. 30; 2, с. 34]. Причинами снижения числа регистрируемых браков явились трудности переходного периода, проблемы социально-экономического свойства.

Таблица 1

Динамика абсолютных чисел браков и разводов, общие коэффициенты брачности и разводимости по Восточно-Казахстанской области, 1989-2003 гг., на 1000 человек

Год	Число браков	ОКБ (у)	Число разводов	ОКР (у)
1989	17491	9,9	5320	3,0
1990	17035	9,6	4872	2,7
1991	17245	9,7	5263	3,0
1992	15502	8,7	5572	3,1
1993	15512	8,7	5256	2,9
1994	12609	7,2	4854	2,8
1995	11751	6,9	4330	2,5
1996	10634	6,3	4800	2,9
1997	10133	6,2	4207	2,6
1998	9296	5,7	4237	2,6
1999	8231	5,4	3366	2,2
2000	8764	5,8	3521	2,3
2001	8825	5,9	3652	2,4
2002	9571	6,5	4120	2,8
2003	9982	6,8	3967	2,7

Источник: Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО «Демографический ежегодник ВКО», Усть-Каменогорск, 2000, 43 с., с. 30.; Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО «Демографический ежегодник за 2003 год», Усть-Каменогорск, 2004, 43 с., с. 30.

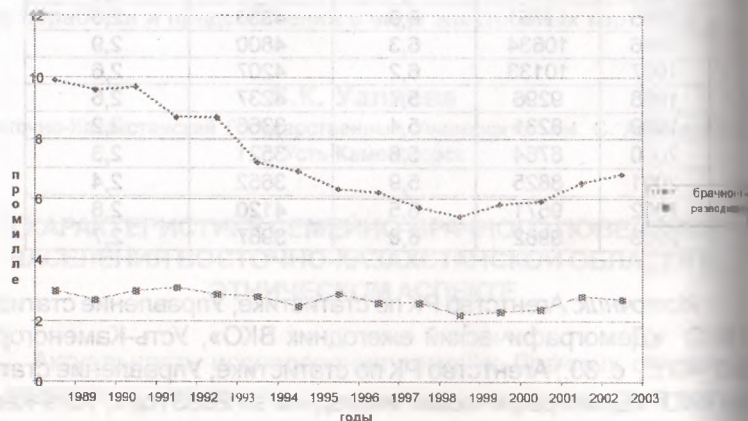
ногорск, 2004, 48 с., с. 34.

Динамика развития общих коэффициентов брачности и разводимости представлена на рисунке 1. По данным Управления статистики ВКО, после 1999 года, наметился некоторый рост численности показателей регистрируемых браков с 5,8 промилле в 2000 г. до 6,8 промилле в 2003 г., таблица 1. В первую очередь - оказывая влияние «демографическая волна», то есть значительная доля населения в молодых возрастах, вступивших на «брачный рынок», которым свойственно вступление в первый брак. Во-вторых, улучшение и стабилизация социально-экономического положения оказывают в свою очередь, положительное воздействие на рост числа регистрируемых браков, до этого бывшими фактическими сожительствами. Среди них как первые, так и повторные браки.

В третьих, в числе зарегистрированных браков в последние годы определенная доля приходится на повторные браки (причем в городах удельный вес повторных браков выше). В настоящее время в России, по определению Медкова В.М. [3, с. 151], все большее распространение получает *серийная моногамия*, то есть повторные, главным образом послеразводные браки мужчин и женщин. По статистическим данным, в ВКО повторные браки также становятся обычным делом. Например, в области с 1999 по 2004 годы доля вступивших в повторный брак увеличилась для мужчин с 10,1% до 43,3%, а для женщин - с 14,5% до 42,4% [Рассчитано по с. 26-27; 2, с. 30-31]. При этом подавляющее большинство повторных браков было заключено после развода (более 80% как для мужчин, так и для женщин).

Рисунок 1

Общие коэффициенты брачности и разводимости населения ВКО

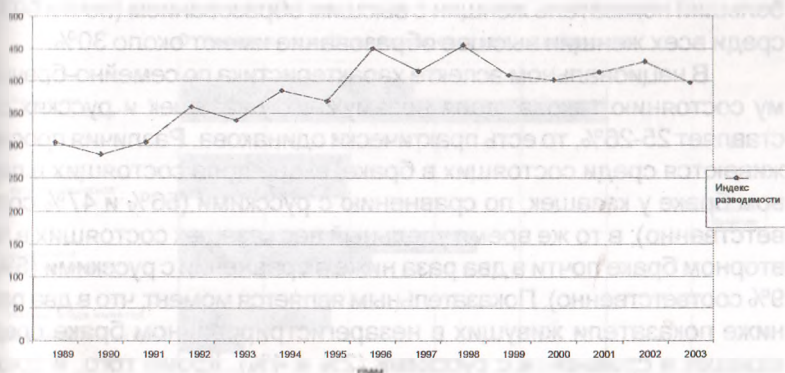

Рассчитано по: 1, с. 30; 2, с. 34

В начале XXI века наблюдается незначительное увеличение числа разводов с 2,2 промилле в 1999 г. — до 2,8 промилле в 2002 году, таблица 1. Для широкой публики чрезвычайно популярной характеристикой разводимости является отношение годового числа разводов к годовому числу браков, этот показатель называют *индексом разводимости* [3, с. 182]. Данный показатель может использоваться для первичной характеристики изменений уровня разводимости. На рисунке 2. представлен рассчитанный индекс разводимости по Восточно-Казахстанской области, в динамике четко прослеживается увеличение показателя во второй половине девяностых годов. Объяснением такого увеличения служит тот факт, что произошло значительное снижение числа регистрируемых браков, а число разводов снизилось незначительно, в итоге это отразилось на индексе разводимости.

Рисунок 2

Динамика разводимости в ВКО, 1989-2003 гг. Разводов на 1000 браков

Рассчитано по: 1, с. 30; 2, с. 34

Особый интерес представляют различия семейно-брачного поведения казахского и русского населения, поскольку именно их характеристики являются определяющими. По данным статистики сложно выявить определенные аспекты семейно-брачного поведения в национальном разрезе. Специальные исследования дают возможность более углубленно изучить этнические различия в представлениях по отношению к незарегистрированным бракам, внебрачным рождениям, к разводам, к определенному числу детей в семье.

В настоящей статье представлена характеристика семейно-брачных отношений на основании разработки исследования по теме «Репродуктивные установки женщин Восточно-Казахстанской области», проведенного в 2003 году НИИ Демографии ВКГУ им. Аманжолова, значительный блок вопросов отводился исследованию именно семейно-брачных отношений, поскольку они являются важными характеристиками в формировании репродуктивного поведения. В ходе исследования выявлен этнический аспект представлений респондентов о семье и браке, о многодетных семьях, мнения о разводах.

По семейно-брачному состоянию в полученной выборке распределение следующее: «не замужем» - 26%, «замужем в первый раз» - 51%, «замужем во второй, третий ... раз» - 7%, «замужем, но живем раздельно» - 2%, «в незарегистрированном браке» - 3%, «разведена» - 5,5%, и «вдова» - 5,5% респондентов. Результаты исследования обозначили наличие незарегистрированных браков. При сопоставлении по уровню образования и семейного положения значительные отличия проявились у разведенных – среди них наибольший показатель женщин с высшим образованием (почти 50%), среди всех женщин высшее образование имеют около 30%.

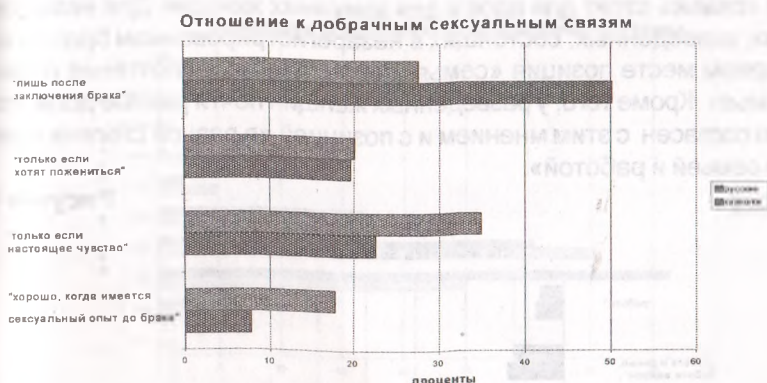
В национальном аспекте характеристика по семейно-брачному состоянию такова: доля незамужних у казашек и русских составляет 25-26%, то есть практически одинакова. Различия прослеживаются среди состоящих в браке: выше доля состоящих в первом браке у казашек, по сравнению с русскими (56% и 47% соответственно); в то же время удельный вес казашек состоящих в повторном браке почти в два раза ниже в сравнении с русскими (5% и 9% соответственно). Показательным является момент, что в два раза ниже показатели живущих в незарегистрированном браке среди казашек в сравнении с русскими (2% и 4%). Кроме того, и среди разведенных удельный вес казашек ниже. Обозначенные характеристики свидетельствуют о большем распространении повторных и незарегистрированных браков среди русских, и о большей стабильности первого брака у казашек.

Вопрос об отношении к добрачным сексуальным связям был включен для выявления взаимодействия института брака и сексуальных отношений, насколько сильны традиционные установки, принимающие сексуальные отношения только после заключения брака. По отношению к добрачным сексуальным связям выявлено, что в большей степени респонденты считают их приемлемыми «лишь после заключения брака» (39%), затем идет позиция «только если

настоящее чувство» (29%), далее позиция «только если хотят пожениться» (20%), и только после этого одобрение «хорошо, когда имеется сексуальный опыт до брака» (13%). При рассмотрении ответов в возрастном аспекте более лояльное и приемлемое отношение к добрачным связям приходится на молодые возрастные группы.

В национальном аспекте ситуацию демонстрирует рисунок 3. Среди казашек 50% считают допустимыми сексуальные отношения лишь после заключения брака, у русских почти в два раза ниже этот показатель. В то же время, в два с лишним раза выше доля русских, одобряющих сексуальный опыт до вступления в брак. По позиции в ответах допустимости добрачных связей «если настоящее чувство», у русских респондентов доля ответов значительно выше. В ответах по данному вопросу четко прослеживается разница в этническом аспекте, причем более лояльное и одобрительное отношение отмечено как для молодых возрастных групп, так и для русских респондентов.

Рисунок 3

Изучение представлений о понимании «семьи» выявило следующие ответы. Большинство респондентов включает в это понятие «мужа, жену и детей» - 56%, следующей идет позиция «муж и жена» - 22%, затем «муж, жена, дети, родители мужа и жены» - 15%. Таким образом, в основном в понимании опрашиваемых преобладает представление о нуклеарной семье. Причем в национальном разрезе значительных отличий не отмечено.

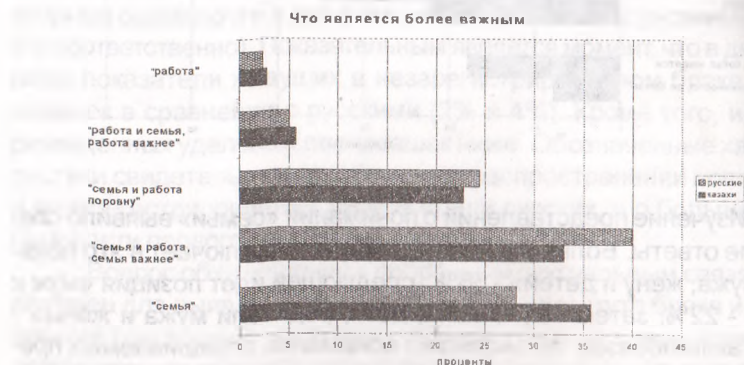
Рассмотрение мнений о важности семьи или работы проде-

монстрировали, что более важным для всех респондентов является семья – 69%. При этом, на первое место семью по степени важности поставили казашки – 36%, далее «семья и работа, но предпочтение отдаю семье» – 33%. У русских аналогичные показатели составили 28% и 40%.

Более традиционные взгляды у казашек, по иерархии ценностей на первом месте, безусловно семья, рисунок 4. Для русских женщин свойственно первоочередное определение и семьи и работы, с предпочтением семье. По мнению о равном значении семьи и работы, позиции казашек и русских совпадают, и составили 23-24%. В то же время, и по остальным позициям мнения также аналогичны. При этом, на первое место работу поставили только 2% респондентов. При рассмотрении позиции «работа и семья, с предпочтением работе» выбрали всего лишь 5,5%. Изучения мнения в данном вопросе показали значение большой важности семьи, данный момент является бесспорным с точки зрения гендерной характеристики.

Изучение материалов в этом вопросе по брачному состоянию имеет определенное значение. На первом месте по значимости «семья» стоит для вдов и для замужних женщин. Для незамужних, разведенных, состоящих в незарегистрированном браке – на первом месте позиция «семья и работа, но предпочтение отдаю семье». Кроме того, у разведенных женщин почти равные доли тех, кто согласен с этим мнением и с позицией «в равной степени между семьей и работой».

Рисунок 4

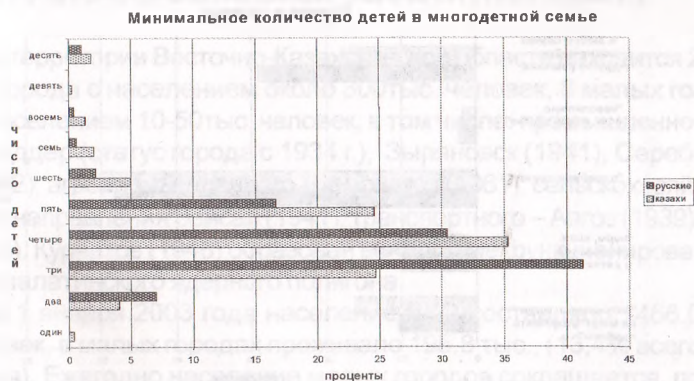

Ответы на вопрос «о распределении ролей супругов в семье и на работе» показали, что большинство респондентов – 63% считают необходимым «в равной мере распределение обязанностей о

и семье» между мужем и женой. Следующей по значимости традиционная позиция «муж должен зарабатывать деньги, а женщина заниматься о доме и детях». По обозначенным двум позициям у казашек и русских почти полное совпадение мнений. В отношении позиции, что «супруги должны договориться, сколько будет детей», мнения разошлись по этническому признаку: 12% русских согласны, у казашек только 6% придерживаются такого мнения. Разница ответов составила: в два раза выше показатель у русских, то есть, они придерживаются более демократичных отношений в принятии решений в семье.

Рассматривались ответы о понятии «многодетные семьи», рисунок 5. Минимальным числом детей в многодетной семье являлись по степени убывания: три, четыре и пять детей. В то же время большее число детей называли респонденты казахской национальности, в первую очередь минимальное число детей в многодетной семье – четыре ребенка (35% ответов), затем три и пять детей (по 27%). У русских минимальное число в многодетной семье – три (33%), затем четыре (33%), затем пятеро детей (21%).

Рисунок 5

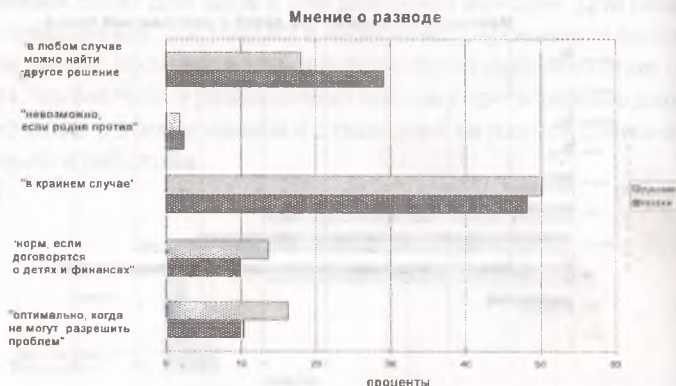
Отношение к многодетным детям в большей степени положительное у казахов — значительно выше число ответов одобряющих и уважающих такие семьи (35% у казахов, и 27% у русских). Одним из важных факторов, повлиявших на результаты, является тот факт, что сами респонденты или их родители выросли из таких семей. Поскольку до начала девяностых годов XX века у казахов, в особенности проживавших в сельской местности, нередко были многодетные семьи, то есть расширенный тип воспроизводства. У русских в два раза выше доля ответов, не одобряющих многодетность (23% у русских, и 12% у казахов). Традиционная многодет-

ная семья, в которой большое количество детей, в основном приемлемо респондентами казахской национальности.

По отношению мнения «о разводе», в основном респонденты допускают развод «только в крайнем случае» около 50% ответов. Далее идет позиция, что «в любом случае можно найти другое решение» - 24% ответов. Затем следуют позиции «оптимальный выход, если супруги не могут разрешить проблемы» - 13%, и «нормально, если могут договориться в отношении детей, финансов и т.д.» - 12% ответов.

В этническом аспекте ситуацию демонстрирует рисунок 6. Четко прослеживается дифференциация в ответах «в любом случае можно найти другое решение» 30% у казашек, и 18% у русских, то есть для респондентов казахской национальности характерно стремление найти выход из сложившейся ситуации, не доводя дело до развода. В позициях «оптимальное решение, когда не могут разрешить проблемы» процент ответов выше у русских 16%, и у казашек 10%. Для русских свойственно более лояльное и приемлемое отношение к разводу, в сравнении с казашками.

Рисунок 6

В целом, на рубеже веков выявлены изменения в стереотипах семейно-брачного поведения, получают распространение новые тенденции: лояльное отношение к гражданским бракам, разводам, добрачным сексуальным отношениям, увеличение среднего возраста вступления в регистрируемый брак, рост числа повторных браков. Получили распространение незарегистрированные браки. По данным исследования выявлена значительная дифференциация в установках по национальности: для русских характерным является переход к современному типу семейно-брачных отношений; для казахов свойственно наличие традиционных установок и представлений.

лений. На рубеже XX-XXI веков наблюдается сближение тенденций в семейно-брачном поведении городского населения, без этнических различий, на что влияют процессы урбанизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО «Демографический ежегодник ВКО», Усть-Каменогорск, 2000. - 43 с.
2. Агентство РК по статистике, Управление статистики ВКО «Демографический ежегодник за 2003 год», Усть-Каменогорск, 2004, - 48 с.
3. Медков В. М. Основы демографии: учебное пособие. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003. - 448 с.

А.С. Уалтаева

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1999-2002ГГ.)

На территории Восточно-Казахстанской области находится 2 крупных города с населением около 300тыс. человек, 8 малых городов с населением 10-50тыс. человек, в том числе: промышленного типа Риддер (статус города с 1934 г.), Зыряновск (1941), Серебрянск (1962), агропромышленного-Шемонаиха(1961), сельскохозяйственного направления Зайсан (1941), транспортного – Аягоз (1939), Шар (1963). Курчатов (1948) образован вследствие функционирования Семипалатинского ядерного полигона.

На 1 января 2003 года население ВКО составляло 1466.0 тыс. человек, в малых городах проживало 195.8 тыс., (13,4% всего населения). Ежегодно население малых городов сокращается, по сравнению с 1999 годом население Аягоза уменьшилось на 0,78%, Зайсана - 3,75%, Зыряновска - 2,27%, Риддера - 3,08%, Серебрянска -5,9%, Шара -7,52%, Шемонаихи -9,04%, только в Курчатове наблюдается увеличение населения (на 1,07%). Главной причиной долговременного снижения стало падение рождаемости. В расчёте на 1000 человек населения коэффициент рождаемости в целом по области в 2002 году составил 11.6, а в малых городах 11,94. Естественный прирост наблюдался в Аягозе, Зайсане, Курчатове, Шаре, естественная убыль в - Риддере, Зыряновске, Серебрянске, Шемонаихе (таб. №1).

Смертность – второй компонент формирования естественного прироста населения.

Таблица 1

Численность и естественное движение населения малых городов ВКО 1999-2002гг.

Аягз	Годы	Чис-ть нас.(тыс.)	Рождаемость	Смертность	Ест. прирост
Аягз	1999	38,3	722	374	348
	2000	38,4	675	331	344
	2001	38,5	588	405	183
	2002	38	681	378	303
Зайсан	1999	16	227	161	66
	2000	16	205	175	30
	2001	15,8	199	108	91
	2002	15,4	204	135	69
Зыряновск	1999	44	375	824	-449
	2000	43,4	379	768	-389
	2001	42,7	375	796	-421
	2002	41,7	379	765	-386
Курчатов	1999	9,3	156	89	67
	2000	9,3	126	83	43
	2001	9,4	112	60	52
	2002	9,4	131	81	50
Риддер	1999	55,1	512	1010	-508
	2000	55,1	512	1063	-551
	2001	54,3	487	1019	-532
	2002	53,4	503	1100	-597
Серебрянск	1999	11,9	77	191	-114
	2000	11,6	82	193	-111
	2001	11,6	90	180	-90
	2002	11,2	58	178	-120
Шар	1999	9,3	156	98	28
	2000	9,3	126	98	25
	2001	9,1	102	102	119
	2002	8,6	133	104	29
Шемонаиха	1999	19,9	180	335	-155
	2000	19,6	181	332	-151
	2001	19	222	316	-94
	2002	18,1	204	368	-164

Данные текущей статистики облстатуправления 2003г.

Ежегодно число умерших по области увеличивалось, в 2002 году по сравнению с 1999 годом, на 2,1%, по малым городам на 4%. В общем виде причинная структура смертности населения области в 2002 году существенно не изменилась – «лидирующие» причины смерти сохранили свои ранговые позиции. На первом месте традиционно находились болезни сердечно-сосудистой системы. Их удельный вес в 2002 году возрос до 52.5% (в 1990 г. – 47.6%). Второе место заняли несчастные случаи, отравления, травмы (14.4%), третье – новообразования (14.2%), четвертое – болезни органов дыхания (5.6%). Пятую позицию заняли болезни органов пищеварения (3.2%), шестую – старости и другие недостаточно обозначенные состояния (2.4%).

Таблица 2

Рождаемость, смертность (в том числе младенческая) в малых городах ВКО в 1999 и 2002 год. (на 1000 населения)

город		Аягоз	Зайсан	Зыряновск	Курчатов	Серебрянск	Шар	Шемонаиха	Риддер
вмест. рожд.	1999	17,58	13,06	8,83	13,55	7,07	13,37	9,38	9,29
	2002	17,92	13,25	9,09	13,94	5,18	15,47	11,27	9,42
смертн.	1999	8,62	11,15	17,9	8,92	16,64	10,65	17,2	19,29
	2002	9,95	8,77	18,35	8,62	15,89	12,09	20,33	20,6
Млад. смертн. на 1000 р-од-ся	1999	17,8	39,0	34,4	30,2	12,2	24,4	38,7	26,8
	2002	13,2	49,0	34,3	8,9	11,1	22,6	24,0	13,9

Данные текущей статистики облстатуправления 2003г.

Данные таблицы №2 фиксируют тенденцию роста общего коэффициента смертности. В то же время, наблюдается тенденция некоторого увеличения общего коэффициента рождаемости (за исключением г. Серебрянск) и сокращения младенческой смертности (за исключением г. Зайсан). Рост коэффициента рождаемости является, скорее всего, следствием действия второй демографической волны – в начале XXI века в репродуктивный возраст вступает значительная часть населения. Данное явление, тем не менее, сказалось положительно на брачной структуре.

За последнее время количество ежегодно заключаемых брачных союзов в области сокращается. В 2002 году по области заключено 9.6 тыс. браков, в малых городах 7,6 тыс. Общий коэффициент брачности, рассчитываемый как отношение числа браков за год к среднегодовой численности населения, уменьшается. Средний возраст вступающих в брак имеет тенденцию к увеличению по всем малым городам, также как и рождение детей вне брака. На 1000 городских жителей ВКО за год зарегистрировано 7.0, в малых городах 6,1 браков (таб. №3).

Уровень разводимости определяется социально-культурными и законодательными нормами государства. Число разводов, как и коэффициент разводимости по области в 2002 году по сравнению с 1999 годом, увеличился и составил 3,86‰, в малых городах 3,36‰. Некоторое число разводов не зафиксировано юридически, т.к. требует для оформления материальных и финансовых затрат.

Таблица 3

**Общий коэффициент брачности и разводимости
в ВКО и малых городах 2002 г.**

Город брачн.сост.	ВКО	Аягоз	Зайсан	Зырян	Риддер	Курчатов	Серебрянск	Шар	Шемонаиха
Брачность	7	5,2	4,65	6,25	7,58	5,5	4,87	5,11	10,32
Развод-сть	3,86	3,19	2,29	3,84	4,79	4,06	1,91	2	6,22

Данные текущей статистики облстатуправления 2003г.

Миграция является одним из существенных факторов изменения численности и территориального размещения населения. Наряду с естественными потерями населения, в области наблюдается миграционная убыль. В течение последних трёх лет убыль от миграционных потерь стабилизировалась, составив ежегодно 14-15 тысяч по ВКО, направления миграций стабильны. В 2002 году население продолжало выезжать из Риддера, Серебрянска, Шемонаихи за пределы Республики, жители Аягоза, Шара, Зайсана активнее участвуют в межобластной миграции.

Таблица 4

Миграция населения малых городов в 1999 и 2002гг.

Город Нап-рав-е мигр.	Аягоз	Зайсан	Риддер	Зырян	Курчатов	Серебрянск	Шар	Шемонаиха
Прибыло 1999	709	363	1014	784	416	272	151	89
2002	1009	612	899	1271	540	126	81	69
Выбыло 1999	1141	646	1195	1025	460	240	371	456
2002	1386	702	1284	1484	421	296	433	511
Сальдо 1999	-	-	-	-	-	-	220	-
миграц. 2002	-432	-283	-181	-241	-44	32	-	-367
	-377	-90	-385	-213	119	-170	352	-442
Внешняя 1999	-	-	-	-	-	-	-	-
миграция 2002	-59	-4	-280	-341	-69	-11	-59	-182
	-62	-5	-614	-624	-123	-92	-54	-206
Межобл. 1999	-	-	-	-	-	-	-	-
миграц. 2002	-386	-189	83	11	-21	-8	-73	-35
	-458	-173	69	-11	31	-23	-71	-34
Внутриобл. 1999	-	-	-	-	-	-	-	-
миграция 2002	13	-90	16	89	46	51	-88	-150
	143	88	160	425	211	-55	227	-202

Данные управления миграции и демографии ВКО 2003год

Основная часть миграционного обмена области со странами СНГ по-прежнему приходится на Россию, Узбекистан, Кыргызстан. Причём Россия, Украина и Беларусь являются для области странами миграционных оттоков, а Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан – притоков. Заметным явлением в миграционных процессах последних лет стала эмиграция восточноказахстанцев за пределы стран СНГ. Из стран дальнего зарубежья, основным направлением оттока населения оставалась Германия. За пределы республики в 2002 году из малых городов выехало 1780 человек.

Одним из основных факторов, удерживающих людей в любой местности, является наличие работы и высокая заработная плата. В 2002 году стабилизируется экономическое развитие области. В Зырянновске, Курчатове, Серебрянске, Шемонаихе функционируют промышленные предприятия, где занято более 70% населения, объем промышленного производства по малым городам составил 21862,9млн.тенге.

В Аягозе, Шаре в транспортном обслуживании занято около 10% населения, объем промышленного производства составил 110,4млн.тенге, Зайсане – 50,4% занято в личном сельскохозяйственном производстве, здесь самые высокие показатели по выпуску сельскохозяйственной продукции.

Индекс реальной заработной платы в 2002 году увеличился по сравнению с 1999 годом в Зайсане на 1,1%, Курчатове на 1,06%, Шаре на 1,7%, Шемонаихе на 1,27%, Аягозе на 1,02%, в Зырянновске уменьшился на 1,2%, Серебрянске на 1,08%, Риддере на 1,26%. Уровень безработицы по области составил 7%, по малым городам этот показатель выше, в частности в Серебрянске, Шемонаихе, Аягозе, Курчатове, Зырянновске.

Таблица 5

**Занятость населения и уровень безработицы
в малых городах ВКО 2002 год**

Город	Аягоз	Зайсан	Зырян	Курчатов	Серебря	Шар	Шемонаиха
занятость							
эконом. активное	18678	6817	20546	4645	5532	4179	9500
занятые	16997	6390	18987	4232	4713	3894	8645
эконом. активное	7701	3576	12544	1917	3363	1906	4907
трудоспособные	3428	1698	5704	1035	1688	917	698
уровень безработ.	9	6,3	7,6	8,9	14,8	6,8	9

Данные текущей статистики облстатуправления 2003г.

Наряду с развитием производства налаживалось социальное и культурное обеспечение населения. Во всех малых городах функционируют школы, больничные учреждения, центры культуры, клубы, библиотеки. В 11 школах Аягоза обучалось 20,5% от общей численности населения, в 6 школах Зайсана 26%, в 11 школах Зырянновска 17%, в 3 школах Курчатова 15,95%, в 6 школах Серебрянска 16%, в 4 школах Шара 24,4%, в 5 школах Шемонаихи 17,1%. Наибольший удельный вес учащихся наблюдается в Аягозе, Зайсане, Шаре. Здесь возрастная группа от 6 до 17 лет, в перспективе станет как репродуктивной, так и миграционно активной частью населения. Обратная ситуация наблюдается в Зырянновске, Курчатове, Серебрянске, Шемонаихе.

Автором был проведен социологический опрос среди студентов первого курса Восточно-Казахстанского Государственного технического университета им. Д.Серикбаева, с целью выявления перспективных после вузовских планов. Из общего числа опрошенных, 242 студента очной и заочной формы обучения приехали из малых городов. На вопрос, вернутся ли они после окончания университета домой, положительный ответ дали 11% студентов, скорее вернутся 18%. На вопрос, останутся ли они в области, мигрируют ли за пределы области, республики, стран СНГ, ответы выстроились следующим образом: 34% планируют остаться работать в области (почти все в Усть-Каменогорске), 8% готовы мигрировать за пределы ВКО, 10% желали бы выехать за пределы Республики, 15% мечтают выехать в дальнее зарубежье, остальные еще не определились в своих планах. В основе такого выбора лежит материальная заинтересованность молодых людей. Вернуться в малые города на работу уже будучи специалистом, планируют в основном представители Аягоза, Шара, Зайсана, где труд технически образованного человека пользуется не только спросом, но и уважением среди горожан. Они видят перспективу начать свой частный бизнес.

Таким образом, тенденция сокращения общей численности населения области в малых городах проявилась еще в 70-х годах. В значительной степени на динамику демографических процессов оказывает этнический состав населения. Малые города можно разделить на две группы, в первую входят промышленно развитые Зырянновск, Курчатова, Серебрянск, Шемонаиха. Здесь наиболее выражены такие процессы, как низкая рождаемость, высокая смертность, старение населения, уменьшение брачности, увеличение разводимости, установка на малодетность, активная миграция пока еще преобладающего русского, украинского, немецкого населения.

Города Зайсан, Аягоз, Шар отличаются преобладанием сельскохозяйственного производства, титульного населения, молодой возрастной структурой. Для стабилизации ситуации необходимо наделить малые города административно-территориальными функциями, открывать средние профтехобразовательные учебные заведения, колледжи. Малые города могут стать привлекательными для выпускников сельских школ, оралманов, которые хотели бы, при хороших бытовых условиях обучать своих детей, параллельно занимаясь привычным сельскохозяйственно-животноводческим производством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Текущие статистические материалы Агентства Республики Казахстан по статистике Восточно-Казахстанской области. г.Усть-Каменогорск 2002г.
2. Материалы Управления миграции и демографии по ВКО. г.Усть-Каменогорск 2002г.
3. Материалы архива загса №1, №2 Управления юстиции ВКО. г.Усть-Каменогорск, г. Семипалатинск 2002г.
4. Материалы социологического опроса студентов первого курса ВКГТУ им. Д.Серикбаева. г.Усть-Каменогорск 2003г.

В. В. Фоминых

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НИЩЕТА ЕВРАЗИЙСТВА

Глобализация есть необходимый результат естественно-исторического развития человечества, способ проявления единства всемирно-исторического процесса. Однако факторы единства мировой истории определяются далеко не идентично. Так, К. Маркс исходил прежде всего из «материальных отношений», благодаря которым образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества» [1. С.22]. Согласно К. Ясперсу мировая история, т. е. сложение «единого мира человечества на земном шаре» из «конверсата локальных историй» происходит на основе «общности высших духовных ценностей» [2. С.25, 52, 55].

Однако в последнее время в связи с форсированной интрузией в общественное сознание пресловутого «цивилизационного подхода» преимущественно обнаруживается аугментация непонимания и неприемле-

мости общих истоков и оснований единства исторического процесса, его инвариантности. В соответствии с учением об «этносфере» позднего евразийца Л. Н. Гумилева «так называемая всеобщая история есть лишь механическая совокупность знаний об истории различных суперэтносов, так как... никакой феноменологической общности историческое человечество не представляет» [3. С. 72]. Распространены суждения об изначальной заданности, запрограммированности, предопределенности развития цивилизаций, незываемости их «мира ценностей» [4.].

Декларируется жесткая дихотомия «Восток — Запад», т. е. разделение на два принципиально различных мира: «мир созерцания» с типом циклического развития и «мир воли и рассудка» (тип прогрессивного развития) [5. С. 8, 52, 331]. На тезисе о противостоянии «между двумя старыми и противоположными культурами духовного Востока и материалистического Запада» зиждется и идеология евразийства [6. С. 20].

При этом забывается, что генетически гиперболизация противопоставления Востока Западу восходит к «теориям» колониальной эпохи, когда «культуртрегеры» сочиняли мифы о «неполноценности» народов Востока, коим присущи инертность, созерцательность, мечтательность и пр., а в ответ получили контрмиф о «деградировавшем» Западе с его рассудочностью, беспринципным прагматизмом, имморализмом, мизантропией [7. С. 260].

Вместе с тем Запад и Восток уже с древности не были непримиримыми субстратами, но взаимообогащали друг друга (например, христианство, родившись в Азии, востребовалось в Европе). Теперешнее могущество Запада в значительной мере сопряжено с тем, что он с выгодой для себя использовал вступление в соприкосновение с иными общественными системами (вспомним крестовые походы, великие географические открытия и последующую за ними колонизацию и др.).

В то же время заметим, что и на Западе, и на Востоке можно уловить «бесконечные вариации и градации» (К. Маркс), разнообразие конкретно-исторических форм развития, что делает крайне непродуктивной идею подогнать как тот, так и другой «мир» под окостенелые стандарты, «деколорировать» историю (не зря Вл. Соловьев писал о «Востоке Ксеркса» и «Востоке Христа»).

Столь же сложно согласиться с широко распространенной сегодня (в частности, в казахстанской литературе) метафизической абсолютизацией и утрированием «этнической самобытности», «уникальности», «неповторимости национального бытия» и т. п. Одно

целей подобных сентенций является стремление опровергнуть универсальный закон неравномерности общественного развития, а следовательно, наличие доминанты в современном мировом экономическом и политическом пространстве в лице Запада (безусловно, не исключающей обратную связь).

Ясперс, заявляя о невозможности «игнорировать огромный мир Азии», подчеркивал, что как раз народы Запада «совершили исторический прорыв. Они положили начало подлинно мировой, глобальной истории человечества» [2. С. 85, 91].

Еще в начале прошлого столетия горячий сторонник универсализма Р. Тагор, названный Р. Ролланом «духовным посланником Азии в Европе», ратуя за «сотрудничество между Западом и Востоком» как способ достижения «величественной гармонии всех человеческих рас», в разгар британской колонизации Индии отмечал: «Нынешняя попытка отделить наш дух от духа Запада является попыткой духовного самоубийства... В нынешний век доминирует Запад... Мы на Востоке должны учиться у Запада... Никакая нация не может обрести спасение путем отрыва от других. Мы все должны быть спасены, или должны погибнуть вместе» [Цитируется по 8. С. 189].

Отсутствие глобального противоположения и самодостаточности цивилизаций доказывается выходом восточных стран на путь капиталистической модернизации, причем даже неумеренные поклонники цивилизационного подхода вынуждены признать, что больших успехов в развитии добились те страны, где модернизация приняла комплексный характер [9. С. 150–153]. Системная трансформация в той или иной степени охватила даже страны с ярко выраженной религиозной ментальностью, например, Иран, считающийся оплотом исламского фундаментализма [10].

Особенно упрочилось воздействие Запада на формирование глобального единства мира после снятия социалистической альтернативы глобализации. Развал СССР явился следствием не только сепаратизма «националистической партийной элиты и представителей уголовно-теневой экономики», но и «вкрадчивой агрессии» западных стран, главным образом, США [11. С. 695, 698]. Крушение мировой системы социализма привело к деструкции геополитического гомеостаза: «биполярный мир... заменен однополярным миром во главе с Соединенными Штатами Америки» [12. С. 117–118].

Младогосударства, оказавшиеся аутсайдерами мировой политики, вынуждены встраиваться в изменившееся историческое

пространство, соизмерять свои запросы и аппетиты со вкусами и жизненными интересами супердержав-гигантов, превращаться в «страны легкого поведения», демонстрировать свою лояльность фаворитам в надежде приобрести максимально возможные преференции, играть по правилам нового, монополярного, мира.

В современной исторической ситуации воскрешение идеологии евразийства кажется весьма симптоматичным. С одной стороны, это так или иначе ставит под сомнение пропагандистские стереотипы о Западе как о «земном рае», апофеозе свободы и др., отражает подспудный протест против ускоренной, подчас грубой, силовой американизации миропорядка, имперских амбиций США, обнажившихся с циничной откровенностью. Но с другой стороны, евразийство не способно составить достойную конкуренцию «сюрреалистическому» неокапитализму, апологизируя авторитарические режимы, внешне прикрытые либерально-демократическим лоском.

Истоки евразийства нетрудно обнаружить в официальной охранительной идеологии царской России и консервативных политических концепциях, проповедующих исключительную роль России в мире, ее альтернативность западным политическим, правовым, идеологическим формам («патриархальная народная монархия» со «всесветлым единением во имя Христово» у Ф. М. Достоевского, «третья сила», противостоящая «мусульманскому Востоку» - «твердыне мертвого единства» и «западным цивилизациям» - «всеобщему эгоизму и анархии» у раннего В. С. Соловьева, «Всеславянская федерация» как «противовес Европе» у Н. Я. Данилевского, «великий Восточно-православный союз» во главе с Россией у К. Н. Леонтьева).

При всех своих нюансах консервативные течения российской политической мысли вращались в порочном круге самодержавия, православия, народности, за пределы которого не истекали их утопические идеалы, рухнувшие в феврале 1917 г. К. Н. Леонтьев - непосредственный предтеча евразийства (ибо он узрел в России «наиболее азиатскую нацию») - последовательно нигилистически относился к либерально-европейской внутренней политике на родине, считая даже робкие ее шаги «ужасными» и «презренными», а во внешнеполитическом курсе являлся приверженцем воинствующе-агрессивного панславизма («византизма») [13]. В связи с этим никак невозможно согласиться с утверждением, что «евразийство явилось... продолжением и развитием наиболее существенных и плодотворных идей духовной культуры русского народа» [14. С. 192].

Духовные преемники российского консерватизма в полной

мере восприняли прокламации не только о самобытности, самодостаточности и альтернативности России («Евразии»), но и о ее глубочайшей враждебности «западным» ценностям. Так, Н.С. Трубецкой заявлял: «Романо-германский мир - наш злейший враг, мы должны безжалостно свергнуть и растоптать кумиры западных общественных идеалов» [Цитируется по :15. С.500]. Другой евразиец, Э. Хара-Даван мечтал о том времени, когда Россия «пошлет... своих сынов под предводительством нового Чингис-хана на завоевание «гнилого Запада» [6.С. 23].

Не вызывает сомнений, что на евразийстве (как и на его предшественниках) в немалой степени лежит ответственность за возникновение на Западе штампов об извечной агрессивности России и СССР, перманентно угрожающих западному миру. Рецидивы подобных убеждений нередки и в отношении стран постсоветского пространства. К примеру, Казахстан в обыденном сознании американского обывателя часто «стоит в одном ряду с Афганистаном и Пакистаном», ассоциируется «с чем-то воинственным и опасным».

Воодушевившись первой мировой войной, Октябрьской революцией, шпенглеровским «Закатом Европы», ранними опытами фашизма, а затем Великим кризисом 1929-1933гг., евразийцы не избавились от одной из самых уязвимых ахиллесовых пят консерватизма - взгляда, по которому «творческие созидательные силы» западной цивилизации «вступили... на нисходящую сторону своего пути» [16. С.172]. Видя недостатки либерального капитализма, евразийцы противопоставили ему «типичную утопию тоталитарного типа» [15. С.510], в основе которой лежат принципы демотического государства с «единым правящим слоем», идеократии (монополии «национальной идеи-правительницы»), симфонии церкви и государства, соборной религиозно-нравственной воли как основы права и т.д. [Там же. С.504-509].

Понятно, что евразийская идея импонирует авторитарным режимам с «карманным» парламентаризмом, декоративной многопартийностью, дозированным плюрализмом, единственными «правильно выбранными» целями и т.д. При этом сама идея евразийства навязывается обществу сверху в качестве императивной организациональной идеи.

Столь активное лоббирование евразийства именно в Казахстане не случайно еще и потому, что оно льет бальзам на души этноцентристов, увидевших в нем великолепное средство под предлогом борьбы с «европоцентризмом» возвысить за счет Запада не весь Восток, а только его «монголо - туранский» компонент

(«буддийская культура Азии с идеалом богочеловека» неприятна евразийцам не меньше, чем «духовное засилие Европы»).

Если одни авторы повторяют набившие оскомину измышления об исключительно благотворной роли монгольского завоевания для Руси, о неспособности восточных славян к самостоятельному историческому творчеству [17. С.78], то другие пошли еще дальше, заявляя, что на рубеже древности и средневековья никто иной как «центрально-азиатские кочевые племена» «вывели из кризиса» уже всю Европу [18.С.38].

«Евразийскость» этноцентристов (которую справедливо было бы именовать «азиопизмом», пользуясь не слишком веселой, но анаграммой одного из российских сатириков, а еще точнее-азиатчиной) стремительно улетучивается, когда заходит речь о Казахстане в составе Российской империи и СССР: «азиопы» не жалели черных красок для описания этого «уникального суперсообщества» (здесь духовные наставники уже не нужны и с легкостью отбрасываются). Правда и последние не гнушались схоластическими рассуждениями о «неполноценности» народов, лишь сместив акценты и придав своим высказываниям более утонченный, рафинированный вид. Гумилев скрывал свои откровения об «актуальных» и «потенциальных» этносах за красивым словом «пассионарность», добавляя при этом, что одни народы («степняки») наделались «ближним космосом» высокой пассионарностью, а другие («оседлые народы») «имели гораздо более низкую пассионарность» [6. С. 15].

Стоит спросить: разве не изощренным иезуитством является попытка объявить евразийство инструментом достижения межнационального согласия в Казахстане, а тем более концептуальной базой для межгосударственного союза наций? Неудивительно, что «в России довольно сдержанно относятся к евразийской идее» [19]. «Сдержанно», – сказано довольно мягко: в программе курса «История России с древнейших времен до 1917г.» для студентов пединузов евразийство открыто названо «самой подлой формой русофобии» [20.С.37.].

Отпугивает от евразийства не только его тоталитарно-утопическая и этноцентристская подоплека, но и небезосновательные на мой взгляд, опасения о претензиях Казахстана на гегемонию в постсоветском пространстве: перевод евразийской идеи из абстрактно-теоретических исканий в конкретно-политическую плоскость, именно руководством Казахстана, выдвижение им проекта «Евразийского союза государств», резервировавшее лидерство в этом союзе за Казахстаном, провозглашение Казахстана прямым наследником

ником «евразизма» [21. С.29], конструирование высокомерных идиом наподобие «Казахстан-сердце Евразии», розыгрыш «евразийских карты» при всяком удобном и не очень удобном случае (например, при переносе столицы) и, более того, заносчивое желание придать Астане статус «новой столицы мира» [Там же], формирование легенды об особой, мессианской, функции Казахстана в современном мире (вкуче с идеями о «мировом государстве», «царстве всеобщей» ранних евразийцев).

Об отсутствии устремленности к действенной и равноправной интеграции свидетельствует недавнее заявление К.Токаева о «неуместности» и «неправильности» планов «создания единого союзного государства» с Россией, ведь они уничтожили бы все фантазматические притязания Казахстана (во главу угла, разумеется, поставлены интересы аппарата, а не проживающих в государстве народов). С другой стороны, подобные высказывания служат лишним доказательством нежизнеспособности воззрений евразийцев о противостоительности сепаратизма на евразийском пространстве и складывании «единого общеевразийского национализма». Многочисленные сбои и пробуксовки в деятельности щедро рекламируемого в Казахстане ЕврАзЭС свидетельствуют как о росте «изоляционистских настроений» [19], так и о «многовекторности» путей вхождения в мировое историческое пространство.

Логика глобализации неизбежно ставит перед странами мира вопросы пропорциональности общего и особенного, диалектики единства и многообразия, но давать готовые рецепты на сей счет нелепо и бессмысленно. Хочется лишь выразить надежду, что евразийству не найдется места при любом раскладе, в любой системе координат, а достанется удел покрываться толстым слоем архивной пыли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М., 1968.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
3. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1994.
4. Айдосов А. Цивилизация на пороге XXI века // Мысль. 1998. №2; Он же Цивилизация и современность. // Мысль. 1998. №2.
5. Моисеева Л. А. История цивилизаций. Ростов — на — Дону, 2000.
6. Хара - Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992.
7. Введение в философию. В 2ч. М., 1989. Ч.2.
8. Крипалани К. Рабиндранат Тагор. М., 1983.
9. Семенникова Л. И. Цивилизации в истории человечества. Брянск, 1998.

10. Львович К. Всевышний благословил Интернет // Аргументы и факты. 2004. №7
11. История мировой экономики. Под ред. Г.Б. Поляка и А.Н. Маркова. М., 2003.
12. Гобозов И. А. Введение в философию истории. М., 1999.
13. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
14. Проблемы современной науки: актуальность, направления, перспективы. Материалы III Республиканской научно-технической конференции. Усть-Каменогорск, 2002. Ч.2.
15. История политических учений. Под ред. О. В. Мартышина. М. 2000. Вып.3.
16. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
17. Берденова К. А. и др. Экономическая история Казахстана. Алматы, 2001.
18. Артыкбаев Ж. О. 12 лекций по истории Казахстана. Астана, 2001.
19. Кириничянов Ю. СОЮЗники? // «Аргументы и факты Казахстана» 2004. №13.
20. Отечественная история. Сборник типовых программ для педагогических высших учебных заведений. М., 1999. Ч.2.
21. Тархан Н. Евразийское видение // Мысль. 2000. №1.

Е.О. Хабенская

Центр цивилизационных и региональных исследований
Института Африки РАН, г.Москва

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ

«Бунт» этничности начала 1990-х годов, «парад суверенитетов» в национальных республиках Российской Федерации, возникновение многочисленных этнополитических и этнокультурных ассоциаций меньшинств (а несколько позже — и этнического большинства) поставили руководство страны перед проблемой оптимизации этнических процессов, выбора базовых концептов этнической политики.

В середине 90-х годов прошлого века как альтернативные рассматривались два полярных проекта: консервация принципов политического (государственного) самоопределения этнических групп (общностей) или переход к этнокультурному самоопределению индивидов посредством института национально-культурной автономии (НКА).

В ситуации существования в обществе крайних точек зрения на решение «национального вопроса» (от идеи последовательной децентрализации национальных республик до концепции губернизации) была предложена и восторжествовала концепция «не вместо, а вместе». Наравне с национальными республиками и параллельно с ними предлагалось создание института национально-культурной автономии, призванного прежде всего обеспечить полноценное этнокультурное развитие диаспор, этнодисперсных групп и «нетитульных» этнических меньшинств. Эта точка зрения была законодательно оформлена в 1996 г. посредством федерального Закона «О национально-культурной автономии».

Национально-культурная автономия определялась в Законе как «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры»¹. Таким образом, принятый документ не сделал НКА общим политическим принципом, а превратил ее в общественный институт, который должен был упорядочить уже существующие этнокультурные организации, заставить их объединиться в автономии, выстроить иерархию этих автономий: местные – региональные – федеральные. НКА рассматривалась законодателем не как альтернатива, а как дополнение к «национальным» республикам и была призвана обеспечить прежде всего этнокультурные права граждан, принадлежащих к «нетитульным» этническим общностям.

В Законе были зафиксированы финансовые обязательства государства перед НКА (органам власти вменялось в обязанность финансировать общественно-значимые программы автономий), что дало эту новую форму организации привлекательной для уже существующих этнокультурных объединений, которые, попадая под юрисдикцию Закона «Об общественных объединениях», не имели финансовых гарантий от государства. Это обстоятельство вызвало в первые годы после принятия Закона об НКА (1997-1998) определенный «ажиотаж» - по всей стране было создано немало местных, региональных и федеральных национально-культурных автономий, претендовавших на представление интересов различных этнических сообществ.

Процесс формирования и становления нового общественно-политического института НКА имел свои особенности в различных регионах, но

наибольшее количество сложностей и противоречий породил в Москве.

Необходимо пояснить, что этнокультурное движение в столице проявило себя еще с конца 1980-х годов. В значительной мере оно начиналось как протест – протест против навязываемого многолетние годы культурного единообразия и невозможности реальной этнокультурной самоидентификации. Демократические преобразования в стране привели к этнической мобилизации так называемой «национальной» интеллигенции, выступавшей, как правило, от имени «своего народа». Распад государства и устоявшейся «советской» идентификации вызвал к жизни целую гамму различных, ранее нивелированных социальных идентичностей, в том числе – этническую.

Ослабление идеологического прессинга привело к возникновению целого ряда всевозможных этнокультурных и этнополитических организаций. На первых парах этот процесс носил абсолютно стихийный, неорганизованный характер. Его генератором выступила прежде всего интеллигенция – социальная группа, наиболее остро и эмоционально воспринимавшая происходившие в обществе преобразования.

Создатели первых московских «национальных общественных организаций» (НОО) были неоднородны по своему происхождению, образованию, роду профессиональной деятельности и были представлены как коренными москвичами, так и столичными жителями первого поколения. Ряд «кавказских» этнокультурных организаций (Московское общество «Грузинское землячество», Армянская община Москвы, Общество азербайджанской культуры «Оджаг» и др.) был создан москвичами под впечатлением от трагических событий в «своих» регионах – в Нагорном Карабахе, Сумгаите, Баку, Тбилиси. Когда в Москву хлынул поток армянских беженцев из Сумгаита, для многих их московских «соотечественников» это оказалось настоящим потрясением. Вести о кровавых межэтнических противостояниях в республиках Закавказья, подогретенные накалом страстей в обществе и СМИ пробудили в столичных ученых, преподавателях, инженерах, казалось бы давно ассимилировавшихся и переплавленных в едином котле мегаполиса, новые для них и весьма болезненные «этнические» чувства, заставили вспомнить, что они грузины, армяне, азербайджанцы и заняться казалось бы не своей собственной им деятельностью. Ситуацию рубежа 80-х и 90-х гг. и состояние умов части московской «национальной» интеллигенции хорошо передает выступление лидера армянской общины, директора

Института механики МГУ, чл.-корр. РАН С.С. Григоряна на заседании «круглого стола» по проблемам национально-культурных автономий в марте 1998 г.: «То, что здесь обсуждается – это не моя любимая специальность, но я много лет занимаюсь общественной работой. Занимаюсь вынужденным образом с тех пор, когда возникли ужасы в процессе распада СССР с национальными проблемами, когда сюда хлынули потоки беженцев из Закавказья, Карабаха и т.д. Мы тогда вынуждены были заняться этой работой. Так возникло наше общественное московское армянское движение»².

Многие «национальные» лидеры были действительно движимы энтузиазмом и стремлением не допустить в столице межэтнической конфронтации, но было немало и таких, которые воспользовались ситуацией и своим этническим происхождением в целях удовлетворения собственных амбиций, а иногда и корыстных интересов, пытаясь использовать лидерство в общественной организации как трамплин в политику, власть или бизнес. Некоторые активисты этнокультурного движения через реализацию в этнической сфере пытались компенсировать чувство ущемленности из-за личной профессиональной или социальной несостоятельности.

Более высокие финансовые возможности НКА, по сравнению с существовавшими ранее «национальными общественными объединениями» (НОО), изначально закладывали почву для острой внутримитнической конкуренции среди такого рода активистов. «Старые» и «новые» этнические лидеры конфликтовали друг с другом в борьбе за возможность возглавить новую, более статусную организацию в надежде замкнуть на себе все финансовые потоки, направляемые государством на этнокультурные нужды, получить помещение и материальную базу для автономии, усилить личное влияние, узурпировать власть.

Специфика Москвы (сочетающей в себе статус города и субъекта федерации), неконкретность и расплывчатость ряда формулировок Закона о НКА, а также сложности, с которыми столкнулись руководители НОО, пожелавшие быстро перерегистрировать свою организацию в автономию – все это привело к необходимости выработки специальных рекомендаций, призванных адаптировать Закон о НКА к московским реалиям. Для этой цели при Комитете общественных и межнациональных связей (КОМС) Правительства Москвы была создана специальная комиссия, сформированная из сотрудников этого комитета, Управления юстиции г. Москвы и представителей Московского межнационального совещания (общественной структуры, созданной в 1992 г. для взаимодействия органов

власти мегаполиса с этнокультурными организациями и включавшей представителей обеих взаимодействующих сторон). Результатом работы Комиссии стало принятие в марте 1997 г. двух документов - «Организационно-методических рекомендаций по созданию и регистрации национально-культурных автономий в Москве» и «Примерного устава национально-культурной автономии».

Прежде всего «Рекомендации» урегулировали вопрос с регистрацией местных автономий в Москве. Законом было предписано создавать НКА трех уровней: местные (МНКА - нижний уровень), входящие в состав региональных (РНКА - средний уровень), которые в свою очередь объединяются в федеральные (ФНКА - верхний уровень) – по принципу своеобразной пирамиды. «Рекомендации» установили создание местных НКА на уровне административных округов Москвы и последующее объединение их в одну региональную НКА на уровне города (в Федеральном Законе не было оговорено, какое количество региональных НКА можно создавать).¹ Кроме того, разработчики документа, в соответствии с Законом, четко прописали в «Рекомендациях» (п-ты 2.1, 2.2) и в «Уставе» (п. 4.1), что нижний уровень пирамиды – местные автономии – формируются национальными общественными организациями, то есть, на основе НКА лежит объединение юридических, а не физических лиц.²

Практически сразу стало понятно, что создание местных автономий для Москвы неактуально, поскольку дисперсное (некомпактное) расселение представителей различных этнических общин по территории города лишает смысла идею объединения на уровне не административных округов. Поэтому на практике местные автономии в основном создавались как достаточно формальные объединения и служили лишь в качестве промежуточной ступеньки к созданию региональных НКА.

В соответствии с «Рекомендациями», была установлена следующая система: два или более НОО создают одну, две или более местных автономий, затем (через три месяца после регистрации их в органах юстиции города Москвы) местные автономии могут образовывать региональную НКА. Если местная автономия одна, то она самостоятельно может преобразовываться в региональную. Та же система и с федеральной НКА, в которую может преобразовываться несколько или одна РНКА. То есть по самой простой схеме для «национальных» объединения (6 учредителей) могли создать местную автономию, две МНКА (12 учредителей) - образовать региональную, а две РНКА (24 учредителя) в свою очередь сформировать федеральную автономию. Следовательно, формально регио-

пная НКА могла быть образована минимальным количеством представителей той или иной этнической общины.

Такая система при отсутствии фиксированного членства изначально делала создаваемые НКА не более, чем общественными объединениями с «этнической спецификой», которые, конечно, никак не могли претендовать на представление интересов своих этнокультурных групп в целом, поскольку включали в себя лишь незначительную их часть. Как замечает активист марийского движения Ю.И. Ерофеев, «некоторые НОО порой представляют не более, чем только ближайших родственников того или иного руководителя»⁵ (а ведь два таких НОО – это уже автономия!).

За два года после принятия Закона в Москве было создано 17 местных и 11 региональных автономий. За весь последующий период (1999-2004 гг.) образовалось еще 6 новых региональных автономий. Постепенно процесс образования новых НКА практически остановился. Многие этнокультурные общества так и не преобразовались в НКА, не увидев в этом особого смысла. Поскольку, как показала практика, никаких особенных преимуществ НКА не дала. Московские власти в равной мере финансировали этнокультурные программы и мероприятия как автономий (НКА), так и объединений (НОО).

В сущности создание автономий было удобно прежде всего для органов власти – вместо множества разрозненных этнокультурных организаций, которые существовали до 1996 г., они получили полтора десятка региональных автономий, с лидерами которых и вели, в основном, диалог. По выражению директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова, в органах власти «возобладало понимание НКА как некой конторы со своим главным евреем, главным немцем или главным татаринном...».

Диалог с формальными лидерами НКА создавал лишь видимость эффективной этнической политики в Москве. На самом деле этнокультурное движение были и остаются вовлеченными всего несколько десятков «этнических активистов» - представителей различных этнодисперсных групп, в основном из числа «национальной» московской интеллигенции. Во-первых, эти люди не представляли и не представляют угрозу для власти в плане дестабилизации этносоциальной ситуации и межэтнических отношений в городе. Во-вторых, «этнокультурные» активисты в большинстве своем не являются реальными лидерами общины, не способны оказать сколько-нибудь заметного влияния на своих «соплеменников» - а значит, надежды органов власти влиять через этих формальных лидеров

на ситуацию и настроения в той или иной общине абсолютно иллюзорны.

Более того, некоторые поддержанные властями инициативы (в частности создание школ с так называемым «этнокультурным компонентом обучения») вместо желаемой оптимизации межэтнического взаимодействия в мегаполисе способствовали скорее развитию этнического изоляционизма, обостряющего контакты представителей этнических меньшинств с доминирующей этнической общностью – русскими. Вместо того, чтобы способствовать успешной адаптации, в частности детей иноэтничных и иноязычных мигрантов, некоторые такие школы консервировали их этническую замкнутость в «своей» среде.

На фоне риторики «культуры мира» столичными властями долгое время совершенно игнорировались такие серьезные проблемы, как нарастание нелегальной миграции из республик СНГ, в результате ее – развитие этносоциальной стратификации и «этнизации» криминальной среды (возникновение «этнических» криминальных группировок). Эти вопросы были отданы на откуп силовым структурам и МВД и регулировались характерными для этих ведомств методами.

Создание института НКА не оказало принципиального влияния ни на этнокультурные, ни на этнополитические процессы в столице. Институт НКА оказался не способен смягчить этноконтактную ситуацию в столичном мегаполисе и не остановил нарастание второй волны ксенофобии, гораздо более опасной – ксенофобии этнического большинства.

Смена руководства профильного комитета, призванного регулировать этнические процессы в столичном мегаполисе (Комитета межрегиональных связей и национальной политики г. Москвы), в 2003 г. ознаменовала и смену курса Правительства Москвы. Судя по последним выступлениям Председателя Комитета М.П. Бурина во властных структурах все больше осознается необходимость выработки принципиально новой концепции этнической политики в мегаполисе, при которой фокус внимания власти будет перенесен с этнокультурной на этнополитическую и этносоциальную сферы. Кроме того, новые реалии подталкивают и к изменению принципов управления этничностью, к объединению информации и усилий различных ведомств и специалистов – этнологов, социологов, юристов, созданию комплексных межведомственных комиссий и т.д. Очевидно, что, если эти начинания не будут в самое ближайшее время воплощены в практические действия власти, то этноконтакт

данная ситуация в Москве осложнится дальнейшим нарастанием ксенофобских настроений в московском социуме, активизацией деятельности национал-фашистских партий и организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный Закон о национально-культурной автономии // Цит по: Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. Приложения: С. 86
2. Выступление на заседании «круглого стола» «Национально-культурная автономия: задачи, проблемы, перспективы» // Стенографический отчет о заседании 11 марта 1998 г. / Архив Центра «Этносфера».
3. Организационно-методические рекомендации по созданию и регистрации национально-культурных автономий в Москве. М., 1997. Пункт 1.2. С. 2.
4. Там же. С. 4, 14.
5. Ерофеев Ю.И. Московское межнациональное совещание как инструмент национальной политики. Рукопись аналитической записки. С. 6. // Архив В.Р. Филиппова.

А.У. Хомра

Национальный институт проблем международной безопасности, г. Киев

ТЕКУЩИЙ УЧЕТ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В УКРАИНЕ: СОСТОЯНИЕ, НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ТОЧНОСТИ

Теория миграции населения в принципе не допускает однозначной трактовки ее центрального (основного) понятия; в противном случае развитие миграционных процессов не будет находить своего отражения в определениях миграции, сами определения будут устаревать и становиться малопродуктивными. Закрепленные в законах и других юридических документах определения миграции должны быть однозначными, согласованными, пригодными для разработки процедур ее учета. К сожалению, при подготовке законопроектов и, соответственно, принятии законов не всегда исходят из зрелых, действительно научных концепций миграции населения.

Статистика миграции населения является производной от законодательного урегулирования этого процесса. Отсутствие

юридически четко определенных терминов "мигрант", "международный (внешний) мигрант", "трудовой мигрант" и т.п. усложняет учет миграции населения, а тем самым отрицательно сказывается на научно-исследовательской и аналитической работе с первичными статистическими данными. Даже в научных публикациях имеет место отождествление внешней миграции (переселения на постоянное место жительства за границу) и трудовой миграции; именно на основании этого делается вывод о необъективности официальной статистики миграции в Украине¹.

Украина относится к странам с достаточно полными и относительно достоверными статистическими данными о миграции населения, учет которых она унаследовала от Советского Союза. Достоверность статистических данных о миграции населения в Советском Союзе была обусловлена в первую очередь жесткими требованиями к прописке. Все же тесная связь между пропиской и получением отдельных благ (получения жилья, медицинской помощи, трудоустройством и др.) приводила к манипуляции с пропиской; недобросовестные чиновники не могли не использовать возможность нарушения законов, подзаконных актов и ведомственных инструкций с целью личной выгоды. Это послужило основанием отдельным исследователям, в частности, В.М.Моисеенко, утверждать, что, несмотря на жесткое административное регулирование, проблема учета миграции населения не была решена [2, с. 48]. Утверждение, что после развала единой государственной системы сбора статистической информации о миграции населения произошло сокращение ее (информации) масштабов [3, с. 14], является правильным только по отношению ко всему постсоветскому пространству: в отдельных странах, в частности, в Украине в 90-е годы объем статистической информации о миграции населения существенно увеличился. Новые возможности повышения точности и детальности данных о миграции населения открылись после внедрения с 1995 г. существенно модифицированного первичного документа учета миграции (талонов статистического учета прибытия и выбытия) и

¹ В частности, В.Б.Люткевич делает такой вывод, исходя из того, что согласно данным государственной статистики (заниженных и не соответствующих реальному состоянию вещей) общее сальдо миграции с другими странами в Карпатском регионе Украины – 4,2 тыс. чел., что составляет 9,01% украинского уровня межгосударственной миграции; согласно же неофициальным данным с территории региона за годы реформ отток трудовой миграции составлял 500 тыс. чел. [1, с. 100].

новой программы разработки данных². Естественно, кризисные явления в экономике, в воспроизводстве населения не могут не сказаться на работе органов государственной статистики, а, соответственно, на качестве данных о миграции населения. В первую очередь отрицательно на полноте учета мигрантов отразилось ослабление требований (ранее очень жестких) к прописке при приеме на работу, при предоставлении медицинских и социальных услуг³. Паспортно-визовая работа уже не является определяющей, поэтому Министерство внутренних дел Украины освобождается от несвойственных ему функций. Отметим, что паспортно-визовое управление выступало против института прописки еще в советское время [6, с. 154]. При наличии нескольких квартир в разных городах, зажиточные индивиды, переезжая с одной квартиры на другую, не регистрируют данного акта. Выезжающие за границу остаются там на продолжительное время, используя для выезда учебные, гостевые, туристические каналы⁴. Практически не снимаются с учета студенты и стажеры, обучающиеся в других странах. Проблема наличия нескольких мест проживания при своем решении для целей определения актов миграции требует выбора критериев отдачи приоритета одному из них. Данные критерии выбора связаны с продолжительностью проживания в каждом из мест проживания и с мотивами проживания. Наметилась тенденция к замене понятия постоянного места жительства понятием обычного места жительства [8, с. 14-15]. Обычное место жительства, как правило, определяется самим населением; считается, что для подавляющего большинства населения определение обычного места житель-

² С утверждением, что в Украине предельно ограничено количество показателей по вопросам миграции в государственной статистике [4, с. 11], можно согласиться в том смысле, что для исследователей показателей миграционной подвижности населения всегда недостаточно. Если же сравнивать со старой программой разработки данных о миграции населения, то количество показателей миграционной подвижности населения у собственной украинской текущей миграционной отчетности, внедренной с 1995 г. (в России переход от союзной к собственной миграционной отчетности произошел с 1996 г.), на ее фоне является очень большим. Во всяком случае, число разрабатываемых органами государственной статистики показателей миграционной подвижности населения Украины не поступает таковым в других странах.

³ На этом, в частности, акцентирует внимание Ж.А.Зайончковская для России [5, с. 5-6].

⁴ Согласно экспертных оценок из числа выехавших в 1993-1995 гг. в США и Германию граждан России около 30% продлили свое пребывание в этих странах на неопределенный срок, а еще определенная часть перешла на нелегальное положение с целью трудоустройства в этих странах [7, с. 40].

ства не вызывает трудностей [9, с. 67]. Для международных (внешних) миграций критерий постоянного (обычного) места жительства не может не быть ведущим; доминирующим при определении выступает пересечение государственной границы. Повышение достоверности текущего учета миграции населения в Украине, как и в других странах, возникших на пространстве Советского Союза, тормозится практически полным отсутствием реального сотрудничества их статистических органов.

Отмена прописки, становление регистрации населения привели к существенному ухудшению системы учета мигрантов, которая в последние годы перед отменой прописки охватывала далеко не всех мигрантов. Большая часть населения относится к регистрации после переселения как к необязательной процедуре. По имеющимся оценкам в средствах массовой информации девять из десяти мигрантов просто снимают квартиру, комнату, угол и ни о какой регистрации не думают [10, с. 16]. Причины такого состояния кроются не только и не столько в отсутствии действенных механизмов стимулирования населения к регистрации, как это иногда утверждается [11, с. 133], сколько в невыполнении положений правовых актов, слабости управленческих структур, низкой правовой культуре населения, несерьезности наказаний и т.п. Опасение, что данные регистрации могут быть использованы против мигрантов в случае ужесточения централизованного контроля над миграционными потоками, также не способствует заинтересованности в регистрации. За несвоевременную регистрацию согласно статье 97 Административного кодекса Украины предусматривается с обязательным учетом всех причин предупреждение или штраф в размере от 17 до 51 гривен. В случае признания причин важными статья 22 АК предусматривает ограничение замечанием. На Западе, в частности в европейских странах, требования к регистрации жесткие, а наказания за нарушение правил регистрации очень серьезные [12, с. 56]. Попытки связать уменьшение полноты учета мигрантов как результата снижения требований к регистрации с повышением территориальной мобильности населения в Украине в последние годы [13, с. 20] нельзя признать доказательными уже хотя бы из-за того, что такое повышение интенсивности миграционной подвижности является сомнительным.

В России после отмены прописки в 1996 г. система идентификации мигрантов основывается на критерии места проживания по «месту проживания» (постоянно) и по «месту пребывания».

(временно). При этом собственно мигрантами с некоторыми исключениями являются те, которые регистрируются по месту проживания; данные регистрации по месту проживания разрабатываются только по возрасту, полу, национальности, районам прибытия (выбытия) [14, с. 72, 84]. Данные о зарегистрированных по месту временного проживания в официальный учет не попадают. Переход от идентификации миграции на основании прописки (выписки) к ее идентификации на основании регистрации свидетельствует об уменьшении численности мигрантов, которые регистрируются. Это вызвано, в первую очередь, менее жесткими требованиями к регистрации, чем к прописке. Часть мигрантов, в первую очередь трудовых, регистрируется по месту пребывания сроком на шесть месяцев и выпадает с состава мигрантов, которые регистрируются (они определяются на основании изменения «места проживания», а не «места пребывания»). В составе тех, кто регистрируется «по месту проживания» значительную часть могут составлять так называемые «квази-постоянные» мигранты, в составе тех, кто регистрируется по месту пребывания - «квази-временные мигранты».

Именно «квази-временные» мигранты, зарегистрированные по месту пребывания, срок проживания которых превысил один год (критерий, установлен переписью населения 2002 г. для идентификации мигрантов), составляли основную часть тех почти двух миллионов не зафиксированных текущим учетом⁵ лиц, которых позволила «найти» перепись населения России (состоянием на конец 2002 г.) [2, с. 49]. Поскольку ошибка учета, которую обнаружила последняя перепись, скорее всего объясняется приликом мигрантов, то рекомендуется совершенствовать их текущий учет, в т.ч. по линии МВД [16, с. 50]. Учитывая итоги переписи населения в России с 1 января 2003 г. начался учет так называемых «срочных» мигрантов, зарегистрированных по месту постоянного проживания на срок от одного года и больше, с выделением тех, кто имел место постоянного проживания в России (по регионам), а также по странам ближнего (нового) и дальнего (старого) зарубежья. Мигранты из стран нового зарубежья с 1997 г. были приравнены по многим позициям по существу к внутренним мигрантам. На них, как временно зарегистрированных, независимо от фактического времени их проживания и количества повторных регистраций не заполнялись листки статистического

⁵ Согласно Л.Л.Рыбаковского последняя перепись населения России явно завысила численность постоянного населения [15, с. 26].

учета мигрантов, т.е. они выпадали со статистического учета [17, с. 43]. Технически задача недоучета мигрантов может быть решена после внедрения электронных паспортов, в которых будет предусмотрена функция автоматической регистрации по месту проживания.

Формирование общегосударственной базы первичных (талоны статистического учета прибытия и выбытия) данных как непременное условие предусматривает уточнение формулировок вопросов и вариантов ответов на них у этих первичных документов. Текущий учет миграции населения в Украине дает далеко неоднозначные оценки причин миграции населения, что связано в первую очередь с трудностями согласования в причинах миграции стимуляторов индивидов к переселению и целей, с которыми они прибыли (выбыли), и с формулированием вариантов ответов в талонах статистического учета прибытия и выбытия. Неточность определения причин переселения требует совершенствования методических подходов, а не отказа от них, мотивируя большой вероятностью неправильного определения и сознательного укрывательства настоящих причин изменения места проживания [11, с. 133]. Такого плана возражения можно выдвигать к познанию любой мотивации. Возможность изучения миграционного поведения как на индивидуальном уровне, так и на групповом и населения в целом одинакова, где поведение населения является обобщенным, усредненным типом поведения [18, с. 181], позволяет при большом объеме заполненных ответов на этот вопрос талонов статистического учета прибытия (выбытия) в известной степени элиминировать влияние неправильно определенных и даже сознательно неправильно сформулированных причин. К тому же не исключается возможность внесения в талоны статистического учета прибытия (выбытия) косвенного вопроса о причинах переселения. Думается, что сформулированный в талонах статистического учета прибытия (выбытия) комплекс вариантов ответов в случае международной миграции должен быть другим, как в случае внутренней миграции. Целесообразным является увеличение количества вариантов ответов и предоставление большей «свободы» мигранту при ответе на вопрос о причинах переселения. Имеющийся в наличии комплекс сформулированных в талонах статистического учета прибытия (выбытия) вариантов ответов причин переселения может быть дополненный некоторыми из тех, которые использовал Государственный комитет Российской Федерации по статистике при об-

следовании причин миграции населения в Ставропольском крае в 1991 г. - неустроенность быта, отсутствие возможности самостоятельно заниматься сельским хозяйством, индивидуальной трудовой деятельностью или предпринимательством, нежеланием проживать в селе или в городе [19, с. 98]. В связи с большими объемами безработицы желательным было бы выделить причину "отсутствия работы". Неблагоприятная криминогенная ситуация предопределяет включение в состав вариантов ответов причин переселения "неблагоприятная криминогенная ситуация, высокая преступность". Мигранту должна быть предоставлена возможность называть не одну, а несколько указанных в талоне статистического учета прибытия (выбытия) причин переселения. Тем самым, частично будет уменьшено поле охвата причиной «по семейным обстоятельствам» таких причин как "изменение места работы» и "обучение». Сама же причина переселения "по семейным обстоятельствам» должна быть уточнена путем замены "на вступление в брак, соединения семей, развод»; причина переселения "беженец» - на "беженец, искатель политического убежища». Вообще понятие "беженец» существенно отличается на официальном и бытовом уровне. На уровне бытового сознания часто "беженцами» являются те, кто проживает в соответствующем населенном пункте, но в отличие от "обычных» мигрантов не прописаны в отведенный срок [20, с. 56]. Отдельные из вариантов ответов причины переселения уже устарели, в значительной степени потеряли свой познавательный потенциал. Это относится, в первую очередь, к причине переселения "в связи с аварией на ЧАЭС».

Талоны статистического учета прибытия (выбытия) на внутренних и международных мигрантов должны отличаться. Поскольку много качественных характеристик внешних трудовых мигрантов с высшим образованием на базе имеющихся в наличии талонов статистического учета не могут быть познаны достаточно полно, целесообразной была бы разработка и внедрение специальных талонов статистического учета, которые заполнялись бы только этой категорией мигрантов. В них больше внимания уделялось бы образовательным и квалификационным характеристикам (высшие учебные заведения, которые закончили; труд в научных институтах и высших учебных заведениях, научная специализация и т.п.). В талоны статистического учета прибытия внешних мигрантов должны быть включены вопросы, которые содействовали бы выявлению имеющихся в наличии характери-

стик для принятия гражданства Украины (согласно Закону Украины «О гражданстве Украины»), а именно, о владении государственным языком или его понимании в объеме, достаточном для общения, предусмотренных законных источниках существования.

Изучение состояния первичного учета и статистической отчетности, проверка достоверности первичных данных, поданных респондентами, в Законе Украины «О государственной статистике» определено как право органов государственной статистики, а не их обязанность [21, с. 81]. Это дает возможность органам государственной статистики уменьшать расходы на контроль первичных данных во вред их полноте и точности.

Отсутствие полной и достоверной информации об объемах и структурах мигрантов делает возможным не только выбор неадекватных управленческих решений, но и провоцирует манипулирование оценками, которые ее заменяют, в ведомственных, региональных, узко групповых и даже личных интересах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Люткевич В. Стратегічні засади розвитку інфраструктури ринку праці Карпатського регіону // Регіональна економіка. – 2003. – № 4. – С. 94-103.
2. Моисеенко В.М. Снижение масштабов внутренней миграции населения в России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. – 2004. – № 7. – С. 47-56.
3. Маликова Н. Парадоксы информационного обеспечения этносоциальных проблем миграции // Миграция и информация. – М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 2000. – С. 11-31.
4. Вивчення впливу зовнішньої міграції 1991-1996 рр. на зміни етнічного складу населення України та її регіонів. – К.: Міжнародна організація з міграції, 1998. – 95 с.
5. Зайончковская Ж.А. Миграционные связи России после распада СССР // Миграционные процессы после распада СССР. – М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1994. – С. 3-48 (Программа по исследованию миграции, вып. 5).
6. Властные структуры: взгляд на миграционное законодательство. Дискуссия. М.Г.Арутюнов // Миграционное законодательство Российской Федерации и проблемы прав человека. "Круглый стол": проблемы, дискуссии, предложения. – М.: Международная правозащитная ассамблея, 2002. – С. 153-154.
7. Ионцев В.А. Международная миграция населения: закономерности, проблемы, перспективы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 1999. – 54 с.

- 1) Пулэн М. Источники данных для измерения международной миграции в странах Центральной Европы // Международная миграция населения: Россия и современный мир. — М.: МАКС Пресс, 2000. — Вып. 5. — С. 14-37.
- 2) О перечне категорий населения, подлежащих учету при Всероссийской переписи населения 2002 года // Вопросы статистики. — 2001. — № 6. — С. 66-68.
- 3) Хомяков В. Новые иммигранты // Бизнес. — 2003. — № 48-49, 1 декабря. — С. 16-17.
- 4) Зовнішні трудові міграції населення України /О.В.Позняк, Г.С.Шишкіна, Е.М.Лібанова і др. — К.: Рада по вивченню продуктивних сил України НАН України, 2002. — 205 с.
- 5) Интернет-конференция председателя Госкомстата России В.Л.Соколова // Вопросы статистики. — 2003. — № 6. — С. 52-57.
- 6) Онікієнко В.В., Ткаченко Л.Г. Молодіжний ринок праці України: проблеми та шляхи вирішення. — К.: Рада по вивченню продуктивних сил України НАН України, Український інститут соціальних досліджень, 2003. — 159 с.
- 7) Моисеенко В.М. Динамика миграционной активности населения в современной России // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. — 2001. — С. 64-84.
- 8) Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты // Народонаселение. — 2004. — № 1. — С. 22-34.
- 9) Симчера В. Экономика России в 2003 году: итоги обнадеживающих преобразований // Общество и экономика. — 2004. — № 2. — С. 40-55.
- 10) Ионцев В., Ивахнюк И. Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992-2001 гг.) // Мир в зеркале международной миграции. — М.: МАКС Пресс, 2002. — С. 38-89 (Международная миграция населения: Россия и современный мир, вып. 10).
- 11) Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). — М.: Ин-т социально-политических исследований РАН, 2003. — 239 с.
- 12) Рязанцев С.В. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. — Ставрополь: Сервисшкола, 2003. — 375 с.
- 13) Лухманов Д.Н., Багаева Н.Э. Роль вынужденных миграций в формировании и эволюции расселения (на примере Северной Осетии) // Известия РАН. Сер. географическая. — 2001. — № 1. — С. 56-63.
- 14) Цал-Цалко Ю.С. Новый закон про статистику: проблеми застосування // Статистика України. — 2000. — № 4. — С. 80-83.

Вальдемар Шмидт

(Регенсбург - ФРГ)

Prinz - Rupprecht Str.42, 93053 Regensburg

ГОЛОД В КАЗАХСТАНЕ В 1921 -1924 ГОДАХ. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.

*С глубокой признательностью
и благодарностью моей маме посвящаю*

Переворот 1917 года вызвал не только кризисную ситуацию в политическом развитии страны, но и способствовал во многом развитию дальнейших критических ситуаций для новой власти, проявившихся в различных сферах (политической, социальной, экономической, внешнеполитической). Установление Советской власти вылившееся в прямое насилие над народом, многие годы преподносилась как крупнейшее революционное преобразование Казахстана. В Казахстане, с его специфическими особенностями - кочевым образом введения хозяйства и быта подавляющей массы коренного населения, трагедия голода 1921 - 1924 годов имела особенно ужасные последствия, как для экономического развития региона, так и для его политической жизни впоследствии. Эта трагедия охватила миллионы людей - ушедших из родных мест и погибших от голода. Тяжелейшее положение сложилось также и в казахстанских селах среди оседлого населения. Злоупотребление властью и преступления, тяжелое положение крестьянства, его разорение и голод вызвали возмущение и протест среди трудящихся.

Результатом появления данной работы явилась моя научная деятельность в Республике Казахстан в августе - октябре 1998 года. В основном исследование предложенной тематики базируется на архивных документах Центрального государственного архива Республики Казахстан. В архиве сохранилась масса документов, дающих немалую пищу для размышлений о том трудном времени, помогающих глубже понять, как же это все произошло.

При рассмотрении архивных материалов можно проследить, в какой степени в них отразились различные вопросы: хронологические рамки голода в Казахстане, статистические данные, его последствия для последующего экономического развития региона. Рассматривая исторические источники, которые ранее были недоступны исследователям, на их основе можно проследить, что период строительства социализма на практике в истории Казахстана ознаменовал собой развитие страшного голода, экономической разрухи, репрессии, а также массовыми антисоветскими выступлениями. Помимо всего, архивные материалы конкретно рассказывают

трудности, проявившиеся как в экономической, политической, так и в социальной сферах, возникших в период социалистического строительства. К сожалению, рассматриваемый исторический период в истории Казахстана не нашел должного освящения в исследовательской литературе.

Поэтому проблематика развития голода в 1921 - 1924 годах, в период становления и упрочнения позиций Советской власти, имеет весьма весомую научную значимость, так как без ее изучения не может быть в полной мере воссоздана картина строительства социализма в Казахстане. Вопрос о причинах, условиях, динамике возникновения голода, формах его проявления в этот период, так или иначе выводит на общую проблематику строительства социализма в регионе.

Цель данной работы заключается в том, чтобы попытаться раскрыть причины и характерные особенности развития голода в Казахстане в 1921 - 1924 годах, показать очаги его распространения, а также раскрыть роль центральных партийных и государственных учреждений Казахстана, их деятельность в организации мероприятий, направленных на ликвидацию его последствий.

Безусловно, что причины трагедии казахского народа, проявившиеся в 30 -е годы и вызванные мероприятиями сплошной коллективизации, коренятся в 20 - х годах, так как последствия голода начала 20 - х годов были только частично ликвидированы, а крестьянское хозяйство республики, не успевшее оправиться от административного нажима функционировавшего в годы Гражданской войны, было совершенно не готово к нарастающим темпам вновь производимой политики большевистской партией. Надо отметить, что механизм административного подхода в решении важнейших вопросов в годы Гражданской войны в отношении сельского хозяйства, а именно - дальнейшее увлечение революционной романтикой, с ее верой в возможность перехода к коммунистическому производству и распределению, обернулось нарастанием разрушительных тенденций в экономической системе страны. Их обвальный характер испытывало и народное хозяйство Казахстана. Наиболее сильно кризисная динамика прослеживалась в сельском хозяйстве республики, повлекшая за собой развитие голода и смертности в сельскохозяйственных районах.

К главным причинам развития голода в Казахстане в 1921 году можно отнести объективные трудности, истекающие из - за неравномерного развития экономических отношений в различных регионах Казахстана. Развернувшаяся в центральных районах России Гражданская война вызвала там небывалую экономическую разруху, что в свою очередь способствовало развитию волны пере-

селенческого движения крестьянства из этих районов за Урал, и, в частности, Казахстан. Первоначально переселенческое движение беженцев из центральных регионов было направлено в Сибирь, но с переносом военных действий Гражданской войны на территорию Сибири и Дальнего Востока, поток голодающих беженцев резко меняется. 33,2% всех беженцев направляется в Казахстан. [1]

Начавшаяся Гражданская война на территории Казахстана не приостановила поток беженцев от голода из центральных районов России, а наоборот, развернувшиеся землеустроительные работы в крае его стимулировали. Об этом факте свидетельствует выступление народного Комиссара земледелия Каз. АССР на третьем Всеказахском съезде Советов, в котором он отмечал следующее: «наплыв переселения был значителен, особенно в Акмолинской и Семипалатинской областях, что за собой повлекло развитие голода. [2]»

Не только Гражданская война, но и другие факторы способствовали притоку беженцев из центральных регионов России в Казахстан. Основным моментом, послужившим развитию переселения в Казахстан, явился неурожай 1920 года во многих районах РСФСР, которым было охвачено семь центральных районов, к числу которых впоследствии было отнесено также и Поволжье, где в 1921 году разразился голод. Только в 1921 году в результате всех этих бедствий в Казахстан прибыло 45.858 человек. [3] Как отмечалось впоследствии на второй Казахской областной конференции РКП (б) «голода Казахстана были перегружены голодающими беженцами. » [4] К началу развития голода Казахстан представлял территорию с малым количеством городского населения и в его социальной структуре преимущественно преобладало кочевое и полукочевое население. Данный тип хозяйствования был малопродуктивным и непродуктивным. В результате резкая диспропорциональность в экономической структуре народного хозяйства республики незамедлительно сказалась на его не способности в удовлетворении минимальных бытовых и производственных потребностей населения. Уже наметившаяся в годы 1 - ой мировой войны тенденция в сокращении посевных площадей привела к тому, что в 1914 году посевные площади сократились с 3,6 млн. десятин до 1,6 млн. десятин в 1922 году. В связи с сокращением посевных площадей, естественно упала и урожайность с - 38, 7 пудов в том же 1914 году, до 18,7 пудов в 1921 году. Валовые сборы зерна уменьшились за этот период более чем в 3 раза. [5].

Основной отраслью народного хозяйства Казахстана в этот период являлось животноводство и именно эта народнохозяйственная отрасль республики в послереволюционный период оказалась

в тяжелейшем положении. Приведенные ниже статистические данные ярко свидетельствуют о кризисной динамике в животноводстве республики в период 1921 - 1924 годов. С 1914 года по 1922 год численность крупного рогатого скота уменьшилась на 2,1 млн., мелкого рогатого скота (овец и коз) - почти на 6,5 млн. В целом же поголовье всех видов скота сократилось за эти годы более чем на 10,8 млн. единиц.[6] Нестабильность в развитии экономической инфраструктуры, а также администраторский подход, вызванный мероприятиями «военного коммунизма», демографические изменения в структуре населения, все это способствовало развитию голода 1921 - 1924 годов в Казахстане.

В результате развития голода в республике в 1921 году, местные партийные и государственные учреждения были вынуждены искать пути по преодолению создавшейся ситуации. Уже 15.07.1921 года Казахский Центральный Исполнительный комитет (далее Каз.ЦИК) обнародовал специальное постановление о создании специального органа «Комитета помощи голодающему населению». Как было сказано в этом постановлении: «Цель и задачи, а также деятельность вновь созданного органа сводилась к выяснению причин и размеров бедствия, а также к выработке конкретных планов по борьбе с голодом.»[7] Помимо данного органа позже была создана специальная Комиссия по борьбе с последствиями голода, которая начала свою деятельность 15.10.1922 года.

В «Положении о Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода при Каз.ЦИКе» писалось следующее: «В целях содействия восстановления разрушенных сельских скотоводческих хозяйств и для оказания помощи не обеспеченным категориям населения, в первую очередь детям в пострадавших от голода губерниях КАССР на основании утвержденного положения о местных Комиссиях по борьбе с последствиями голода (Последгол), утвержденным Пленумом Цекапомгол при ВЦИК 27.09.1922 года - учреждается при Каз.ЦИК Центральная Комиссия по борьбе с последствиями голода.»[8] В положении о вновь созданном органе были оговорены цели и задачи его деятельности. Хотелось бы привести данный архивный документ полностью.

В задачи Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода (Цекапоследгол) входили следующие : а) установить размеры последствий голода в КАССР выявившихся в сокращении площади посева в бывших урожайных сельскохозяйственных районах, промышленности и скотоводства в скотоводческих районах;

б) определить количество нуждающихся в помощи беженцев от голода, безхозяйственников, пострадавших от голода рабочих;

в) содействовать восстановлению разрушенных бедствиями сельскохозяйственных и скотоводческих хозяйств голодобеженцев и безхозяйственников, отпуская на льготных условиях семенной материал и другие материальные средства.»[9]

Помимо названных задач в положении также отмечалось, что в связи с масштабностью голода были созданы и создавались в губерниях Каз.АССР местные комиссии по борьбе с последствиями голода. Эти комиссии создавались при губернских, уездных и районных исполкомах. Причем состав и деятельность устанавливались особым положением. Деятельность этих местных учреждений была направлена на быстрейшее решение вопроса об обеспечении голодающего населения продовольствием.

В результате проведенной работы было выяснено, что из семи губерний Казахстана, голодом было охвачено пять. В частности от голода сильно пострадали: Оренбургская, Кустанайская, Актюбинская, Уральская и Букеевская губернии. Общая площадь этих территорий охваченных голодом составила 1.0048.100 кв. верст,[10] с общим количеством населения 2.653.300 человек.[11]. Практически голодом были охвачены западные, северные и центральные губернии Казахстана, то есть те районы, в которых скопилось огромное количество беженцев из России. В это же время отмечается наибольшее сокращение объемов производства во всех отраслях хозяйства Казахской АССР.[12]

Впоследствии в докладе о работе Центральной комиссии помощи голодающим при Каз. ЦИКе за 1921 год отмечалось:»Важнейшими причинами и факторами голода в Казахской АССР явилась гражданская война 1918 - 1920 годов, во время которой многие губернии Казахстана служили ареной военных действий, что в свою очередь нарушало хозяйственную деятельность в этих и без того отсталых в экономическом отношении территорий; во - вторых, значительная разверстка на хлеб и фураж; в - третьих, недород трав 1920 года.»[13].

Следующий 1921 год ознаменовался тем, что во многих зерновых районах Казахстана были недороды зерновых. В результате кризисной ситуации, создавшейся в сельском хозяйстве республики, число крестьянских хозяйств на ее территории стало резко сокращаться, с осени 1920 по лето 1922 года с 857.480 до 737.540.[14].

Еще 29.11.1921 года состоялось заседание ЦК Туркестанской республики, на котором был заслушан доклад ЦК Помгол при ТуркЦИКе. В этом докладе были предложены меры по приостановке развития голода и очагов его распространения в Казахстане. В частности предполагались следующие меры:

1) предложить железнодорожным органам не переправлять

массы голодающих, направляющихся в Туркестанскую республику и Казахстан неорганизованным порядком;

2) предложить ЦК Помощи голодающим совместно с ЦСНХ, Наркомпродом и Наркомфином в 24 часа выяснить вопрос о возможности переброски 8.000 допризывников из голодных мест в Сибирь и решение его поручить Председателю ТуркЦИКа т. Балимбаеву совместно с Председателем ЦК Помощи голодающим т. Преттом.»[15]. Однако намеченные мероприятия со стороны руководящих органов не способствовали приостановке миграции населения из регионов Центральной России, что в свою очередь еще более усугубило положение голодающих губерний Казахстана.

Особенно сильно была охвачена голодом Кустанайская губерния, которая была отнесена к числу губерний с катастрофическим положением. Во многом причинами развития голода в Кустанайской губернии явилось волонтаристское, административное решение продовольственной проблемы, а именно - аннулирование нарядов на получение продовольствия из Акмолинской губернии. Об этом сообщалось в докладе Цекапомгол при Каз.ЦИК(е) от 25.02.1922 года. В частности в этом докладе говорилось следующее: «Цекапомгол при Каз.ЦИК(е) считает необходимым довести до сведения ВЦИК, что имеются также недоработки в целом ряде вопросов внесших неясность и путаницу в работу по оказанию помощи голодающим Каз.АССР. Что касается Кустанайской губернии, то она признана центром, как голодающая губерния и которая находится в самом катастрофическом положении. Причиной к такому положению послужило аннулирование нарядов на получение продовольствия из Челябинска и из Акмолинской губернии.»[16].

В результате такого подхода к решению продовольственной проблемы в Кустанайской губернии, 90% населения было охвачено голодом.[17]. Особенно сильно голодом было охвачено кочевое население республики. Результатом чего явилась откочевка бедных слоев казахов из своих аулов[18] с территории Кустанайской области в близлежащие районы РСФСР. Центром откочевки казахского населения с территории Кустанайской губернии явился Боровской район, в котором практически все аулы опустели. В результате административного нажима в регулировании отношений в сельском хозяйстве у коренного населения (казахов), оставшегося в своих аулах, отношение к советской власти резко изменилось. Так, например, в другом районе Кустанайской губернии Урицком, население потеряло всякую веру в помощь со стороны государства: «осуждая советскую власть за то, что она выкачала весь хлеб в прошедшем 1920 году и теперь не намерена помогать крестьянам.»[19]

Помимо Кустанайской области, в других областях Казахста-

на ситуация обстояла также не лучшим образом, так, например в Актюбинской области по некоторым районам количество голодающих достигло 80%. В результате недоедания, в Актюбинской губернии к концу 1921 года развилась эпидемия тифа.[20]. В Уральской губернии от последствий голода особенно страдали дети: «В горной Уральске ужасная картина, опухшие, стонущие дети собирают рваные отбросы по дорогам. В городе скопилось до 500 человек, которых кормить нечем.»[21].

Смертность от голода и сопутствующих ему болезней, а также массовая миграция населения из районов бедствия вызвали резкое снижение численности населения. Если в 1914 году на территории Казахстана проживало 4.811.662 человек, то к началу 1922 года его население составило 3.795.963 человек.[22].

Голод охватил также и некоторые районы Акмолинской губернии. Целый ряд телеграмм и ходотайств поступало в центральные органы республики от Акмолинского губернского исполнительного комитета с просьбами разобраться в создавшемся положении. В частности в этих телеграммах отмечалось, что рост голода в Акмолинской губернии вызван переселением 470.000 голодающих из других губерний, главным образом из Челябинской, Кустанайской, Самарской, а также из некоторых районов Поволжья. Приток переселенцев поставил экономическую инфраструктуру Акмолинской области в сложное положение.[23]

По статистическим данным, поступающим с мест количество голодающих по губерниям Казахстана можно выразить следующей таблицей. Сведения о количестве голодающих в таблице даются в тысячах.

Таблица 1 [24]

Губерния/уезд	Количество голодающих
1. Оренбургская	473.776
2. Кустанайская	252.816
3. Актюбинская	359.326
4. Уральская	277.885
5. Букеевская	100.000
6. Адаевский уезд	75.000
7. Акмолинская	100.670
ИТОГО	1.639.443

Силовая политика государства вызвала все более нарастающее недовольство аула и деревни. В ряде случаев неприятие ад-

административного террора и произвола, проводимого советской властью, выливалось со стороны крестьян в акты открытого саботажа и вооруженного сопротивления. Так например, в феврале - марте 1921 года очаги напряженности стали возникать в Акмолинском, Петропавловском, Кокчетавском и других районах края. Ситуация сложившаяся в Казахстане, подтверждала общую картину экономического и политического кризиса Советской власти, охватившего всю страну после окончания Гражданской войны. В результате сложившейся ситуации, а также с развитием голода во многих губерниях Казахстана шел стихийный процесс обратной миграции крестьян, прибывших еще до революции с Украины и из районов Центральной России. Это движение получило широкие размеры не только в связи с экономической разрухой, но и постоянными неурожаем в Казахстане. Отток населения республики отрицательно сказался на ее экономическом состоянии.

В результате вмешательства и разъяснительной работы высших партийных и центральных органов, удалось остановить стихийный поток обратного переселения из Казахстана. [25].

Исходя из создавшегося положения, руководящие государственные, партийные органы Казахской АССР вынуждены были закрыть республиканские границы, тем самым стремясь ограничить приток беженцев из голодающих губерний. Это решение республиканских управленческих органов было принято на основании различных ходатайств и телеграмм, поступающих с мест.

Однако эти мероприятия были малоэффективны и голод продолжал существовать. [26].

В связи с развитием бедствия партийная организация республики была вынуждена созвать II съезд Советов Каз. АССР, состоявшийся 4. 10. 1921 года, повесткой дня которого явилось принятие решений по борьбе с голодом, изживание бандитизма, возникшего на почве голода, а также проведение новой экономической политики. [27]

22.01. 1922 года Центральная комиссия помощи голодающим обратилась с просьбой ко всем гражданам Казахской автономной республики об оказании помощи голодающим, в частности, в этом обращении говорилось следующее: «для проведения успешной борьбы с опасностью развернувшегося голода в республике, центральные органы республики обращают внимание местных партийных организаций и печати республики уделять достойное внимание и место в агитации трудящихся республики в оказании помощи голодающим.» [28]. С 12 по 17.02. 1922 года в Оренбурге состоялся

1-ый Всекиргизский (Всеказахский) съезд Комиссии Помгол. На съезде были представлены делегаты от губерний, которые сильно пострадали от развернувшегося голода: Оренбургской, Уральской, Актюбинской, Кустанайской и Акмолинской губерний, а также от Тургайского уезда. Съезд рассмотрел организационные вопросы по осуществлению деятельности по преодолению последствий голода на местах. Помимо этого, в материалах съезда указывалось на необходимость скорейшей организации деятельности в преодолении последствий голода и оказанию определенной помощи голодающему населению. [29] 30.04.1922 года в докладе Комиссии помощи голодающим Каз. АССР о причинах голода была охарактеризована ситуация с проблемами, возникшими по их разрешению. В докладе были определены признаки начала бедствия, проанализированы размеры бедствия, указаны статистические данные о населении охваченного голодом.

К признакам начала бедствия в докладе были отнесены следующие причины: «Земледельческое население, как первый свидетель будущего урожая убедившись, что благоприятных результатов от посева ждать не приходится, запасов хлеба или материальных ресурсов нет, стало быстро сниматься с постоянного места жительства, ликвидируя кое - как остатки хозяйств и обратилось в паническое бегство. Появление такого рода беженцев в городах, скопление на железнодорожных станциях и беспорядочное перемещение караванов переселенцев в разных направлениях по КАССР были показателем, что неизбежное бедствие началось. Усилились эпидемические заболевания, увеличилась детская безпризорность, одновременно с признаками голода начала развиваться холерная эпидемия, вскоре дошедшая до угрожающих размеров. Пришлось напрячь невероятные усилия для ликвидации эпидемии, чтобы подготовиться к борьбе с голодом.» [30].

Однако несмотря на принятые меры, голод в Казахстане оставался основным негативным моментом в нормализации хозяйственной, социальной и политической жизни. В результате все более усиливавшейся кризисной ситуации в обеспечении населения продовольствием, советские и партийные организации Казахстана были вынуждены обратиться за помощью к европейским государствам, которая шла в рамках помощи Советской России.

Еще 15.11.1921 года на территории Каз.АССР развернула свою деятельность Американская администрация помощи (АРА). [31]. В связи с организацией иностранной помощи в преодолении голода, в Каз.АССР был создан специальный орган, который

непосредственно подчинялся правительству РСФСР. Основной задачей и целью этого органа являлась деятельность по координации доставки и реализации гуманитарной помощи для следующих областей Каз. АССР: Оренбургской, Акмолинской, Кустанайской, Актюбинской. Помимо этого созданный орган и его уполномоченные должны были: »а) организовать работу всех заграничных организаций помощи России, согласно заключенных советским правительством договоров;

б) руководить всеми отношениями с заграничными организациями, с надлежащими учреждениями и властями. »[32]

В результате создания этой организации, ее представители от Каз. АССР вели усиленные переговоры с представителями гуманитарных европейских организаций по оказанию конкретной гуманитарной помощи Казахстану. Переговоры с гуманитарной американской организацией АРА были успешными, и последняя, в свою очередь, согласилась оказать помощь продовольствием 120.000 детям в районах бедствия.[33]

Однако оказание помощи со стороны АРА было недостаточным, поэтому были начаты переговоры с католической миссией Папы Римского в России. Представители этой миссии дали свое согласие на оказание помощи 20.000, а в случае необходимости и до 30.000 детям в районах бедствия.

В специальной телеграмме от 5.12.1922 года направленной в Оренбург[34] из Москвы говорилось, что: »Католическая миссия получила согласие Папы Римского взять на свое иждивение 20.000 детей в районе города Оренбурга, а также согласилась на доставку медикаментов и питания. »[35]

Однако с гуманитарной организацией Джойнт (Американская объединенная еврейская организация) не было окончательно достигнуто соглашение, и договор об оказании помощи не был оформлен. Это объяснялось тем, что доктор Розен - директор этой организации, только приблизительно согласился с условиями советской стороны.

Гуманитарная помощь со стороны европейских государств Казахстану явилась определенным подспорьем в борьбе с голодом. Т.Рыскулов[36] писал, что: »Советская власть приняла меры помощи голодающим. Было переселено в Россию, Туркестан и другие соседние окраины до 80.000 взрослых и 35.000 детей, открыты отделения американской помощи АРА и другие меры. По Киргизии и Туркестанской республике было собрано около 40.000 голов скота и роздано голодающему населению Казахстана, а центр РСФСР от-

пустил до 2 миллионов пудов зерна.»[37]

По мере ликвидации последствий голода увеличилось количество возвращенцев, пожелавших вернуться на старое место жительства. Так, только по данным за июль 1922 года, из Акмолинской области было отправлено 3.798 человек, в том числе в Самарскую губернию 1.934 человека, в Казанскую 1.640 человек.[38] В страшные голодные годы в тяжелом положении оказались не только крестьяне Казахстана, но и рабочие. Чтобы облегчить их положение 1.260 казахских семей в организованном порядке были отправлены в Туркестанский край.[39] В 1921 году трудящиеся Туркестана приютили у себя около 41.000 детей казахов.[40]

В июле 1922 года был заслушан доклад о деятельности ЦК Помгол при Каз.ЦИКе. В этом докладе, который был заслушан на двух заседаниях 16.07. и 30.07. 1922 года, особое внимание было уделено создавшейся ситуации в Акмолинской губернии. В этом отчете было отмечено следующее: «Комиссия по организации помощи голодающим в Акмолинской губернии способствовала созданию в уездных городах Кокчетаве, Атбасаре, Акмолинске специальных комиссий по организации помощи голодающим, которые в свою очередь организовали волостные комитеты помощи голодающим. С 1 мая по 15 июля 1922 года число голодающих в Акмолинской области колеблется от 400.000 до 450.000. Поступившие сведения с мест отмечают, что положение населения катастрофическое. Так например, в уездах Петропавловском, Кокчетавском, Моңғалинском и Аклинском районах Атбасарского уезда население уже обречено на голодную смерть. Местами люди питаются суррогатами и падалью, есть случаи людоедства.»[41].

Интересны в этом плане статистические сведения о количестве голодающих по губерниям Казахской АССР на июль 1922 года. Эти сведения приведены в таблице и практически охватывают все возрастные группы населения республики.

Таблица 2 [42]

Наименование губернии	Детей	Взрослых	Всего
1. Оренбургская	234.512	263.539	498.051
2. Актюбинская	72.309	227.691	300.000
3. Кустанайская	95.930	237.176	333.106
4. Акмолинская	210.000	230.000	440.000
5. Уральская	165.559	126.539	292.098
6. Букеевская	3.3135	33.095	36.230
7. Илекский уезд	7.000	8.000	15.000
8. Тургайский уезд	37.500	37.500	85.000
9. Семипалатинская	6.110	8.396	14.505
Итого:	864.341	1.171.936	2.033.990

Несмотря на оказание иностранной помощи и конкретных действий со стороны центральных учреждений республики, голод в Казахстане продолжал существовать вплоть до 1924 года. Конечно, мероприятия 1921 - 1922 годов по ликвидации голода способствовали его приостановке, но в сущности голод из массового явления превратился в явление региональное, вспыхивающее то в одной, то в другой губернии Казахстана.

Особенно сильно голод развился в начале 1923 года в Акмолинской губернии, который продолжался вплоть до 1924 года. Причиной разразившегося голода явился недород 1923 года. Акмолинский губернский исполнительный комитет в связи с развитием голода вынужден был создать статистическую комиссию проводившую обследование районов области. По материалам обследования Акмолинской статистической комиссии в семи волостях губернии голодало 14.000 человек, а также имелись смертельные случаи от голода.

5.03.1924 года Совнарком Каз. АССР отправил специальную телеграмму Акмолинскому губернскому исполнительному комитету, в которой писалось, что: «По имеющимся в Совнаркоме сведениям в Акмолинской губернии учащаются случаи смертности от голода. Совнарком срочно предлагает выяснить и сообщить телеграфно, какие меры приняты Вами для ликвидации голода.»[43]

Уже 21.03.1924 Акмолинский исполнительный комитет отправил телеграмму в Совнарком о создавшейся ситуации в губернии. В ней сообщалось следующее: «Голодом охвачены многие волости Акмолинской губернии. Имеются смертные случаи до 80 человек.»[44] Особенно сильно были охвачены голодом южные районы Акмолинской губернии. Так, например в Вагалинском районе Атбасарского уезда голодом было охвачено 80% населения.[45] Обеспокоенные создавшимся положением партийные и центральные органы республики были вынуждены искать пути решения этой проблемы.

21.03.1924 года Каз.ЦИК отправляет телеграмму в Совнарком со следующим предложением: «Секретариат Совнаркома, на основании распоряжения просит включить в повестку дня заседания малого Президиума Каз.ЦИКа 22.03.1924 года вопрос об организации Комиссии Помощи голодающим в Акмолинском и Атбасарском уездах.»[46]

31.03.1924 года исходя из требований Совнаркома Каз.АССР состоялось заседание Акмолинского губернского исполнительного комитета, на котором слушался вопрос «Об оказании помощи голо-

дающему населению Атбасарского и Акмолинского уездов.» С докладом по этому вопросу на совещании выступил товарищ Кулумбетов [47], который отметил причины и особенности развития голода в губернии.

22.04.1924 года Акмолинский губернский исполнительный комитет посылает вновь телеграмму в Совнарком, в которой дает информацию о размерах голода. В этой телеграмме сообщалось:» По донесению уездных исполнительных комитетов размеры голода в уездах имеют следующие размеры. Акмолинский уезд взрослого населения в городе охвачено голодом 995, детей 1.821. В уезде охвачено голодом взрослого населения 4.190, детей 9.025. По Атбасарскому уезду охвачено голодом взрослого казахского населения 4.871, русского 4.328. Детей среди казахов 2.533, русских 3.006. К концу посевной кампании, по сообщению уездных исполнительных комитетов, размеры бедствия увеличатся.»[48]

24.04.1924 Акмолинский губернский исполнительный комитет посылает специальную телеграмму в Совет Народных Комиссаров Казахской АССР с просьбой о быстрейшем оказании помощи в создавшейся ситуации.[49] Однако центральные органы не прореагировали на данное сообщение, ограничившись только посылкой телеграммы на имя председателя Акмолинского губернского исполнительного комитета Кулумбетова, в которой предлагали следующее:»Совет Народных Комиссаров предлагает Вам в срочном порядке выехать в Оренбург для доклада о размерах голода в южной части Акмолинского уезда со всеми цифровыми данными и имеющимися материалами по этому вопросу.»[50]

Поэтому из Акмолинска постоянно приходили телеграммы и просьбы. Так, например, 13.08.1924 года в служебной записке на имя председателя Совета Народных Комиссаров Сакена Сейфулина [51] от Акмолинского губернского исполнительного комитета отмечалось, что «голод имел свои последствия прежде всего для коренного казахского населения.»[52] В данной служебной записке также указывались конкретные волости[53] Акмолинской губернии охваченные в этот период голодом:Аси - Кайгинская, Сарааркинская, Нуринская, Захарьевская, Кургальджинская, часть Акмолинской и Ерментауской волостей. Помимо этого в этой служебной записке был дан короткий анализ состояния хозяйственных дел:»Экономическое положение губернии в ее южных районах абсолютно не важное: крестьянство и киргизы (казахи) в последние годы потеряли третью часть своего хозяйства. Население южного района охвачено голодом, как русское, так и киргизское (казахское). Употребля-

ет суррогаты.»[54]

14.08.1924 года в новой телеграмме, посланной в Совет Народных Комиссаров из Акмолинска отмечалось:»Выявить точную цифру голодающих не представляется возможным до настоящего времени, хотя уездным исполнительным комитетам были даны исчерпывающие указания. По мнению определенных уездных исполнительных комитетов, в Акмолинской губернии голодающих 25% киргиз (казахов) и 10% русского населения, затем, на основании статистических обследований состояние скотоводства и земледелия в 1921 и 1923 годах, высказывает предположение о недоедании населения.»[55]

Последствия голода 1924 года в Акмолинской области удалось ликвидировать только к началу 1925 года.

Надо отметить, что существование голода в Казахстане в названный период сказывалось не только на экономической жизни республики, но и непосредственно влияло также и на политическую жизнь. Прямым и непосредственным результатом влияния голода на политическую ситуацию в республике явилось участие крестьян и рабочих в выборах конца 1924 - начала 1925 годов. В большинстве случаев крестьяне и рабочие Казахстана просто отказывались от участия в выборах.[56]

В Казахстане, с его специфическими особенностями - кочевым образом ведения хозяйства и быта, подавляющая масса коренного населения в период 1921 - 1924 годов была вовлечена в голод. Голод 1921 - 1924 годов явился только прелюдией к более массовой трагедии в Казахстане, разразившейся в годы коллективизации и упрочнения сталинского режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанова Ф.Н.: Формирование национального состава населения Казахстана в годы гражданской войны и восстановление народного хозяйства. «Вестник АН Казахской ССР» №. 1 (1979), с. 59.
2. Доклад 3 - му Всеказахскому съезду Советов о деятельности киргизского Народного комиссариата земледелия с начала 1922 года к съезду Советов Каз. АССР. Оренбург 1922, с.47.
3. Лубны - Герцык Л.: Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М. 1926, с. 29.
4. II Казахстанская областная конференция РКП (б). 19 - 27 февраля 1922 года. Алма - Ата 1926, с. 29
5. Собрание статистических сведений о движении населения, скота и урожаев по Казахской СССР с 1880 по 1922 годы. Оренбург 1925, с. 68 - 69.
6. Там же , с.44 - 45.

7. Центральный Государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК), ф.320, оп. 1, д.45, л.105.
8. ЦГА РК, ф.320, оп.1., д.41., л.127
9. ЦГА РК, ф.320, оп.1, д.41, л.127 (оборотная сторона)
10. 1 верста - 1, 067 км.
11. ЦГА РК, ф. 320, оп.1, д.45, л.106
12. Рыскулов Т.Р.: Собрание сочинений в трех томах. Том 2. Алматы 1997, с.242
13. ЦГА РК, ф.320, оп.1, д.45, л.104
14. ЦГА РК, ф.320, оп.1., д.41, л. 128 -129 или Статистико - экономический обзор Казахской АССР. Оренбург 1923, с. 170 - 173.
15. ЦГА РК, ф.320, оп.1, д. 41, с. 54.
16. ЦГА РК, ф.320, оп. 1, д. 45, с. 84.
17. ЦГА РК, ф.320, оп. 1, д. 45, л. 97.
18. Аул, наименование казахской деревни в дореволюционное время.
19. ЦГА РК, ф. 320, оп.1, д.45, л.97 (оборотная сторона)
20. ЦГА РК, ф. 320, оп.1, д. 45, л.98.
21. ЦГА РК, ф. 320, оп.1, д.45, л. 98 - 99.
22. История Казахстана. Очерк. Алматы 1993, с.229.
23. ЦГА РК, ф. 320, оп.1, д. 45. л.84 - 85.
24. ЦГА РК, ф. 320, оп.1, д. 45, л.107 - 108.
25. ЦГА РК, ф. 74, оп.3, д.46, л.6.
26. ЦГА РК, ф.846, оп.1, д.69, л.25 - 29.
27. Рыскулов Т.Р.: Собрание сочинений в трех томах. Том 2. Алматы 1997, с. 243.
28. ЦГА РК, ф.81., оп.1, д.554, л.19.
29. ЦГА РК, ф.320, оп.1, д.45, л.127.
30. ЦГА РК, ф.196, оп.1, д.40, лл.307 - 310.
31. ЦГА РК, ф.320, оп.1, д. 45, л. 111.
32. ЦГА РК, ф.5, оп. 6, д.75, л.43.
33. Там же , ф. 5, оп.6, д.75, л.47а.
34. Оренбург являлся столицей Каз. АССР до 1925 года, после национально - государственного размежевания столица была перенесена в город Кызыл - Орду.
35. ЦГА РК, ф.5, оп.6, д.75, л.48.
36. Рыскулов Турар (1894 - 1938), выдающийся партийный, государственный деятель. В 1916 году принял участие в национальном восстании, был арестован царскими властями. Т.Рыскулов работал зав. отделом печати Казкрайкома. Он активно участвовал в реорганизации сельского хозяйства, перехода кочевое население к оседлости, в строительстве городов Караганды и Балхаша. Открыто выступал против политики Сталина. Был обвинен в национализме, репрессирован. Позже реабилитирован.
37. Рыскулов Т.Р.: Собрание сочинений в трех томах. Том 2. Алматы 1997, с. 243.
38. ЦГА РК, ф.83, оп.1., д.162, л.78.

39. II Казахстанская областная конференция РКП(б): 19 - 27 февраля 1922 года. Алма - Ата 1926, с.84.
40. ЦГА РК, ф.83, оп.1, д.70, л.17.
41. ЦГА РК, ф.320, оп.1, д.36, л.60.
42. ЦГА РК, ф.320, оп.1, д.36, л.62.
43. ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.352, л.15.
44. ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.352, л.17.
45. ЦГА РК, ф.1175, оп.1, д.18, л.64 - 65.
46. ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.352, л.18.
47. Кулумбетов Узакбай (1891 - 1938), партийный, советский, государственный деятель, член Компартии Казахстана с 1920 года. В 1923 - 1925 годах заместитель председателя, затем председатель Акмолинского губернского исполнительного комитета.
48. ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.352, л.53.
49. ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.357, л.16 - 17.
50. ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.352, л.56.
51. Сейфуллин Сакен (12.6.1894 - 1939), писатель и государственный деятель. Считается одним из создателей современной казахской литературы. В 1918 году вступил в РКП(б), участник борьбы за установление советской власти в Казахстане. В 1922 - 1925 годах председатель СНК Казахской ССР. В 1938 году арестован. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.
52. ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.352, л.61 оборотная сторона.
53. Волость административная единица в дореволюционное время. Для Казахстана - это округ объединяющий большое количество казахских аулов.
54. Там же, ф.30, оп.1, д.352, л.61 оборотная сторона.
55. ЦГА РК, ф.30, оп.1, д.352, л.129.
56. Нурпеисов К.: Крестьянские Советы Казахстана. (История строительства, укрепление и практическая деятельность аульных Советов 1917 - 1929). Алма - Ата 1972, с.305 -313; кроме того «История Казахской ССР», т.4. Алма - Ата 1977, с.373.

Е.Е. Щербик

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С. Аманжолова,
г.Усть-Каменогорск

РОЛЬ ПРОМЫСЛОВОГО НАЛОГА В ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ ПОДАТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Ведущими тенденциями в развитии государственной торговой политике во второй половине XIX века, после отмены крепостно-

го права, явились создание условий для участия в торговле основных податных сословий России и правовые шаги по освобождению торговли от сословных ограничений. Прямым реальным налогом на промышленные, торговые и кустарные предприятия явился промысловый налог. В России он был введен в конце XVIII века в форме гильдейского сбора. Объявленный («по совести») капитал купцов распределялся по 3 гильдиям и облагался пропорционально ставке в 1%.

В 1863, 1865, 1885, 1898 гг. происходили изменения – шла реорганизация промыслового налога. Система взимания промыслового налога была сложной: налог подразделялся на основной и дополнительный. Основной устанавливался в твердых ставках в зависимости от разряда предприятия и класса местности. Дополнительный налог предприятия, обязанные предоставлять отчетность, платили в виде налога на прибыль по процентным прогрессивным ставкам и налога на основной капитал по твердой пропорциональной ставке – 15 коп. (позднее 20 коп.) с каждых 100 рублей, в уплату последнего засчитывался процентный сбор. Из прибыли предприятий, не обязанных предоставлять отчетность, вычитался 30-кратный (позднее 20-кратный) оклад основного промыслового налога и с каждых 30 рублей оставшейся прибыли взимался 1 рубль налога. Кроме того, эти предприятия облагались дополнительным раскладочным сбором. [1]

Нововведения в общероссийском законодательстве распространялись на все территории и административные единицы Российской империи. 19 мая 1854 года последовал Указ Правительствующего сената: «из частей, находящихся на левом фланге киргизской (казахской) степи, именно Кокпектинского и Аягузского внешних округов и Семиречинского края, городов: Семипалатинска, Усть-Каменогорска и Бухтарминского управления и земель, занимаемых ныне киргизами, кочующими на внутренней стороне Сибирской линии по правую сторону Иртыша, образовать особую область под названием Семипалатинской». [2] Крупными городами и поселениями области стали: Семипалатинск (1718 г.), Усть-Каменогорск (1720 г.), Бухтарма (1761 г.), Кокпекты (1827 г.), Аягуз (1831 г.), Зайсан (1868 г.). По данным статистической отчетности динамика городского населения г. Семипалатинска выглядела следующим образом: 1795г. – 532 муж.д., 1831г. – 1428 м.д., 1836г. – 2165 м.д., 1850г. – 3331 м.д., 1860г. – 5882 м.д. Материалы всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года позволяют судить о населении городов Восточного Казахстана: Семипалатинск – 26246

чел., Усть-Каменогорск – 8721 чел., Зайсан – 4402 чел., Кокпекты – 2930 чел., Бухтарминск – 3486 чел.

Согласно формуляра ведомости для отчета губернатора, принятого 1 октября 1808 года и уточненного в 1829 году, в него включались сведения об основных сословных группах населения, которые были обозначены «в ревизии состоящих и платящих подати» и «не состоящих в ревизии и не платящих подати». Платящими подати считались: горожане, купечество, государственные крестьяне, казахское население.

Во второй половине XIX века сословный состав городов, включая податное население, отличался пестротой, что являлось результатом социально-экономических изменений в обществе. Данные отчетов военного губернатора о состоянии Семипалатинской области, табелей народонаселения этой территории за 1860, 1865 гг. и материалов, которые собрала комиссия, занимавшаяся сбором сведений для подготовки «Временного положения» 1868 года позволили собрать сведения о податном населении Семипалатинской области. [3] Податное население составляло: 1) г. Семипалатинск – 6527 человек (5362 мужчины, 4008 женщины; по сословиям: купцы – 1211, мещане – 2647, государственные крестьяне – 120, казахи кочевые – 1762, казахи оседлые – 787 человек); 2) г. Усть-Каменогорск – 1591 человек (2057 мужчины, 1301 женщины; по сословиям: купцы – 550, мещане – 921, государственные крестьяне – 58, казахи кочевые – 54); 3) г. Кокпекты – 959 человек (523 мужчины, 436 женщины; по сословиям: купцы – 336, мещане – 583, казахи оседлые – 40 человек); г. Сергиополь (Аягуз) – 516 человек (277 мужчины, 239 женщины; по сословиям: купцы – 32, мещане – 39, казахи кочевые – 69, казахи оседлые – 376 человек). Податное население по округам без городов составляло: Семипалатинский округ – 34816 человек, Кокпектинский округ – 51660 человек, Сергиопольский (Аягузский) округ – 44736 человек.

О состоянии бюджетов городов можно судить по архивным данным о доходах и расходах городов Семипалатинской области (таблица 1). [4]

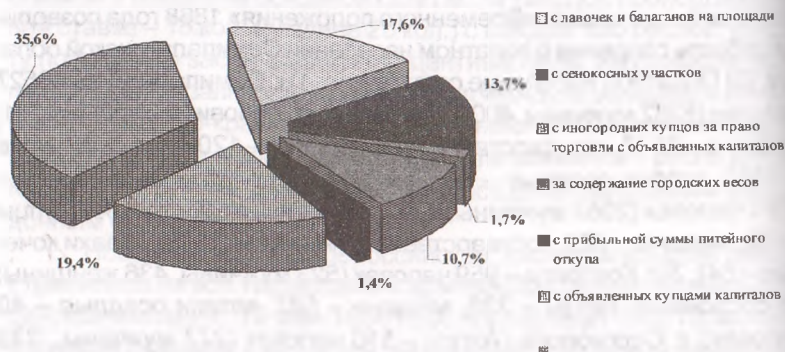
Таблица 1

Доходы и расходы бюджетов городов ВКО

Город	Год	Доходы	Расходы	Остаток
Семипалатинск	1831	6244 руб.	4510 руб. 50 коп.	1723 руб. 50 коп.
	1862	10710 руб.	9610 руб. 81 коп.	1715 руб. 45 коп.
	1863	10937 руб. 90,5 коп.	неизвестно	неизвестно
Усть-Каменогорск	1831	1564 руб. 44 коп.	1514 руб. 79 коп.	49 руб. 65 коп.
	1861	2313 руб. 61 коп.	1088 руб. 73 коп.	1224 руб. 88 коп.
	1862	2388 руб. 60,5 коп.	2307 руб. 27 коп.	137 руб. 14,5 коп.
	1863	3316 руб. 33 коп.	неизвестно	неизвестно

Рассмотрим, для примера, из чего складывались доходы бюджета г. Усть-Каменогорска в 1861 году. В течении 1861 года поступило 2313 руб. 61 коп.: с лавок гостиного двора – 74 руб. 21 коп., с лавочек и балаганов на площади – 372 руб. 20 коп., с 8 сенокосных участков – 289 руб. 55 коп., с одного рыбного места – 60 коп., с заводов кожевенных – 21 руб., с иногородних купцов за право торговли с объявленных капиталов – 35 руб. 10 коп., с свидетельств, векселей, обязательств – 98 руб. 43 коп., за содержание городских весов – 227 руб., с прибыльной суммы питейного откупа – 28 руб. 81 коп., с клеймения весов и мер – 2 руб., с объявленных купцами капиталов – 411 руб. 28 коп., с процентов с розданных в ссуду денег – 556 руб. 58 коп. [5]

Рисунок 1
Структура доходов бюджета г. Усть-Каменогорска в 1861 году

Приведенный выше рисунок свидетельствует о том, что основные доходы бюджета г. Усть-Каменогорска складывались из податей и повинностей с прямых и косвенных налогов, от таможенного сбора, откупной суммы по питейному откупу, среди которых основным являлся промысловый налог.

Правительственные Положения обусловили выход местных документов, регламентирующих сбор промыслового налога. К торгово-промышленному населению городов относились такие категории податного населения как купцы и мещане, на которых в первую очередь распространялся промысловый налог. По архивным данным можно судить о численном составе этих категорий населения в городах Семипалатинске и Усть-Каменогорске (таблица 2). [6]

Основные категории податного населения

Таблица 2

Города	1831 год			1850 год			1860 год		
	всего жителей	купцы	мещане	всего жителей	купцы	мещане	всего жителей	купцы	мещане
Семипалатинск	2805	120	637	5527	397	1845	9759	730	2133
Усть-Каменогорск	2047	29	-	3516	105	547	3156	394	825

В конце XIX века в Семипалатинской области было принято «Постановление об обложении сборами торговли и промышленности». Оно определяло: «... если капитал свыше 50 тыс. руб. – свидетельство I-й гильдии; от 10 до 50 тыс. руб. – свидетельство II-й гильдии; до 10 тыс. руб. – свидетельство на мелочный торг; при оптовой торговле: глава торгового дома – свидетельство I-й гильдии, прочие – II-й гильдии.»

В документе приводилась подробная «Роспись пошлин на право торговли и промыслов» (таблица 3).

Роспись пошлин на право торговли и промыслов

Таблица 3

Документ	В Семипалатинске (4-го класса)	В прочих местностях Семипалатинской области (5-го класса)
<i>Свидетельства:</i>		
I-й гильдии	565 руб.	565 руб.
II-й гильдии	55 руб.	40 руб.
на мелочный торг	15 руб.	10 руб.
на развозной торг	16 руб.	16 руб.
на разносной торг	6 руб.	6 руб.
приказчики 1 класса	35 руб.	35 руб.
приказчики 2 класса	6 руб.	6 руб.
<i>Паспортные свидетельства:</i>		
I-й гильдии	15 руб.	15 руб.
II-й гильдии	6 руб.	6 руб.
<i>Пошлины за билеты на торговые и промышленные заведения:</i>		
при свидетельствах I-й гильдии	25 руб.	20 руб.
при свидетельствах II-й гильдии	15 руб.	10 руб.
при свидетельствах на мелочный торг	4 руб.	2 руб.
<i>Пошлины за промысловые свидетельства:</i>		
1-го разряда (от 10 до 16 рабочих)	15 руб.	10 руб.
2-го разряда (от 5 до 9 рабочих)	10 руб.	7 руб.
3-го разряда (от 2 до 4 рабочих)	5 руб.	3 руб.

Документ определял патентный сбор с 1 января 1887 года, плата с винных лавок для городских поселений I разряда: 300 руб., II разряда – 150 руб., III разряда – 100 руб.; для внегородских поселений сверх установленного патентного сбора в 30, 40 и 60 руб.,

установлен еще один разряд в 100 руб. с ведерных лавок.

Важную часть промыслового налога составляли пошлины на право торговли и промыслов. Предприниматели, занимаясь торгово-промышленной деятельностью, должны были ежегодно брать свидетельства или билеты с оплатой в бюджет. Свидетельства были двух видов: гильдейские (купеческие) и просто промысловые. По некоторым особо доходным видам деятельности купцы были обязаны выбирать свидетельства I гильдии. Это – оптовая торговля, банковская, страховая, комиссионерская и транспортная деятельность. Плата за свидетельства купца I гильдии была одинакова для всех и равнялась 565 рублей в год. Ко II гильдии относились лица, получившие право на розничную торговлю, плата устанавливалась от 40 до 120 рублей в зависимости от географического коэффициента. Территория России разделялась на пять классов.

Второй формой налогов на право торговли и промыслов являлись билеты на каждое отдельное торговое или промышленное заведение. При свидетельстве I гильдии за каждый билет вносилось от 20 до 55 руб. (в зависимости от местности), II гильдии от 10 до 35 руб., свидетельство на мелочный торг обходилось от 2 до 10 руб. Промысловые свидетельства согласно новому Положению о Государственном промысловом налоге (1898 г.) должны были выбирать ся на каждое промышленное предприятие, торговое заведение, пароход. Свидетельство могло получить как физическое, так и юридическое лицо. Так обеспечивался единый подход к гильдейскому купечеству и акционерным обществам. Были выделены три торговых и восемь промышленных разрядов, по которым взимался основной промысловый налог.

Изучение археографических источников, в частности «Всеобщего русского календаря» за период конца XIX – начало XX веков, позволило выявить статистические материалы, касающиеся промыслового налога. Вот как выглядела ведомость окладов.

Свидетельства для торговых предприятий.

Свидетельства для торговых предприятий I разряда:

- 1) на торговые заведения повсеместно – 500 руб.;
- 2) на складские к ним помещения повсеместно – 30 руб.

Свидетельства для торговых предприятий II разряда:

- 1) на торговые заведения: в столицах – 150 руб., в местностях I класса – 125 руб., II класса – 100 руб., III класса – 75 руб., IV класса – 50 руб.;

- 2) на складские к ним помещения: в столицах – 25 руб., в местностях I класса – 20 руб., II класса – 15 руб., III класса – 12 руб.,

IV класса – 10 руб.

Свидетельства для торговых предприятий III разряда:

1) на торговые заведения: в столицах – 30 руб., в местностях I класса – 25 руб., II класса – 20 руб., III класса – 15 руб., IV класса – 10 руб.;

2) на складские к ним помещения: в столицах – 6 руб., в местностях I класса – 5 руб., II класса – 4 руб., III класса – 3 руб., IV класса – 2 руб.

Свидетельства для торговых предприятий IV разряда: на торговые заведения: в столицах – 12 руб., в местностях I класса – 10 руб., II класса – 8 руб., III класса – 6 руб., IV класса – 4 руб.

Свидетельства для торговых предприятий V разряда:

1) на развозной торг повсеместно – 20 руб.;

2) на разносный торг повсеместно – 6 руб.

Свидетельства для промышленных предприятий, повсеместно I разряда – 1500 руб.; II разряда – 1000 руб.; III разряда – 500 руб.; IV разряда – 150 руб.; V разряда – 50 руб.; VI разряда: в столицах – 30 руб., в местностях I класса – 25 руб., II класса – 20 руб., III класса – 15 руб., IV класса – 10 руб.; VII разряда: в столицах – 15 руб., в местностях I класса – 12 руб., II класса – 10 руб., III класса – 7 руб., IV класса – 5 руб.; VIII разряда: в столицах – 6 руб., в местностях I класса – 5 руб., II класса – 4 руб., III класса – 3 руб., IV класса – 2 руб.

Свидетельства для ярмарочной торговли. На ярмарках I класса (Нижегородской) для оптовой торговли – 100 руб., для розничной торговли – 25 руб.; на ярмарках II класса (свыше 21 дня) для оптовой торговли – 50 руб., для розничной торговли – 13 руб.; на ярмарках III класса (от 15 до 21 дня) для оптовой торговли – 40 руб., для розничной торговли – 10 руб.

Для паровых судов: повсеместно с каждого квадратного фута площади нагрева паровых котлов – 7 коп.

Целый ряд товаров освобождался от уплаты государственного промыслового налога: 1) всякого рода сельскохозяйственные продукты, скот, птица, дрова и уголь, лес, камень, глина и прочие строительные материалы; 2) печеный хлеб, соль, мясо, рыба, фрукты, овощи, зелень и другие съестные припасы в сыром и изготовленном для потребления виде, а также квас, сбитень, мороженое и простонародные лакомства; 3) изделия кустарного и домашнего производства, за исключением изделий золотых, серебряных и из драгоценных камней; 4) простонародная одежда и обувь, вязанный и валенный товар, а также шерстяные и бумажные платки и косынки.

ки; 5) мелкий простонародный галантерейный товар и детские игрушки; 6) подержанная домашняя утварь, старое железо в лом, битое стекло, тряпье и кости; 7) серпы, косы, лопаты, топоры и прочие ручные сельскохозяйственные инструменты; 8) смола, деготь, рогожи, мочала, лыко, щетина, пух, перья, мыло и губки; 9) зажигательные спички, труть и огниво; 10) цветы, растения и певчие птицы; 11) газеты, книги и другие произведения печати, а также картины; 12) на Кавказе и Закавказье, в Туркестанском крае дозволяется такую торговлю шелковыми, полушелковыми, шерстяными и бумажными материями местного ручного изделия, а в Туркестанском крае – и туземным табаком, измельченным ручным способом.

Оклады дополнительного промыслового налога

Налог с капитала составляет 15 коп. с каждых 100 рублей основного капитала, если чистая прибыль предприятия не превышает 3%, и 20 коп. с прочих предприятий, при чем в уплату зачитывается сумма основного налога, уплаченная заведениями и складскими помещениями. *Раскладочный сбор* на каждый год в отдельности, соразмерно приносимой предприятием чистой прибыли. *Процентный сбор с прибыли*:

1) для предприятий, обязанных публичной отчетностью: при чистой прибыли от 3% до 4% – 3%, от 4% до 5% – 4%, от 5% до 6% – 4 1/2%, от 6% до 7% – 5%, от 7% до 8% – 5 1/2%, от 8% до 9% – 5 3/4%, от 9% до 10% – 6%, от 10% до 11% – 6 1/4%, от 11% до 12% – 6 1/2%, от 12% до 13% – 7%, от 13% до 14% – 8%, от 14% до 15% – 9%, от 15% до 16% – 10%, от 16% до 17% – 11%, от 17% до 18% – 12%, от 18% до 19% – 13%, от 19% до 20% – 14%, а если чистая прибыль свыше 20%, то взимается, сверх 14%, еще 10% на основной капитал;

2) для прочих предприятий – по 1 рублю с 30 рублей из той части чистой прибыли, которая превышает увеличенный в тридцать раз оклад основного налога.

Во второй половине XIX века в Семипалатинской области развивается как внутренняя, так и внешняя торговля, возрастает роль ярмарочной формы торговых отношений. В Семипалатинской области было около 30 ярмарок, в 1890 году их общий оборот составил 1 млн. 770 тыс. рублей. [7] Наиболее значительные ярмарки в начале XX века имели следующие обороты: Ботовская (Каркаралинский уезд) – 2722550 рублей, Чарская (Семипалатинский уезд) – 431834 рубля, Екатерининская (Семипалатинский уезд) – 323935 рублей, Никольская (Усть-Каменогорский уезд) – 115620 рублей, Рождественская (Усть-Каменогорский уезд) – 107900 рублей, Никольская (Се-

мипалатинский уезд) – 51516 рублей. [8]

Таким образом, Положением о государственном промысловом налоге (от 8 июня 1898 г.) государство вносило в налоговое законодательство, регулирующее торгово-промышленную деятельность прогрессивные изменения, но на основе сохранения сословности в социальной политике. В частности, пошлинная торговля на ярмарках функционировала на основе сословного принципа в соответствии с разрядностью ярмарочных торгов. Вместе с тем, учитывая значение ярмарочной торговли для крестьян – главных налогоплательщиков, государство сохранило привилегии на ярмарках I – IV разрядов для торгующих крестьян и освободило ярмарки V разряда от уплаты пошлин. Мы видим, на примере Семипалатинской области, дифференцированный подход к решению проблемы обложения пошлинами торгово-промышленной деятельности – введение разрядов, классов и шкалы налогообложения, учет торгующих сословий.

После октябрьской революции 1917 года Советское правительство, сохранив промысловый налог, повысило его ставки и расширило круг плательщиков. Промысловый налог занимал значительное место в государственных доходах. Так, в 1927-1928 финансовом году он составил $\frac{1}{3}$ всех налоговых поступлений. Налоговой реформой 1930-1932 гг. промысловый налог с обобщественного сектора был полностью отменен. Аналогом промыслового налога в современной мировой практике является единый налог на вмененный доход для определенных видов деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Финансовая энциклопедия. М.-Л., 1927, С. 810-846; Толкушкин А.В. Налоги и налогообложение. М., 2000, С. 382-384; Черник Д.Г., Починок А.П., Морозов В.П. Основы налоговой системы. М., 1998, С. 67-68.
2. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1854, ч. 82, отд. 7, С. 85; Касымбаев Ж.К. История города Семипалатинска (1718-1917 гг.). А., 1998, С. 78-79.
3. ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 7, д. 82, 1866г., л. 33-46; ф. 1265, оп. 10, д. 162, 1861 г.; Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. М., 1980, с. 273; Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861-1917 гг., А-Ата, 1990, С. 88-103.
4. ГАОО, ф. 3, т. 4, д. 5297, л. 13; ф. 3, оп. 4, д. 5297, л. 15; ф. 3, оп. 5, д. 7033, л. 14; Касымбаев Ж.К. Указ. раб., С. 81, 84-85.
5. Абрамов Н. Усть-Каменогорск в 1861 г. // Записки ИРГО, Кн. 4, СПб., 1863, С. 125.

6. В.П. Шпалтаков Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795-1860 гг.) / Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982, С. 88. ГАОО, ф. 3, оп. 1, лл. 82-87, 101-110; д. 1141, лл. 36-46; д. 1142, лл. 99-102, 122-123; д. 1630, лл. 26-48, 49-53, 312-314, 478-503, 593-604, д. 2759, лл. 2-24, 153-160; оп. 3, д. 4639, лл. 138-142, 191-193, 636-655.
7. Семипалатинская область. Волости и населенные места 1893 г. Вып. 1. СПб., 1895, С. 46-47; Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана в 1861-1917 гг. А-Ата, 1990, С. 104-113.
8. Савари А.М. Краткие сведения о Семипалатинской области. Полтава, 1910, С. 15-16.

Н.Н. Южакова

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С.Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ КАЗАХСТАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1946 – 1999 ГГ. (ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ)

В условиях глубоких экономических потрясений и трансформаций, переживаемых всем постсоветским пространством, интеллигенция продолжает сохранять свою социальную нишу, играть решающую роль в формировании социокультурного потенциала общества, поскольку функциональная «природа ее остается неизменной» [1] вне зависимости от национальности, места и времени проживания. При этом следует отметить, что интеллигенция, как и любая другая социальная группа, не является статичной системой. Она в своем историческом развитии подвержена динамике, количественным и качественным трансформациям. Поэтому крайне важным представляется отследить ее развитие не только в широком историческом контексте, но и методами социально-демографического анализа.

В современной социологической литературе интеллигенция определяется как одна из полноправных страт общества, но ее основные характеристики во многом определяются задачами общества. Во главу угла ставится не участие или неучастие в процессе производства, а участие в выполнении ряда общественно значимых функций, в частности - в производстве интеллектуального продукта или контроль над перераспределением общественного продукта в соответствии с принципами социальной справедливости.

Интеллигенция советского общества, по мнению ряда историков и социологов никогда не была однородной, отличаясь по иму-

ществственным, образовательным, должностным, профессиональным признакам, а также по отношению к власти.

Казахстанские исследователи с позиций современной социологической и исторической науки дают исторические характеристики казахстанской интеллигенции, анализируют социальную структуру казахстанского общества в духе современных концепций [2]. Интеллигенция, по их мнению, делилась на несколько классов, отличающихся по статусу. В основе его лежали отношения к власти, уровень доходов, престиж должности, образовательный уровень [3].

Таким образом, современная концепция социальной структуры казахстанского общества включает в себя элементы теории социальной стратификации и совокупность социообразующих признаков, разработанных в марксистской методологии. Такой подход особенно актуален для социальной характеристики интеллигенции, так как интеллигенция, будучи социальной прослойкой, не полностью укладывалась в марксистскую методологическую схему: ее классообразующие признаки с позиций марксистской методологии выглядят достаточно расплывчато.

Следует также отметить, что совокупность стратификационных признаков, отражающая концепцию социальной структуры казахстанского общества, и в частности – казахстанской интеллигенции, так или иначе отложилась в массиве данных статистических источников и объективно поддается группировке, так как даже из фискальных соображений государство разрабатывало программы, содержащие информацию о доходах, заработной плате, статусном положении, отношении к власти и других характеристиках отдельных групп интеллигенции.

Историография казахстанской интеллигенции имеет богатую и обширную традицию, представляет несколько направлений. Не останавливаясь подробно на казахстанской историографии национальной интеллигенции хотим отметить следующее:

Конец 80-х – 90-х гг. определил новый этап в развитии исторической науки Казахстана. Во-первых, на смену единой методологической основе исторического процесса, в роли которой выступала марксистско-ленинская концепция исторического развития, пришел методологический плюрализм. Во-вторых, демократизация общественной жизни повлекла за собой колоссальное расширение источниковой базы: открытие доступа к ряду архивных фондов, публикация и вовлечение в оборот новых групп источников. В новых условиях появилась возможность методологического осмысления и нового подхода к уже ранее рассмотренным проблемам. Казах-

станская историческая наука стала активно вовлекаться в осмысление новых процессов в обществе и подвергла пересмотру целый ряд устоявшихся оценок, концепций.

Естественным результатом этого процесса явилось складывание нескольких направлений, в русле которых ведутся исследования. Не претендуя на полноту освещения данного вопроса можно выделить, во-первых, группу исследователей, продолжающих изучение истории казахстанской интеллигенции, с привлечением новых групп источников, с переосмыслением известных фактов, корректировкой социально-классовых категорий. К числу таких работ можно отнести исследование М.С. Бурабаева и С.А. Косымжанова, в которых сочетается использование накопленного исторического материала с современным его осмыслением [4].

В последние годы в историческую науку Казахстана вошли целый ряд методологических схем, методик, новых наук, получивших мировое признание [5]. Рассмотренные проблемы формирования интеллигенции в Казахстане становятся объектом исследования таких наук, как социология, демография, культурология [6]. Использование методов этих наук, привлечение новых концептуальных схем обеспечивает исследователю возможность всестороннего осмысления проблемы, выбора методов, разработки новых методик.

Большой интерес представляют исследования ведущих казахстанских ученых, написанные в последние годы с новых методологических позиций и посвященные социальным и социально-демографическим процессам в Казахстане. Это работы М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева, Ф.Н. Базановой, М.Б. Татимова, Т.О. Омарбекова, М.К. Койгелдиева, М.С. Аженова и Д. Бейсенбаева [7]. В этих работах традиционный исторический и историко-демографический материал осмыслен и подан с новых методологических позиций, а статистические и демографические показатели выступают не как иллюстративный материал, а как полноценный источник.

Говоря о состоянии историко-демографических исследований, академик М.К. Козыбаев отмечал: «В республике сложилась постоянно действующая координация усилий демографов для решения целевых республиканских и межреспубликанских программ» [8].

Большим подспорьем в написании данной статьи стала книга А.Н. Алексеенко «Население Казахстана. 1920 – 1990 годы», в которой приведен разнообразный статистический материал различных ведомств и учреждений СССР и Казахстана, а также дан скрупулезный анализ материалов переписей [9].

Последняя группа социально-демографических исследований безусловно учитывает основные параметры демографических процессов в казахстанском обществе, однако, специально проблема социально-демографической структуры казахстанской интеллигенции в послевоенный период не исследуется. Достаточно актуальна попытка рассмотреть эту проблему с новых методических и методологических позиций.

Источниковая база по проблеме включает в себя несколько групп источников:

1. Документы и материалы, составляющие методологическую основу исследования;
2. Источники государственно-нормативного характера;
3. Статистические источники, которые включают в себя материалы переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., а также материалы текущей статистики.

Наибольшую сложность представляет анализ статистических источников, в первую очередь переписей, т.к. прослеживание динамики социальных изменений в структуре казахстанской интеллигенции предполагает, во-первых, выяснение сопоставимости данных по каждой позиции на определенном временном отрезке, а во-вторых, определение достоверности сведений, обрабатываемых и предоставляемых государством, имеющим свою концепцию социального развития. В определенном смысле материалы переписей могут быть представлены не как констатирующий, а как иллюстрирующий материал. Поэтому особенно остро встает вопрос о приемах научной критики данного вида источников, о сопоставлении и проверке данных с помощью других групп источников.

Подробный анализ программ переписей дан в работе Н.В. Алексеенко «Статистические источники по демографии Казахстана» [10].

Переписи населения, проводившиеся в советской России и Казахстане в 1920, 1926 и 1939 гг., имели свою программу, ориентированную на основные задачи государства в данный момент, и отражали эволюцию экономической, политической и социальной концепции советской власти.

Перепись 1926 г. отражает многомерность социальных процессов, происходящих в обществе, и в силу этого не дает конкретных социальных характеристик общественных групп. Данные переписи использовались при составлении первого пятилетнего плана и были основой многих демографических расчетов на последующие десятилетия. Для нас эти переписи представляют интерес в той мере,

в какой, они отражают эволюцию социообразующих характеристик интеллигенции, представленных в программе переписи (грамотность, занятие, положение в занятии: хозяин, член артели, одиночка, рабочий, служащий). Налицо соединение социального и экономического статусов.

Перепись населения 1939 г. должна была проиллюстрировать итоги построения социализма в СССР (видимо этим объясняется неудача переписи 1937 г.). Она исключила вопросы, свидетельствующие о переходном характере общества; включила вопрос об образовании (в предыдущих переписях его не было). Общественное и профессиональное положение определялось вопросами: род занятий, место работы, принадлежность к той или иной общественной группе (классу?). Эта перепись характером и группировкой вопросов значительно отличается от переписи 1926 года и для нас представляет интерес грамотной постановкой вопросов, позволяющей определить профессию, род занятий и в какой-то мере, социальный и экономический статус. Вопрос об источнике доходов ставился косвенно.

Технически перепись 1939 г. была проведена наиболее грамотно и обеспечила практически полный охват населения и большую точность регистрации данных. В то же время подробных ее итогов нет, хотя данные используются в статистических сборниках в сопоставлении с материалами других переписей. Наиболее полно итоги переписи представлены в книге «Итоги всесоюзной переписи населения Казахской ССР 1959 г.», где в ряде таблиц в сравнении представлены данные переписей 1926, 1939 и 1959 годов[11].

Всесоюзная перепись 1959 г. должна была отразить сложные изменения в советском обществе послевоенного периода. По организации и методике проведения перепись населения 1959 г. была близка к переписи 1939 г. Особенности были в следующем: более подробно даны характеристики образования, значительно расширен перечень национальностей. Программа содержала 15 признаков, в их числе нас интересующие: уровень образования, название учебного заведения, место работы, занятия, источник средств существования, общественная группа. В этой переписи в наиболее полном виде сосредоточены вопросы, отражающие основные статусные характеристики интеллигенции.

Таким образом, можно говорить о сопоставимости данных последних предвоенных и первой послевоенной переписей.

Всесоюзная перепись 1970 года во многом аналогична предыдущей, но программа значительно шире. Впервые был приме-

нен выборочный метод при сборе сведений. Программа сплошной части переписи включала 11 признаков, в их числе: уровень образования, тип учебного заведения, источник средств существования. Программа выборочной части включала семь признаков: место работы, занятие, характер и продолжительность работы в 1969 году (для работавших в 1969 г. неполный год), общественная группа, продолжительность проживания в месте переписи, место предыдущего постоянного жительства и причина перемены места жительства.

Всесоюзная перепись 1979 года проведена по состоянию на 17 января. Программа переписи содержала 16 признаков, использовался выборочный метод. Сплошная перепись содержала 11 вопросов в т.ч. образование, для учащихся – тип учебного заведения, источник средств существования. Вопросы выборочной переписи (25% населения), место работы, занятия по месту работы, общественная группа [10]. При разработке материалов переписи данные выборочного опроса распространены на все население. Таким образом, переписи 1970 и 1979 годов, полностью сопоставимы по основным признакам, определяющим статусные характеристики интеллигенции. А включение вопросов о месте постоянного жительства, продолжительности проживания и причинах перемены места жительства, обеспечивают возможность исследования миграционных процессов. Хотя в переписи 1979 года миграционная программа сужена (сняты вопросы о причинах перемены места жительства и месте предыдущего постоянного жительства).

Всесоюзная перепись 1989 года проводилась в условиях «перестройки» и в некотором смысле отразила противоречия этого периода. Половинчатость экономических реформ и нерешительность реформаторской части партийно-государственного руководства отразились косвенным образом в обширной переписной программе, содержащей 20 вопросов, характеристике жилищных условий, а также, в указании двух источников средств существования. Программа сплошной переписи содержала такие вопросы, как: образование, окончил ли ПТУ, для учащихся – тип учебного заведения, источники средств существования (допускалось указание 2-х источников)[12]. Вопросы выборочной переписи: место работы, занятия по месту работы, общественная группа, продолжительность непрерывного проживания в данном населенном пункте, то есть, значительно расширена группа вопросов об учебе, возрасте, миграциях.

Для удобства вопросы переписей, характеризующие соци-

альную принадлежность и образовательный уровень населения (социообразующие признаки) представлены в таблице 1.

Таким образом, все переписи, представленные в таблице можно объединить в две группы: 1) переписи 1926, 1939 и 1959 годов 2) переписи 1970, 1979 и 1989 годов. В переписях 1-й группы вопросы отражают переходный характер общества и становление социальных характеристик основных общественных групп. Перепись 1959 года носит переходный характер и является связующим звеном между первой и второй группой. Переписи второй группы имеют стабильный набор вопросов и отражают сформировавшиеся социальные характеристики интеллигенции.

Анализ вопросов переписей показывает, что существует определенное расхождение между государственной концепцией интеллигенции и теми объективными социальными признаками, которые закладываются в программу переписи. Примером этого может служить введение вопросов о занятости умственным и физическим трудом, включенных в переписи 1939 и 1959 годов, наряду с вопросом о занятии. В последующих переписях вопрос о занятости физическим и умственным трудом был исключен.

С учетом вышесказанного, можно сделать вывод о наличии группы основных социообразующих признаков интеллигенции, отраженных в вопросах всех проанализированных переписей, что обеспечивает сопоставимость и репрезентативность полученных данных.

Среди материалов текущей статистики наибольший интерес представляют «Народное хозяйство Каз. ССР» и «Народное хозяйство Казахстана в 1960 и 1961 г.г.», так как там присутствует характеристика образовательного уровня за 1939 и 1959 г.г., распределение занятого населения по отраслям народного хозяйства за эти годы, а также численность населения, занятого физическим и умственным трудом за те же годы. В сборнике «Население СССР. 1973 год» представлен образовательный уровень населения республик по переписям 1897, 1920, 1926, 1939, 1959 и 1970 годы.

Таким образом статистическая часть источниковой базы по проблеме представлена материалами всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. а также материалами текущей статистики. С учетом указанных особенностей данные вполне сопоставимы.

Таблица 1
Динамика социобиообразующих признаков по Всесоюзным переписям населения 1926 – 1989 гг.

вопр Переп.	Грамот- ность	Образова- ние	Уч. завед	Занятие (доход)	Положение в занятии	Место работы	Общ. группа	Источник средств сущ.	Умств. или физ. тр
1926	Уровень грамот- ности			осн. побоч ре- место, промы- сел, работа, должность	Хоз, член арте- ли, одиночка., раб, служ., чл. семьи				
1939	Грамотн.	Оконч. уч. заведен., ср. или выс. шк	Назв. уч. завед., ступень	Занят. или др. источн. су- ществ.		Место работы	Обществ. группа		Занят. ум или физ. тр.
1959		Уровень об- разования	Назван. учеб. зав	Занятие		Место работы	Обществ. группа	Источник средств существ.	
1970 сплош и выб		Уровень об- разования	Тип учеб. завед	Занятие		Место работы	Обществ. группа	Источник средств существ.	
1979		Уровень об- разования	Тип учеб. завед	Занятие		Место работы	Обществ. группа	Источ. ср. сущ	
1989		Уровень об- разования	Тип учеб. завед	Занятие		Место работы	Обществ. группа	2 источ. ср. сущ	

ЛИТЕРАТУРА

1. Левинсон А.Г. Интеллигенция в условиях постсоветского общества // Куда идет Россия? М., Наука, 1994.-С. 113.
2. Аженов М.С. Бейсенбаев Д.Э. Социальная стратификация в республике Казахстан.-Алматы, 1997.-С. 112.
3. Там же. -С. 78-79.
4. Бурабаев М.С. Общественная мысль в Казахстане в 1917-1940 гг. Алматы, 1991.-С. 256
5. Блюм Ален. Методика анализа в исторической демографии.-М., РГГУ, 1997.-С. 207
6. Питер Л. Бергер. Приглашение в социологию.- М., 1996.-С.168, Тажиин М., Тажимбетов М. Региональная социология. - Алматы, 1993. - С. 204
7. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане. -Алматы, 1991. -С. 218, Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана XX век. -Алматы, 1997. - С. 214, Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. -Алматы, 1987. -С. 128, Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения КазССР. Национальный аспект. -Алматы, 1997. -С.196
8. Козыбаев М.К. Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы. // Вестник АН Казахской ССР. -1991. -№11. -С. 12
9. Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920-1990 гг. -Алматы: Гылым. -1993. -С.126
10. Алексеенко Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. - Усть-Каменогорск, 1999. - С. 113
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. - М., 1962. - С. 486
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Казахской ССР. Раздел 3, 5, 7.- Алма-Ата., 1992.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Калиева Канша Советкановна

Преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений ВКГУ им. С. Аманжолова, аспирант АлтГУ, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Крайнов Владислав Владимирович

Аспирант кафедры экономической, социальной и политической географии БГПУ, г. Минск, Беларусь.

Краснобаева Нелли Леонидовна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ, научный сотрудник НИИ демографии ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Ладзина Наталья Алексеевна

Доктор психологических наук, проректор по воспитательной работе и международным связям ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Михнова Полина Владимировна

Преподаватель кафедры основ и теории архитектуры ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Мкртчян Никита Владимирович

Кандидат географических наук, старший научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, г.Москва, Россия

Морозова Сусанна Сергеевна

Старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Мрачковский Анатолий Евгеньевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления СКГУ им. М Козыбаева, г.Петропавловск, Казахстан.

Нищий Роальд Александрович

Доктор медицинских наук, профессор кафедры анатомии и физиологии ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Нургалиева Сания Айдархановна

Методист отдела международного сотрудничества ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Омарова Динара Кимеловна

Кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры анатомии и физиологии ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Панковская Галина Ивановна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Перминов Андрей Васильевич

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Пинигина Юлия Николаевна

Административный директор АНО Исследовательский центр «Внутренняя Азия», г. Иркутск, Россия.

Ракачев Вадим Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории и социологии КГУ, г.Краснодар, Россия.

Степанов Дмитрий Владимирович

Старший преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений КарГУ им. Е.А. Букедова, г.Караганда, Казахстан

Столярова Лилия Викторовна

Кандидат политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Столярова Элеонора Олеговна

Старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Тарасова Елена Владимировна

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений ВКГУ им. С. Аманжолова, научный сотрудник НИИ демографии, г. Усть-Каменогорск, Казахстан.

Токарев Василий Владимирович

Кандидат технических наук, директор Центра социологических и маркетинговых исследований «Аналитик», г. Волгоград, Россия.

Уалиева Сауле Кабдымуликовна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова, научный сотрудник НИИ демографии, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Уалтаева Алтын Слямкайдаровна

Старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Фоминых Вадим Владимирович

Старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Хабенская Елена Олеговна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, г.Москва, Россия.

Хомра Александр Ульянович

Доктор географических наук, заведующий отделом социально-экономической и демографической безопасности Национального института проблем международной безопасности, г.Киев, Украина.

Шмидт Вальдемар

Регенсбург - ФРГ Prinz - Rupprecht Str.42, 93053 Regensburg

Щербик Евгений Ефимович

Кандидат экономических наук, зав.кафедрой «Финансы и кредит»
ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Южакова Наталья Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и
международных отношений ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

СОДЕРЖАНИЕ

Калиева К.С. Переписи населения в истории Казахстана	3
Крайнов В.В. Анализ миграционных процессов в республике Беларусь	11
Краснобаева Н.Л. Миграционные процессы в Казахстане в конце XIX века	20
Ладзина Н.А., Нургалиева С.А. Психолого-педагогические аспекты сопровождения учебно-воспитательного процесса в период адаптации студентов оралманов обучению в вузах Казахстана	28
Михнова П.В. Архитектурное наследие как социально-демографическая характеристика общества (на примере городов Северо-восточного Казахстана)	34
Мкртчян Н.В. Иммиграция в России и ее влияние на изменение этнического состава населения	44
Морозова С.С. Этнический аспект проблемы старения населения Республики Казахстан в конце XX века	53
Мрачковский А.Е. Высокая смертность как индикатор демографического неблагополучия в регионе (на примере Северо-Казахстанской области)	65
Нищий Р.А., Омарова Д.К. Профессиональное старение рабочих при процессах рафинирования свинца	73
Панковская Г.И. Формирование состава населения Восточного Казахстана в первой четверти XX века	80
Перминов А.В. Народное образование Казахстана (XIX-XX вв.): демографический аспект	92
Пинигина Ю.Н. Образовательная миграция и «сельский урбанизм»: перекресток Бохана	101
Ракачев В.Н. Этнодемографические процессы на Кубани во второй половине 1980-х — начале 2000-х гг.	106
Степанов Д.В. Формирование структуры занятости евреев в Казахстане в конце XIX — начале XX веков: к постановке проблемы....	116

Столярова Л.В. Гендерное сканирование предвыборных программ политических партий Республики Казахстан	125
Столярова Э.О. Проблема преодоления стереотипов в женском сознании	132
Тарасова Е.В. Миграционный обмен с Россией как фактор формирования состава населения Восточного Казахстана	136
Токарев В.В., Дулина Н.В. Динамика развития Волгоградской области в контексте региональных пространств сопредельных территорий	142
Уалиева С.К. К характеристике семейно-брачного поведения населения Восточно-Казахстанской области в этническом аспекте	158
Уалтаева А.С. Динамика численности населения малых городов Восточно-Казахстанской области (1999-2002 гг.)	167
Фоминых В. В. Вызовы глобализации и нищета евразийства ...	173
Хабенская Е.О. Особенности институционализации национально-культурной автономии в столичном мегаполисе	180
Хомра А.У. Текущий учет миграции населения в Украине: состояние, некоторые подходы к повышению точности	187
Шмидт В. Голод в Казахстане в 1921-1924 годах. Причины и последствия	196
Щербик Е.Е. Роль промыслового налога в торговой политике государства на примере податного населения городов Семипалатинской области (вторая половина XIX века)	211
Южакова Н.Н. Социально-демографический состав казахстанской интеллигенции 1946–1999 гг. (источники по проблеме)	220
Сведения об авторах	229

МАЛАЯ АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА
НИИ ДЕМОГРАФИИ ВКУ ИМ. С.А. АМАНЖОЛОВА
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В
КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Материалы VI Международной научно-практической конференции
(г. Усть-Каменогорск, 27-28 ноября 2004 г.)

Часть II

Заказ № 552/1 Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Усть-Каменогорский Печатный Двор»
492000, г. Усть-Каменогорск тел. 8 (3232) 53-44-45, 26-91-02

